

ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ СТАЛИН

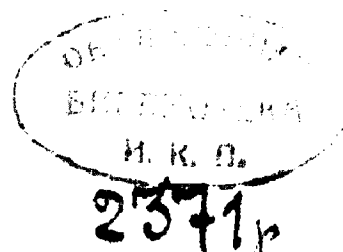
БОРЬБА

КЛАССОВ

№ 3 **МАРТ**
1936

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАССОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

6-й год издания

БЕСЕДА товарища СТАЛИНА
С ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ АМЕРИКАНСКОГО ГАЗЕТНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
„СКРИППС-ГОВАРД НЬЮСПЕЙПЕРС“
г-ном РОЙ ГОВАРДОМ

1-го МАРТА 1936 ГОДА

Г о в а р д: Каковы будут, по Вашему, последствия недавних событий в Японии для положения на Дальнем Востоке?

С т а л и н: Пока трудно сказать. Для этого имеется слишком мало материалов. Картина недостаточно ясна.

Г о в а р д: Какова будет позиция Советского Союза в случае, если Япония решится на серьезное нападение против Монгольской Народной Республики?

С т а л и н: В случае, если Япония решится напасть на Монгольскую Народную Республику, покушаясь на ее независимость, нам придется помочь Монгольской Народной Республике. Заместитель Литвинова Стомоняков уже заявил недавно об этом японскому послу в Москве, указав на неизменно дружественные отношения, которые СССР поддерживает с МНР с 1921 года. Мы поможем МНР так же, как мы помогли ей в 1921 году.

Г о в а р д: Приведет ли, таким образом, японская попытка захватить Улан-Батор к позитивной акции СССР?

С т а л и н: Да, приведет.

Г о в а р д: Развили ли японцы за последние несколько дней какую-либо такую активность в районе границы МНР, которая (активность) была бы сочтена в СССР, как агрессивная?

С т а л и н: Японцы, кажется, продолжают накапливать войска у границ МНР, но каких-либо новых попыток к пограничным столкновениям пока не замечается.

Г о в а р д: Советский Союз опасается, что Германия и Польша имеют направленные против него агрессивные намерения и подготавливают военное сотрудничество, которое должно помочь реализовать эти намерения. Между тем Польша заявляет о своем нежелании разрешить любым иностранным войскам использовать ее территорию, как базу для операций против третьего государства. Как в СССР представляют себе нападение со стороны Германии? С каких позиций, в каком направлении могут действовать германские войска?

С т а л и н: История говорит, что когда какое-либо государство хочет воевать с другим государством, даже не соседним, то оно начинает искать границы, через которые оно могло бы добраться до границ государства, на которое оно хочет напасть. Обычно агрессивное государство находит такие границы. Оно их находит либо при помощи силы, как это имело место в 1914 г., когда Германия вторглась в Бельгию, чтобы ударить по Франции, либо оно берет такую границу «в кредит», как это сделала Германия в отношении Латвии, скажем, в 1918 году, пытаясь через нее прорваться к Ленинграду. Я не знаю, какие именно границы может приспособить для своих целей Германия, но думаю, что охотники дать ей границу «в кредит» могут найтись.

Г о в а р д: Во всем мире говорят о войне. Если действительно война неизбежна, то когда, мистер Сталин, она, по Вашему, разразится?

С т а л и н: Это невозможно предсказать. Война может вспыхнуть неожиданно. Ныне войны не об'являются. Они просто начинаются. Но с другой стороны я считаю, что позиции друзей мира укрепляются. Дружья мира могут работать открыто, они опираются на мощь общественного мнения, в их распоряжении такие инструменты, как например, Лига Наций. В этом плюс для друзей мира. Их сила в том, что их деятельность против войны опирается на волю широких народных масс. Во всем мире нет народа, который хотел бы войны. Что касается врагов мира, то они вынуждены работать тайно. В этом минус врагов мира. Впрочем, не исключено, что именно в силу этого они могут решиться на военную авантюру, как на акт отчаяния.

Одним из новейших успехов дела друзей мира является ратификация франко-советского пакта о взаимной помощи Французской палатой депутатов. Этот пакт является известной преградой для врагов мира.

Г о в а р д: Если вспыхнет война, то в какой части света она может разразиться раньше? Где грозовые тучи войны больше всего сгустились — на Востоке или на Западе?

С т а л и н: Имеются, по-моему, два очага военной опасности. Первый очаг находится на Дальнем Востоке, в зоне Японии. Я имею в виду неоднократные заявления японских военных с угрозами по адресу других государств. Второй очаг находится в зоне Германии. Трудно сказать, какой очаг является наиболее угрожающим, но оба они существуют и действуют. По сравнению с этими двумя основными очагами военной опасности итало-абиссинская война является эпизодом. Пока наибольшую активность проявляет дальневосточный очаг опасности. Возможно, однако, что центр этой опасности переместится в Европу. Об этом говорит хотя бы недавнее интервью г. Гитлера, данное им одной французской газете. В этом интервью Гитлер как будто пытается говорить миролюбивые вещи, но это

свое «миролюбие» он так густо пересыпает угрозами по отношению к Франции и Советскому Союзу, что от «миролюбия» ничего не остается. Как видите, даже тогда, когда г. Гитлер хочет говорить о мире, он не может обойтись без угроз. Это симптом.

Г о в а р д: В чем, по Вашему, заключается основная причина современной военной опасности?

С т а л и н: В капитализме.

Г о в а р д: В каких именно проявлениях капитализма?

С т а л и н: В его империалистических захватнических проявлениях.

Вы помните, как возникла первая мировая война. Она возникла из-за желания переделить мир. Сейчас та же подоплека. Имеются капиталистические государства, которые считают себя обделенными при предыдущем переделе сфер влияния, территорий, источников сырья, рынков и т. д. и которые хотели бы снова переделить их в свою пользу. Капитализм в его империалистической фазе — такая система, которая считает войну законным методом разрешения международных противоречий, методом законным если не юридически, то по существу.

Г о в а р д: Не считаете ли Вы, что и в капиталистических странах может существовать обоснованное опасение, как бы Советский Союз не решил силой навязать свои политические теории другим народам?

С т а л и н: Для подобных опасений нет никаких оснований. Если Вы думаете, что советские люди хотят сами, да еще силой, изменить лицо окружающих государств, то Вы жестоко заблуждаетесь. Советские люди, конечно, хотят, чтобы лицо окружающих государств изменилось, но это дело самих окружающих государств. Я не вижу, какую опасность могут видеть в идеях советских людей окружающие государства, если эти государства действительно крепко сидят в седле.

Г о в а р д: Означает ли это Ваше заявление, что Советский Союз в какой-либо мере оставил свои планы и намерения произвести мировую революцию?

С т а л и н: Таких планов и намерений у нас никогда не было.

Г о в а р д: Мне кажется, мистер Сталин, что во всем мире в течение долгого времени создавалось иное впечатление.

С т а л и н: Это является плодом недоразумения.

Г о в а р д: Трагическим недоразумением?

С т а л и н: Нет, комическим. Или, пожалуй, трагикомическим.

Видите ли, мы, марксисты, считаем, что революция произойдет и в других странах. Но произойдет она только тогда, когда это найдут возможным или нужным революционеры этих стран. Экспорт революции — это чепуха. Каждая страна, если она этого захочет, сама произведет свою революцию, а ежели не захочет, то революции не будет. Вот, например, наша страна захотела произвести революцию и произвела ее, и теперь мы строим новое бесклассовое общество. Но утверждать, будто мы хотим произвести революцию в других странах, вмешиваясь в их жизнь, это значит говорить то, чего нет и чего мы никогда не проповедывали.

Г о в а р д: В момент установления дипломатических отношений между СССР и США президент Рузвельт и г-н Литвинов обменялись тождественными нотами по вопросу о пропаганде. В п. 4-м письма г. Литвинова президенту Рузвельту говорилось, что советское правительство обязуется

«не допускать образования или пребывания на своей территории каких-либо организаций или групп и принимать на своей территории предупредительные меры против деятельности каких-либо организаций или групп или представителей, или должностных лиц каких-либо организаций или групп в отношении Соединенных Штатов в целом, или какой-либо их части, их территории или владений, имеющих целью свержение или подготовку свержения или изменение силой политического или социального строя». Я прошу Вас, мистер Сталин, объяснить мне, почему г-н Литвинов подписал это письмо, если выполнение обязательств по этому пункту несовместимо с желаниями Советского Союза или вне его власти?

Сталин: Выполнение обязательств по пункту, который Вы процитировали, — в нашей власти, мы эти обязательства выполняли и будем выполнять.

По нашей конституции политические эмигранты имеют право проживать на нашей территории. Мы им предоставляем право убежища точно так же, как и США дают право убежища политическим эмигрантам. Совершенно очевидно, что когда Литвинов подписывал это письмо, он исходил из того, что содержащиеся в нем обязательства имеют обоюдный характер. Считаете ли Вы, мистер Говард, противоречащим соглашению Рузвельт—Литвинов, если на территории США находятся русские белогвардейские эмигранты, ведущие пропаганду против Советов и в пользу капитализма, пользующиеся материальной поддержкой американских граждан и иногда представляющие собой группы террористов? Очевидно, эти эмигранты пользуются имеющимся и в США правом убежища. Что касается нас, то мы никогда не потерпели бы на своей территории ни одного террориста, против кого бы он ни замыслил свои преступления. Повидимому, в США право убежища толкуется более расширительно, чем в нашей стране. Что же, мы не в претензии.

Вы мне, быть может, возразите, что мы сочувствуем этим политическим эмигрантам, прибывающим на нашу территорию. Но разве нет американских граждан, сочувствующих белогвардейским эмигрантам, которые ведут пропаганду за капитализм и против Советов? Стало быть о чем же речь? Речь идет о том, чтобы не помогать этим лицам, не финансировать их деятельность. Речь идет о том, чтобы должностные лица обеих стран не вмешивались во внутреннюю жизнь другой страны. Наши должностные лица честно выполняют это обязательство. Если кто-нибудь из них провинился, пусть нам скажут.

Если зайти слишком далеко и потребовать высылки всех белогвардейских эмигрантов из США, то это было бы посягательством на право убежища, провозглашенное и в США и в СССР. Тут надо признать известный разумный предел для требований и контр-требований. Литвинов подписал свое письмо президенту Рузвельту не в качестве частного лица, а в качестве представителя государства, точно так же, как это сделал и президент Рузвельт. Их соглашение является соглашением между двумя государствами. Подписывая это соглашение, и Литвинов и президент Рузвельт, как представители двух государств, имели в виду деятельность агентов своего государства, которые не должны и не будут вмешиваться во внутренние дела другой стороны. Провозглашенное в обеих странах право убежища не могло быть затронуто этим соглашением. В этих рамках надо толко-

вать соглашение Рузвельт—Литвинов, как соглашение представителей двух государств.

Г о в а р д: Но разве американские делегаты Броудер и Дарси не призывали на VII Конгрессе Коммунистического Интернационала, состоявшемся в прошлом году в Москве, к насильственному ниспровержению американского правительства?

С т а л и н: Признаюсь, что не помню речей т.г. Броудера и Дарси, не помню даже о чем они говорили. Возможно, что они говорили что-нибудь в этом роде. Но не советские люди создавали американскую коммунистическую партию. Она создана американцами. Она существует в США легально, она выставляет своих кандидатов на выборах, включая и президентские. Если т.г. Броудер и Дарси выступили однажды в Москве с речью, то у себя дома в США они выступали с подобными и даже наверняка более решительными речами сотни раз. Ведь американские коммунисты имеют возможность свободно проповедывать свои идеи. Совершенно неправильно было бы считать советское правительство ответственным за деятельность американских коммунистов.

Г о в а р д: Да, но на этот раз речь идет о деятельности американских коммунистов, имевшей место на советской территории, в нарушение п. 4 соглашения Рузвельт—Литвинов.

С т а л и н: Что представляет собой деятельность коммунистической партии, в чем она может проявляться? Деятельность эта заключается обычно в организации рабочих масс, в организации митингов, демонстраций, забастовок и т. д. Совершенно понятно, что всего этого американские коммунисты не могут проделать на советской территории. У нас в СССР нет американских рабочих.

Г о в а р д: Могу ли я понять Ваше заявление так, что может быть найдено такое истолкование взаимных обязательств, при котором добрые отношения между нашими странами были бы ограждены и продолжены?

С т а л и н: Да, безусловно.

Г о в а р д: Вы признаете, что коммунистическое общество в СССР еще не построено. Построен государственный социализм. Фашизм в Италии и национал-социализм в Германии утверждают, что ими достигнуты сходные результаты. Не является ли общей чертой для всех названных государств нарушение свободы личности и другие лишения в интересах государства?

С т а л и н: Выражение «государственный социализм» неточное. Под этим термином многие понимают такой порядок, при котором известная часть богатств, иногда довольно значительная, переходит в руки государства или под его контроль, между тем как в огромном большинстве случаев собственность на заводы, фабрики, землю остается в руках частных лиц. Так многие понимают «государственный социализм». Иногда за этим термином скрывается порядок, при котором капиталистическое государство, в интересах подготовки или ведения войны, берет на свое содержание некоторое количество частных предприятий. Общество, которое мы построили, никак не может быть названо «государственным социализмом». Наше советское общество является социалистическим, потому что частная собственность на фабрики, заводы, землю, банки, транспортные средства у нас отменена и заменена собственностью общественной. Та обществен-

ная организация, которую мы создали, может быть названа организацией советской, социалистической, еще не вполне достроенной, но в корне своем социалистической организацией общества. Основой этого общества является общественная собственность: государственная, т. е. всенародная, а также кооперативно-колхозная собственность. Ни итальянский фашизм, ни германский национал-«социализм» ничего общего с таким обществом не имеют. Прежде всего, потому, что частная собственность на фабрики и заводы, на землю, банки, транспорт и т. д. осталась там нетронутой и поэтому капитализм остается в Германии и Италии во всей силе.

Да, Вы правы, мы еще не построили коммунистического общества. Построить такое общество не так-то легко. Разница между обществом социалистическим и коммунистическим Вам наверное известна. В социалистическом обществе еще имеется некоторое имущественное неравенство. Но в социалистическом обществе уже нет безработицы, уже нет эксплуатации, уже нет угнетения национальностей. В социалистическом обществе каждый обязан трудиться, хотя и получает за свой труд еще не сообразно своим потребностям, а сообразно количеству и качеству вложенного труда. Поэтому еще существует заработная плата, притом неравная, дифференцированная. Только тогда, когда удастся создать такой порядок, при котором люди получают от общества за свой труд не по количеству и качеству труда, а сообразно их потребностям, можно будет сказать, что мы построили коммунистическое общество.

Вы говорите о том, что для того, чтобы построить наше социалистическое общество, мы пожертвовали личной свободой и терпели лишения. В Вашем вопросе сквозит мысль, что социалистическое общество отрицает личную свободу. Это неверно. Конечно, для того, чтобы построить что-нибудь новое, приходится нагонять экономию, накапливать средства, сокращать временно свои потребности, занимать у других. Если хочешь построить новый дом, то копишь деньги, временно урезаешь свои потребности, иначе дома можешь и не построить. Это подавно справедливо, когда речь идет о том, чтобы построить целое новое человеческое общество. Приходилось временно урезать некоторые потребности, накапливать соответствующие средства, напрягать силы. Мы так именно и поступили и построили социалистическое общество.

Но это общество мы построили не для ущемления личной свободы, а для того, чтобы человеческая личность чувствовала себя действительно свободной. Мы построили его ради действительной личной свободы, свободы без кавычек. Мне трудно представить себе, какая может быть «личная свобода» у безработного, который ходит голодным и не находит применения своего труда. Настоящая свобода имеется только там, где уничтожена эксплуатация, где нет угнетения одних людей другими, где нет безработицы и нищенства, где человек не дрожит за то, что завтра может потерять работу, жилище, хлеб. Только в таком обществе возможна настоящая, а не бумажная, личная и всякая другая свобода.

Г о в а р д: Считаете ли Вы совместимым параллельное развитие американской демократии и советской системы?

С т а л и н: Американская демократия и советская система могут мирно сосуществовать и соревноваться. Но одна не может развиваться в другую. Советская система не перерастет в американскую демократию и наоборот. Мы

можем мирно сосуществовать, если не будем придирааться друг к другу по всяким мелочам.

Г о в а р д: В СССР разрабатывается новая конституция, предусматривающая новую избирательную систему. В какой мере эта новая система может изменить положение в СССР, поскольку на выборах по-прежнему будет выступать только одна партия?

С т а л и н: Мы примем нашу новую конституцию должно быть в конце этого года. Комиссия по выработке конституции работает и должна будет скоро свою работу закончить. Как уже было объявлено, по новой конституции выборы будут всеобщими, равными, прямыми и тайными. Вас смущает, что на этих выборах будет выступать только одна партия. Вы не видите, какая может быть в этих условиях избирательная борьба. Очевидно, избирательные списки на выборах будут выставлять не только коммунистическая партия, но и всевозможные общественные беспартийные организации. А таких у нас сотни. У нас нет противопоставляющих себя друг другу партий, точно так же как у нас нет противостоящих друг другу класса капиталистов и класса эксплуатируемых капиталистами рабочих. Наше общество состоит исключительно из свободных тружеников города и деревни — рабочих, крестьян, интеллигенции. Каждая из этих прослоек может иметь свои специальные интересы и отражать их через имеющиеся многочисленные общественные организации. Но коль скоро нет классов, коль скоро грани между классами стираются, коль скоро остается лишь некоторая, но не коренная разница между различными прослойками социалистического общества, не может быть питательной почвы для создания борющихся между собой партий. Где нет нескольких классов, не может быть нескольких партий, ибо партия есть часть класса.

При национал-«социализме» также существует только одна партия. Но из этой фашистской однопартийной системы ничего не выйдет. Дело в том, что в Германии остался капитализм, остались классы, классовая борьба, которая все равно прорвется наружу, в том числе и в области борьбы партий, представляющих противоположные классы, так же как прорвалась, скажем, в Испании. В Италии также существует только одна — фашистская — партия, но по тем же причинам и там из этого ничего не выйдет.

Почему наши выборы будут всеобщими? Потому, что все граждане, за исключением лишенных избирательных прав по суду, будут иметь право избирать и быть избранными.

Почему наши выборы будут равными? Потому, что ни различие в имущественном отношении (еще частично существующее), ни расовая и национальная принадлежность не будут давать никаких привилегий или ущерба. Женщины будут пользоваться активным и пассивным избирательным правом на равных правах с мужчинами. Наши выборы будут подлинно равными.

Почему тайные? А потому, что мы хотим дать советским людям полную свободу голосовать за тех, кого они хотят избрать, кому они доверяют обеспечение своих интересов.

Почему прямые? Потому, что непосредственные выборы на местах во все представительные учреждения, вплоть до верховных органов, лучше обеспечивают интересы трудящихся нашей необъятной страны.

Вам кажется, что не будет избирательной борьбы. Но она будет, и я предвижу весьма оживленную избирательную борьбу. У нас не мало учреждений, которые работают плохо. Бывает, что тот или иной местный орган власти не умеет удовлетворить те или иные из многосторонних и все возрастающих потребностей трудящихся города и деревни. Построил ли ты или не построил хорошую школу? Улучшил ли ты жилищные условия? Не бюрократ ли ты? Помог ли ты сделать наш труд более эффективным, нашу жизнь более культурной? Таковы будут критерии, с которыми миллионы избирателей будут подходить к кандидатам, отбрасывая негодных, вычеркивая их из списков, выдвигая лучших и выставляя их кандидатуры. Да, избирательная борьба будет оживленной, она будет протекать вокруг множества острейших вопросов, — главным образом вопросов практических, имеющих первостепенное значение для народа. Наша новая избирательная система подтянет все учреждения и организации, заставит их улучшить свою работу. Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти. Наша новая советская конституция будет, по-моему, самой демократической конституцией из всех существующих в мире.

Записал: К. УМАНСКИЙ.

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ КОНКУРСА НА ЛУЧШИЙ УЧЕБНИК ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ ПО ЭЛЕМЕНТАРНОМУ КУРСУ ИСТОРИИ СССР С КРАТКИМИ СВЕДЕНИЯМИ ПО ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП(б)

Придавая исключительное значение преподаванию в школе исторической науки и созданию марксистских учебников по истории, Совет Народных Комиссаров Союза ССР и Центральный Комитет ВКП(б) постановляют:

1. Объявить конкурс на составление лучшего учебника для начальной школы по элементарному курсу истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории.

2. Для премирования лучших учебников, представленных на конкурс, установить 4 премии:

первая премия 100.000 рублей,
вторая премия 75.000 рублей,
третья премия 50.000 рублей,
четвертая премия 25.000 рублей.

3. В конкурсе могут принимать участие все желающие, без всяких ограничений, как отдельные лица, так и коллективы (группы авторов, институты и т. д.).

4. Срок представления учебников на конкурс — 1 июля 1936 года.

5. Учебники могут представляться на конкурс за подписью автора или под избранным им девизом.

6. Учебник должен быть рассчитан на учащихся 3-го и 4-го класса начальной, неполной средней и средней школы (10 — 12-летний возраст учеников).

7. Объем учебника не должен превышать 20 печатных листов, из которых 18 листов чистого текста и 2 листа иллюстраций и карт.

8. При составлении учебника авторы должны руководствоваться теми установками, которые даны: а) в решениях Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 года «О преподавании гражданской истории в школах СССР», б) «Замечаниями по поводу конспекта учебника по истории СССР» за подписями товарищей И. Сталина, А. Жданова и С. Кирова от 8.VIII.34 г., опубликованными в «Правде» и в «Известиях» от 27 января 1936 года и в) статьями товарищей Бухарина («Известия» от 27.I), Радека («Правда» от 27.I) и Быстрянского («Правда» от 1.II.36 г.).

9. При составлении учебника авторы должны, в первую очередь, иметь в виду указания ЦК ВКП(б) в постановлении «О преподавании гражданской

истории в школах СССР от 16.V.34 г. что «решающим условием прочного усвоения учащимися курса истории является соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат» и что «только такой курс истории может обеспечить необходимую для учащихся доступность, наглядность и конкретность исторического материала, на основе чего только и возможны правильный разбор и правильное обобщение исторических событий, подводящие учащегося к марксистскому пониманию истории».

10. Элементарный курс истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории для начальной школы по своему содержанию и характеру изложений должен учитывать возрастные особенности учащихся 3-го и 4-го классов, для которых этот учебник предназначается.

11. Учебник должен быть конкретен и исторически правдив. Одновременно с этим изложение его должно быть ярким, интересным, художественным и вполне доступным для учащихся указанных возрастов.

12. В конце учебника должен быть помещен словарь трудных и иностранных слов.

13. Для рассмотрения представленных на конкурс учебников и присуждения премий назначить жюри в составе:

А. Жданов (председатель),
К. Бауман,
А. Бубнов,
Н. Бухарин,
В. Быстрянский,
П. Горин,
В. Затонский,
А. Сванидзе,
Файзулла Ходжаев,
Я. Яковлев.

*Председатель Совета Народных Комиссаров
Союза ССР В. Молотов.*

Секретарь Центрального Комитета ВКП(б) И. Сталин.

3 марта 1936 года

За преодоление ошибок ШКОЛЫ М. Н. ПОКРОВСКОГО

Решение ЦК и СНК от 27 января 1936 г. о неудовлетворительности подготовленных учебников истории и решение от 4 марта 1936 г. об организации конкурса на лучший учебник для начальной школы по элементарному курсу истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории представляют исключительное событие на историческом фронте. Значение этих решений выходит далеко за пределы вопроса о школьных учебниках. Вопрос об исторических учебниках на настоящем этапе превратился в вопрос о содержании и направлении исторического образования, составляющего основу марксистско-ленинского образования и воспитания новых поколений в СССР.

Колоссальные успехи социалистического строительства Страны советов, громадный экономический и культурный рост братских народов многонационального СССР превращают вопрос об учебниках истории в огромной важности политический вопрос воспитания и подготовки миллионов сознательных и активных строителей нового, коммунистического общества и борцов за мировую пролетарскую революцию.

Миллионы активных строителей социализма стремятся изучать свое прошлое, привести накапливаемые ими знания в стройную систему научного мировоззрения, конкретно представлять себе путь минувший и путь грядущий.

Ни один из классов в мировой истории не заинтересован в такой мере в объективной истории, как рабочий класс. Только рабочий класс, историческая борьба которого за коммунизм совпадает с основной тенденцией развития человеческого общества, заинтересован в полном, глубоком, правдивом и объективно-научном изучении всего исторического прошлого человечества.

Вожди пролетариата, основоположники научного социализма Маркс и Энгельс и их величайшие ученики и продолжатели Ленин и Сталин, вырабатывая стратегию и тактику пролетариата, глубоко изучали и умели использовать богатейший материал истории.

Принцип историзма — основа диалектики, того революционного метода, который составляет живую душу марксизма. Таким историзмом отличаются все работы Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина.

Однако ни наша историческая наука, ни преподавание истории в нашей школе до сих пор не отвечают в необходимой мере тем требованиям и запросам, какие к ним предъявляет наша великая эпоха. ЦК нашей партии и лично товарищ Сталин неоднократно сигнализировали об опасности и недопустимости этого отставания. Между тем положение на историческом фронте продолжает оставаться неудовлетворительным. Научная работа развертывается слабо. Конкретно-исторических работ издано чрезвычайно мало. Подавляющее большинство книг по истории представляет собой отвлеченные

социологические схемы и обобщения, в которых конкретные факты привлечены лишь в качестве иллюстративного материала. Тематика научных исторических исследований крайне сужена. Все эти недостатки в области научного исторического исследования с особой остротой сказываются и на постановке преподавания истории.

В наиболее концентрированной форме общие недостатки и отставание исторической науки отражают учебники истории, которыми до 1934 г. пользовались, а за отсутствием других учебников и до сих пор пользуются в наших школах.

Товарищ Сталин не только подверг суровой критике учебники истории и постановку преподавания истории, но и дал политическую оценку тому направлению, которое являлось господствующим и в исторической науке и в преподавании,—антинаучной, антиленинской концепции М. Н. Покровского.

16 мая 1934 г. было опубликовано известное постановление о преподавании гражданской истории в школах СССР. ЦК партии и Совнарком СССР констатировали неудовлетворительность постановки преподавания истории во всех звеньях нашего исторического образования, в особенности в средней школе, где общая история как предмет была почти ликвидирована и заменена обществоведением. Фактически были ликвидированы и те историко-филологические факультеты, которые раньше существовали при университетах.

ЦК ВКП(б) и СНК СССР потребовали, чтобы в учебниках давалась гражданская история, излагающая в живой, занимательной форме важнейшие события и факты в их хронологической последовательности, дающая характеристики исторических деятелей, чтобы историки решительно отказались от абстрактных определений и отвлеченных социологических тем. «Только такой путь истории,—указывалось в этом постановлении,—может обеспечить необходимые для учащихся доступность, наглядность, конкретность исторического материала, на основе чего только и возможны правильный разбор и правильное обобщение исторических событий, подводящие учащихся к марксистскому пониманию истории».

Решение ЦК и СНК не просто подчеркивало необходимость конкретной истории, но и необходимость правильного разбора и обобщения излагаемых фактов, исключая буржуазный прагматизм и эмпиризм, равно как и не допускающих превращения истории в отвлеченную схему.

В постановлении ЦК и Совнаркома было предложено к учебному 1935—1936 году подготовить новые учебники по всем основным разделам всеобщей истории. Давалось четкое и ясное указание, что всеобщую историю необходимо изучать начиная с древнейших ее времен и кончая нынешним этапом нашей борьбы за коммунизм.

Группы историков должны были выработать конспекты по истории и представить их на рассмотрение ЦК и Совнаркома. Первые конспекты были составлены с преобладанием голых фактов и с недостаточными выводами и обобщениями. Конспекты были объявлены неудовлетворительными. Последовал критический и суровый разбор этих конспектов в известных замечаниях товарищей Сталина, Кирова и Жданова.

Неудовлетворительными оказались не только конспекты, но и написанные на их основе учебники. На них сказалось влияние той общеисторической методологии, в основе которой лежала немарксистская, антиленинская историческая схема М. Н. Покровского.

Вот почему в решении 27 января 1936 г. в очень суровой форме были определены недостатки подготовленных учебников и вскрыты их причины. При этом было подчеркнуто, что авторы и вообще значительная часть историков СССР продолжают настаивать на вредных исторических установках, имеющих в своей основе из-

вестные ошибки Покровского. «Совнарком и ЦК не могут, — говорится в этом постановлении, — не расценивать этого как свидетельство того, что среди некоторой части наших историков, особенно историков СССР, укоренились антимарксистские, антиленинские, по сути дела, ликвидаторские, антинаучные взгляды на историческую науку».

Антимарксистское и антиленинское отрицание М. Н. Покровским объективной истории, его оценка истории как «политики, опрокинутой в прошлое», недialeктический подход его к увязке теории и практики в области истории привели к насаждению в среде историков ликвидаторских взглядов на историю как науку и сказались самым отрицательным образом во всей нашей практике в области исторического образования. Наш журнал также отражал на своих страницах установки, на которые с такой остротой обратили внимание историков решения ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Вот почему систематическая и углубленная критика этих взглядов М. Н. Покровского, преодоление которых является неременным условием для успешного продвижения вперед нашей исторической науки, самокритика и серьезный пересмотр всей нашей работы являются неотложной задачей для нашего журнала.

Но преодоление исторической концепции М. Н. Покровского возможно только на основе глубочайшего и серьезного изучения основ марксистско-ленинской диалектики, на базе полного и обстоятельного выяснения исторических и политических корней антиленинской методологии Покровского. Преодоление экономического материализма и его пережитков — такова огромной важности задача. Экономический материализм насквозь механистичен. Происхождение и развитие общественных надстроек государства, права, религии и т. д. он объясняет непосредственным воздействием экономических факторов. Это делается крайне упрощенно и вульгарно, без учета всей диалектики соотношений между базисом и надстройками, без учета противоречивости и сложности всего процесса развития и его отдельных этапов. Без преодоления методов экономического материализма «школы М. Н. Покровского» историки не поймут диалектичности, революционности перехода от одного этапа общественного развития к другому этапу. В каждом историческом отрезке необходимо уметь найти и пережитки старого и зачатки нового общественного этапа, новых классовых отношений. Но для этого необходимо именно конкретное изучение каждого этапа истории.

Важнейшей задачей нашего журнала является серьезная работа среди исторических кадров и помощь им в деле их марксистско-ленинского воспитания и обучения на основе разбора образцов марксовой, ленинско-сталинской диалектики. Но разрешение этой задачи невозможно без одновременной большой конкретной исследовательской работы в области истории самых различных эпох и событий.

Как показали подготовленные учебники, в историческую литературу вошел ряд прочно установившихся оценок многих исторических событий и фактов, вытекавших из антинаучной, немарксистской методологии М. Н. Покровского.

Исходя из указаний, сделанных в замечаниях товарищей Сталина, Кирова и Жданова, наш журнал ставит в первую очередь своей задачей дать правильное представление по тем отдельным событиям прошлого, которые искажались нашей исторической литературой. Наш журнал должен на героических образцах нашего прошлого научить молодые поколения знать и любить свою родину. Ведь у нас выросли и подрастают поколения, которые не знали капитализма; не участвовали в гражданской войне, которые воспринимают социализм и советскую власть как быт, их окружающий, и не имеют ясного представления, какой ценой завоевана та счастливая жизнь, которую им обеспечила героическая борьба многих поколений борцов.

Неправильной и реакционной является «концепция», будто русский народ в прошлом представлял собой сплошную массу лентяев, был воплощением всеобщей обломовщины и азиатской дикости.

Новые поколения должны понимать всю грандиозность расстояния, отделяющего СССР от дореволюционной России, не допуская искажения исторической перспективы и не окрашивая исторического прошлого нашей страны в сплошной черный цвет.

Без исторического подхода к оценке событий или фактов нашего прошлого невозможно дать подлинного марксистско-ленинского исторического знания. Преодолеть антинаучное, антиленинское наследие М. Н. Покровского возможно только на этой основе. Вот почему глубокое знание Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина должно сопровождаться активнейшей конкретной работой в области научного исследования и широкой популяризацией основных достижений и выводов исторической науки.

По-большевистски включиться в эту работу и систематически помогать нашим молодым кадрам историков, преподавателей, пропагандистов — такова святая обязанность и ближайшая неотложная задача и нашего журнала.

ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИИ ДЛЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЛЕТАРИАТА

Историография нового времени является детищем развития буржуазии точно так же, как ее детищем является и современное естествознание. Если развитию естествознания толчок дала потребность в сознательном влиянии на развитие производительных сил, то историческая наука возникает в связи с первыми осознанными политическими потребностями рождающейся буржуазии.

Николо Маккиавелли, борясь за объединение Италии, ищет рычагов для этого объединения, пытается понять соотношение сил и направление развития. Из этого стремления происходит его попытка писать историю не с точки зрения ее морального осуждения, а с точки зрения исследования ее закономерностей, ее причинных связей.

Гоббс, чувствуя толчки приближающейся английской революции, ищет научного критерия для оценки исторических событий. Единственной наукой, к которой он может иметь доверие, является математика и развивающееся естествознание. Это у них он ищет метода научного исследования общества. Сын эпохи начала буржуазного индивидуализма, он берет за исходный пункт своего исследования человека, а не общество, и не может поэтому выработать научного метода познания исторических процессов, а тем более найти мерило для оценки целесообразности политических действий. Но, несмотря на неудачи его исторических изысканий, свидетель-

ством чего является его «Левиафан», он показывает, как стремление к созданию исторической науки имеет своим источником политику, т. е., в окончательном счете, борьбу за власть.

Развитие буржуазной историографии натывается на два препятствия: вначале на то, что идущая к власти буржуазия считает только буржуазный строй разумным, и, пытаясь в момент своей борьбы за господство понять закономерность этой борьбы, она относится к прошлому, как к чему-то случайному, как к результату средневекового невежества: она не понимает, что феодальный строй, ставший в ее время помехой развития, был раньше его формой, а поэтому был точно так же исторически необходим, как впоследствии капиталистический строй.

Второй помехой развитию буржуазной историографии, помехой, явившейся позже, было начало борьбы рабочего класса против капитализма. Точно так же, как эта борьба привела к ликвидации классической политической экономии буржуазии—этой попытки научного исследования капитализма, к вырождению науки, к превращению ее в «вульгарную экономию», в лженаучную попытку скрыть и замазать все противоречия капитализма, точно так же попытки создания научной истории историками первой половины XIX столетия кончаются полным крахом.

После чартистского движения, после июльских дней 1848 года, когда пролетариат поднялся против господства буржуазии и, хотя в смутной форме, провозгласил свое право на руководство обществом, буржуазная история перестает быть даже намеком на серьезное научное исследование развития общества и становится чистой апологетикой, т. е. защитой всеми средствами, вплоть до фальсификации, не только буржуазного строя, но и классового строя и классовой эксплуатации вообще.

* * *

Основоположники научного социализма Маркс и Энгельс, опираясь на классическую экономию буржуазии, преодолевая ее

неспособность исторического анализа экономических явлений, создали единственную научную теорию капитализма. Используя все попытки научного исследования истории буржуазными историками, они выработали научный метод исследования истории и дали блестящие образцы применения его при анализе как прошлых исторических эпох, так и современной им истории. Даже там, где отсутствие достаточно разработанных источников и достаточного количества подготовительных работ не позволило им дать исчерпывающую картину прошлого (высказывания Маркса и Энгельса по восточной истории, по римской истории, даже расшифровка движущих сил предистории человечества), их работы являются блестящими образцами исторического гения.

Но отношение Маркса и Энгельса к истории было, как и отношение их научных предшественников—крупных буржуазных историков, не только выражением желания знать, как развивалось человечество, но и результатом глубокого понимания роли истории в общественной борьбе.

Когда Маркс и Энгельс набрасываются на исследования Моргана об истории родового быта индейских племен, когда они изучают историю индийской общины, историю аграрных отношений Греции и Рима, историю германской марки, то интерес Маркса и Энгельса к этим древним периодам человеческого развития определялся жгучим желанием дать пролетариату острое оружие для борьбы против буржуазного утверждения о вечности частной собственности. История возникновения частной собственности, классов, государства должна была вооружить пролетариат для борьбы за общественную, социалистическую собственность, за уничтожение класса капиталистов, за уничтожение буржуазного государства, за коммунизм.

Когда Энгельс изучает историю крестьянской войны в Германии, его тянет к этой истории не только желание изучить революционное прошлое германского крестьянства, но и изучить вопрос о борьбе крестьянства, как будущего союзника пролетариата.

Все исторические работы Маркса

и Энгельса, посвященные истории Франции после французской революции, истории революции в Германии и в Австрии, все эти памятники точного исторического анализа были одновременно боевыми памфлетами, направленными против классового врага, с которым пролетариат боролся грудью против груди.

Когда мелкие людишки, вроде Э. Бернштейна, с его послесловием к книге Эрихтэ по истории французской революции 1848 года, пытались опорочить научность этих трудов Маркса на том основании, что труды эти родились в политической борьбе, то это показывает, что эти жалкие слизняки никогда не были не только марксистами, но никогда не имели никакого понятия о науке.

Все, что есть великого в исторической науке, возникало не только из желания исследовать, но и из желания на основе научно понятых закономерностей наметить путь для действия. Беда буржуазии, что научная правда начала говорить против нее, за неизбежность ее ликвидации, и что поэтому буржуазия должна была отказаться от научного исследования истории общества. Интересы пролетариата, его стремление к власти совпадают с тенденцией исторического развития, и поэтому страстная защита этих интересов не только не является помехой для установления историками пролетариата объективной научной правды, но, наоборот, является стимулом для научной исторической деятельности.

* * *

Второй Интернационал, по мере того как он отказывался от революционной борьбы, по мере того как он перерождался в оппортунистическую организацию рабочей аристократии и бюрократии, не был в состоянии развить исторического научного наследия Маркса и Энгельса, как он не был в состоянии развить его экономической теории и дать теорию монополистического капитализма. Историки Второго Интернационала могли дать более или менее ценное

исследование одного или другого исторического явления далекого прошлого или описание событий. Но они не были в состоянии даже понять тех сокровищ, которые находились в исторических трудах Маркса и Энгельса.

Что может быть более характерно, чем факт, что работы Маркса и Энгельса по новой истории не были предметом тщательнейшего исследования историками Второго Интернационала? Даже такие писатели, как Роланд Гольст, стоявшая на левом фланге Второго Интернационала, передавая в поверхностной работенке содержание марксовых работ о 48-м годе, приходит к смехотворному заключению, что Маркс в этих работах советовал пролетариату, ввиду неизбежности капитализма, итти на блок с буржуазией (см. статью Роланд Гольст в сборнике «Карл Маркс», изданном в 1908 году).

Великое значение исторического учения Карла Маркса, значение его отношения к истории, как к науке, понял только Ленин, который снова поставил эту науку на службу пролетариату. Как «Две тактики» Ленина являются непревзойденным анализом учения Маркса о роли пролетариата в буржуазной революции, о перерастании буржуазной революции в социалистическую, так понадобился глубоко вспахивающий плуг того же Ленина, чтобы откопать марксово учение о государстве и диктатуре пролетариата.

Почему только Ленин и только большевики восстановили историческое учение Маркса, почему только они могли это учение восстановить? Ленин и большевики стремились организовать пролетариат для борьбы с царизмом, с буржуазией и помещиками. Ленин и большевики готовили революцию, и поэтому их отношение к истории было не только любознательностью к прошлому: они искали в прошлом уроков для стратегии и тактики пролетариата в русской буржуазной революции, долженствовавшей неминуемо перерастить в социалистическую революцию.

Для революционной голландской мещанки, чтобы не говорить о нереволуционных социал-демократических мещанах Германии, буржуазная рево-

люция — это было далекое прошлое, где незачем разбираться между либеральной буржуазией и плебейскими буржуазно-демократическими слоями. Для Ленина же дело шло об изучении роли буржуазии и роли крестьянства в прошлом, чтобы тем легче, тем лучше изучить и предательскую роль русской либеральной буржуазии и весь характер демократической мелкой буржуазии в лице крестьянства, как союзника пролетариата. Оппортунистам Второго Интернационала, не собирающимся поднимать революционных масс против буржуазии, не только незачем было изучать учение Маркса о буржуазной демократии, как форме диктатуры буржуазии, и о диктатуре пролетариата, как форме пролетарской демократии, но им необходимо было все это основательно скрыть от пролетариата.

Как из задач большевизма вытекала необходимость восстановления учения Маркса об истории после французской революции, поднятия этого учения на более высокую ступень, так из задач большевизма, как руководителя революционной борьбы русского пролетариата, вытекала необходимость научного изучения истории царизма, истории его политики, истории буржуазно-демократических стремлений, порожденных разложением русского феодализма, истории течений в рабочем классе.

Громадное богатство наследства Ленина в этой области, до сего времени не исчерпанное и не приведенное в порядок, дает нам основы доподлинной истории народов СССР. Достаточно прочесть несколько страничек, которые Ленин посвящает, в полемике с Даном и Мартовым в период подытоживания результатов революции 1905 года, отточненным мыслям о сдвигах, происшедших в русском самодержавии со времени Ивана Грозного до Столыпина, и сравнить их с четырехтомником Покровского, чтобы видеть всю разницу между действительным применением материалистическо-диалектического метода Маркса и псевдомарксистской схемой истории абсолютизма вообще, заимствованной из введения Каутского к его книге о Томасе Море.

* * *

Наши историки не успели еще усвоить великого исторического наследства Маркса, Энгельса и Ленина; это очень ярко проявилось в самом факте господства школы Покровского в области русской истории, в факте непреодоленного влияния люксембургизма и троцкизма в трактовке общей новой истории, когда бурный ход истории поставил историков перед целым рядом вопросов громадного значения. Не историки «специалисты», а партийное руководство, в лице товарища Сталина, поставило эти вопросы.

Когда предстояла ликвидация кулачества на основе сплошной коллективизации, ученик Ленина, вождь и теоретик партии товарищ Сталин бросает глубочайший исторический свет на природу и на тенденции развития крестьянского вопроса, как бы резцом вскрывает всю разницу в развитии этого вопроса в СССР и капиталистических странах.

На съезде колхозников он поднимает этот вопрос на еще более высокую историческую вышку, указывая на роль восстания рабов в ликвидации рабовладельческого строя и на роль крестьянских восстаний в ликвидации феодализма.

Когда пролетариат поставлен перед задачей создания новой техники, перед задачей «догнать и перегнать» в этой области капиталистические страны; когда стахановское движение показывает первые великие победы социалистического пролетариата в области увеличения производительности труда, Сталин ставит перед нами величайший исторический вопрос о стимулах развития производительности труда при феодализме, капитализме и социализме, о стремлении к ликвидации противоречий между умственным и физическим трудом.

Когда международные бои революционного пролетариата и колониальных народов выдвигают перед нами вопрос о сущности китайской революции, Сталин дает анализ движущих ее сил, отмечающий деревенную теорию Покровского о торговом капитале, как особом социаль-

ном укладе (теорию, под влиянием которой находился и пишущий эти строки), и показывает, как роль торгового капитала вырастает из разложения феодализма и связана с его пережитками.

Когда борьба за пятилетку мобилизует мелкобуржуазные контрреволюционные силы и они, разбитые на открытой политической арене, прячутся в закоулках наших исторических книг и исторических учреждений, Сталин в своей работе о «некоторых вопросах истории большевизма» с величайшей силой и ясностью вскрывает характер полуцентристских и полуменьшевистских ошибок левой предвоенного Второго Интернационала и, выметая эти традиции из нашей истории, дает толчок к пересмотру истории подготовки мировой войны и послевоенных лет.

Марксистско-ленинская история есть научная правда о прошлом, необходимая пролетариату для его борьбы за социализм. Интересы науки сливаются в ней с интересами борьбы пролетариата, которому не нужны никакие легенды, которому служить может только полное знание действительности. Эта действительность уходит корнями в прошлое, и поэтому знание всего исторического прошлого имеет для пролетариата величайшее значение.

Что, казалось бы, является более отдаленным от нашей действительности, чем история рабства или история кочевых народов? Но мы — партия пролетариата, призванная играть всемирно-историческую роль. Рабство существует еще во всех колониях, кочевники представляют еще значительную часть народов Азии, с которыми нам придется иметь еще дело.

Роль торгового капитала казалась вопросом старой русской истории, но она, в свете революционных событий в Китае, оказалась животрепещущим вопросом современности. Ошибки в трактовке этого вопроса имели непосредственное влияние на совершение политических ошибок в современных боях.

Исследование характера империализма, исследование истории Второго

Интернационала должно объяснить, почему не победила еще революция на Западе и какими путями должен идти революционный пролетариат, чтобы ускорить ее победу.

Нет такого исторического вопроса, который не влиял бы тем или другим образом на нашу оценку самых разнообразных явлений современности и не имел бы прямого практически-политического значения. Вот причина, почему Центральный Комитет нашей партии, с товарищем Сталиным во главе, относится с такой серьезностью к вопросу об учебниках истории для наших школ, почему он, чего не делает ни одно правительство, занимается каждым из этих учебников.

* * *

История есть наука о развитии производительных сил, производственных отношений и—поскольку речь идет о классовых обществах—о классовой борьбе за власть, т. е. наука об истории классовых обществ есть наука о политике, содержанием которой является борьба за власть и за сохранение ее. Но чтобы наука истории, преподаваемая в наших школах миллионам молодых граждан Советской республики, была действительно марксистско-ленинской наукой, она должна быть наукой конкретной.

Всякая попытка подмены науки истории наукой об одних социально-экономических формациях вырывает из совокупности явлений одно явление, хотя бы и основное, и, изолируя его от конкретной истории борьбы классов, от истории самых разнообразных сочетаний этих классов, создает схему, которая может породить только политические ошибки.

Почему во многих учебниках истории, при трактовке истории монополистического капитализма, отсутствует крестьянство, отсутствует городская мелкая буржуазия? Ведь крестьянство является носителем колониальной борьбы за освобождение от ига империализма, не говоря уже о роли кре-

стьянства в будущих революционных боях западноевропейского пролетариата. Оно является еще большинством человечества. Ведь городская мелкая буржуазия сыграла роль массовой базы фашизма, хотя он является политикой наиболее реакционных частей монополистической буржуазии. Это пренебрежение крестьянством вытекает из упрощенной схемы, которая берет сплошной «чистый» монополистический капитализм; а ведь такового нигде не существует, как не существует общества, в котором были бы только капиталисты и только пролетарии. Что это означает политически, показал Второй Интернационал со своим скидыванием со счетов колониального крестьянства, что на деле сводилось к прямой поддержке империализма. Недооценка роли городской мелкой буржуазии вызывает пренебрежение к борьбе за завоевание мелкобуржуазных городских слоев, страдающих от господства империализма и являющихся жертвой того же фашизма, за которым они пошли.

Абстрактная схема, заменяющая живую историческую действительность, приводит неминуемо к упрощению этой действительности, а это последнее—к политическим ошибкам. Учить молодежь оценивать историческое положение во всякий момент в полной его исторической конкретности можно только на истории, которая, в рамках общей характеристики эпохи, умеет дать полную, конкретную картину исторического развития, со всеми его противоречиями и со всеми переходными ступенями. Любая историческая эпоха, всякая крупная историческая борьба, совершается не аморфными массами, а классами, выкристаллизовавшими свой авангард, создавшими известную систему мыслей, имеющими своих представителей, в лице которых выражены наиболее ярко черты эпохи, черты стремлений стоящих за ними классов. Только такой учебник истории, только такое историческое исследование, которое умеет показать конкретную историческую си-

туацию, конкретно борющиеся классы с их идеологией, с их организацией, с их руководителями, может научить нашу молодежь думать политически.

Но такая история требует от ее авторов, во-первых, глубочайшего изучения марксизма-ленинизма, требует от них знания марксизма-ленинизма в его развитии, во всем богатстве его формулировок, всегда оттеняющих одну особенную сторону вопроса и только в своей совокупности дающих правильное понимание об учении основоположников коммунизма.

Только полное усвоение метода Маркса, Энгельса и Ленина и результатов их научной работы позволяет создать научную историю и дать учебники, вводящие в мозг миллионных масс четкие и ясные мысли о движущих силах исторического развития, о задачах, стоящих перед пролетариатом и крестьянством.

Но наши историки не могут удовлетвориться только повторением результатов исторических исследований Маркса, Энгельса и Ленина. Основоположники современного коммунизма не могли заниматься подробным исследованием всех исторических эпох. Кроме того, Марксу, Энгельсу и Ленину недоступны были многие источники по азиатской истории. Создавая ряд исторических вузов, востоковедческих вузов и др. учреждений, советское государство дало в руки наших молодых историков мощнейшие средства для действительного изучения всей истории человечества.

Советский пролетариат, стоящий перед всемирными историческими задачами и поэтому нуждающийся в знании всемирной истории, имеет право требовать от наших историков, чтобы они сделали предметом своих исследований совокупность исторического процесса и чтобы работа их опиралась на весь доступный исторический материал. Понятно, что в тот или другой момент надо историкам, или значительной их части, концентрироваться на известных вопросах, выдвинутых ходом событий. Но так же, как мы не можем создать химии или физики, занимаясь только теми вопросами, решения которых требует

в данный момент производство каучука или электрическая промышленность, а должны, относясь с большим вниманием к практическим потребностям дня, изучать совокупность химических и физических вопросов, развивать высшую математику—иначе мы не сумеем удовлетворить и ближайших практических вопросов, так мы не можем удовлетвориться одним изучением истории России после 61 г. или изучением французской истории после французской революции. Уже одна необходимость изучения азиатской истории, имеющей для нас непосредственно практическое значение, требует для сравнения изучения средневековой истории и истории рабовладельческих обществ. И т. д.

* * *

Когда-то большевики учили широкие массы рабочих и крестьян листовкой и газетной статьей основным понятиям политики. Брошюры и книги Ленина доходили только до авангарда пролетариата.

Сегодня мы уже можем миллионам рабочих и колхозников дать политграмоту, книгу, учащую эти громадные массы основным понятиям политики. В десятках миллионов экземпляров распространяется наша пресса и учит ежедневно великую страну новым политическим понятиям, соответствующим новым сдвигам в структуре страны, в ее задачах, новым фактам международной политики. В школах, созданных пролетариатом, учится наша молодежь, чтобы выйти из этих школ сознательными гражданами, способными выполнить великие исторические задачи, стоящие перед советским пролетариатом и колхозниками.

Учебник истории должен сыграть в этой подготовке десятков миллионов будущих борцов решающую роль. Он должен сделать этих будущих носителей борьбы за социализм людьми, знающими историю человечества, историю классовой эксплуатации, угнетения, историю борьбы за социализм, историю великой социалистической стройки и историю партии, этой стройкой руководящей.

В своей речи о стахановцах товарищ Сталин сказал, что в будущем

всякий рабочий может и должен иметь образование инженера. Эти слова можно применить и к историческому воспитанию народных масс. Наш молодежник может в школе усвоить основное знание истории, позволяющее ему точно так же относиться с полным сознанием к историческим событиям, в которых он призван принимать участие, как с полным сознанием рабочий, получивший техническое образование, будет относиться к химическим и физическим процессам, которыми он руководит.

Никакой учебник истории не дает рецептов, как действовать во всяком положении. Но, передавая не только знание основных линий исторического развития, но и показывая, как в разных положениях, в разных сочетаниях сил боролись разные классы, он должен быть в той же самой мере ис-

точником знания об условиях победы пролетариата, как тщательное изучение истории войн, изучение конкретных решающих битв дает военному гибкость ума, осмотрительность и одновременно смелость решений.

Наша историческая наука не сумела еще подняться до тех высот, которых требует от нее великое наследство Маркса, Энгельса и Ленина и великие образцы исторической прозорливости Сталина. Пришло время, чтобы мы взялись за работу для поднятия ее на эту высоту и чтобы мы дали нашей молодежи учебники истории, готовящие ее к предстоящим великим боям на международной арене. История в руках большевиков должна быть конкретной наукой, объективной правдой и тем самым великим оружием в боях за социализм.

НЕДОСТАТКИ ИСТОРИЧЕСКОГО ФРОНТА И ОШИБКИ ШКОЛЫ ПОКРОВСКОГО

1

Решение ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР по поводу учебников истории имеет громадное значение, выходящее далеко за пределы вопроса об учебниках для наших школ. Затруднения, с которыми пришлось встретиться при составлении этих учебников, вытекают из состояния нашего исторического фронта, из его недостатков. Необходимо осознание недостатков работы на историческом фронте, ибо только тогда можно будет поднять эту работу на необходимую высоту.

Уже тот простой факт, что учебники истории должны охватить весь процесс исторического развития человечества, показать нашей молодежи движущие силы всей истории, поставил перед нашими историками большие задачи. Буржуазные историки, как Кареев, Виноградов, Виппер или во Франции Лавис, Рамбо, Сеньобос, приступали к писанию учебников после десятилетий работы над историческими монографиями, накопив громадное знание исторических фактов. Наши молодые историки на такое большое «первоначальное накопление» опереться не могли. В период, когда складывались первые шеренги наших молодых историков, приблизительно с 1919 по 1923 год, они ставили себе целью дать рабочей молодежи и нашим пропагандистам общие сведения по истории революций. Историческая продукция этого периода сводится, по существу, к

истории революционных движений. Но эту задачу они выполняли очень своеобразно: концентрируя внимание на периоде непосредственных революционных боев, они отрывали революцию от подготовившей ее предыдущей истории. Вследствие этого не получалось ни конкретной картины развития экономики, классов и государственной организации, состояние которых вызвало революцию, ни конкретной картины результатов самой революции. Получалось абстрактное действие «движущих сил», мертвая схема результатов работы этих сил. Взвзвись за самостоятельную разработку истории буржуазных революций, в первую очередь французской революции 1789 года и истории Парижской коммуны, наши молодые историки опирались главным образом на работы Маркса, меньше — на работы Ленина (полное собрание сочинений которого стало выходить лишь после 1920 года и не скоро было ими освоено). Но немалое внимание на них оказывала социал-демократическая литература Запада (особенно Каутский, Куно, Конради).

Когда очередь дошла до составления общих исторических учебников для школы и эту задачу пришлось решать поколению молодых историков, о котором мы говорили, то недостаток накопленного знания толкал их в направлении замены конкретной истории учением об исторических формациях, т. е. общими социологическими рассуждениями, в которые вкраплялись в качестве иллюстраций конкретные факты. Только М. Н. Покровский, историк, сложившийся еще в период перед революцией 1905—1907 годов и непосредственно после нее, опирался в своих работах на громадный исторический материал. Но и он вследствие особенностей своего исторического пути и своего метода — о чем речь будет дальше — не только не боролся против склонности наших молодых историков к замене изучения фактов общими «социологическими» рассуждениями, но, наоборот, культивировал эту склонность.

Особое влияние на развитие нашей исторической науки оказал период внутрипартийной борьбы, которая в особенно острых формах развернулась после смерти Ленина. Борьба партии

во главе с товарищем Сталиным против троцкистов, троцкистско-зиновьевского блока, а позже против правых оппортунистов имела громадное положительное влияние на поднятие марксистско-ленинского уровня членов нашей партии, на поднятие уровня их исторических знаний и требований.

Распространяемые в сотнях тысяч экземпляров издание сочинений Ленина и «Об основах ленинизма» Сталина дали широчайшей партийной массе ключ к пониманию Ленина. Изучение ленинских работ показало марксизм в новом свете, бросило новый свет на громадное количество исторических вопросов и могло стать исходным пунктом для нового этапа развития нашей исторической науки.

Но тут отрицательно сказалось то направление, которое дал нашим историкам возглавлявший в то время исторический фронт М. Н. Покровский. Не поняв того, что борьба за генеральную линию партии требует поднятия исторического фронта на новый уровень в освещении всей истории с точки зрения марксизма-ленинизма, Покровский пришел к убеждению, что эта борьба требует сужения фронта, требует только борьбы с уклонами с исторической точки зрения, изучения только наиболее актуальных вопросов в области современной истории, в особенности истории периода империализма и социалистической революции. Но даже когда внутрипартийная борьба касалась исторических вопросов более далекого прошлого, Покровский не сумел удовлетворить потребности в более глубоком изучении истории, которую эта борьба вызывала.

Как известно, Троцкий, обосновывая свою теорию перманентной революции, выступил со взглядами на возникновение царизма, являющимися перефразировкой Ключевского и Милюкова. Правильно отклоняя теорию Троцкого и показывая классовый характер царизма, Покровский сузил задачи историков-марксистов до изучения схем русских дворянских и буржуазных историков. Двухтомник «Русская историческая литература в классовом освещении», изданный под руководством Покровского его учениками, представляет наиболее

ценный результат этого периода, ибо он углубляет такие работы Покровского, как «Борьба классов и русская историческая литература», и разрушает исторические легенды дворянских и буржуазных историков. Разрушение этих легенд остается исторической заслугой М. Н. Покровского.

Но разрушение этих легенд означало только расчистку поля для будущих историков-марксистов, обязанных взяться за детальное изучение конкретного исторического процесса в целом; нужна была детальная разработка русской истории. К этому школа Покровского оказалась неспособной, главным образом из-за так называемой схемы Покровского, т. е. из-за созданной им картины исторического развития России. Картина эта — результат применения метода, в значительной мере являющегося вульгаризацией марксизма, — находилась в противоречии с теми результатами, к которым пришел Ленин, блестяще применяя марксову диалектику к русской истории.

По мере изучения сочинений Ленина это становилось более или менее ясным и ученикам Покровского и самому Покровскому, и эти разрушители исторических легенд стали перед задачей — или радикально разрушить легенду Покровского или барахтаться среди развалин ее, пытаясь склеить их заново. У М. Н. Покровского и его школы не хватало мужества для радикальной ревизии своих взглядов, для возвращения к Марксу и Ленину, и поэтому начался продолжительный кризис этой школы, наиболее ярким выражением которого была книга С. М. Дубровского «К вопросу о сущности «азиатского» способа производства феодализма, крепостничества и торгового капитала».

Разрешение спорных вопросов не в ленинском духе, попытки штопания трещин, обнаружившихся в исторической схеме Покровского (смотри его статью «О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России», журнал «Борьба классов» № 2 за 1931 год), привели к задержке

развития нашей исторической науки. Понятно, что как в предыдущие годы (см. работы по развитию монополистического капитализма в России), так и в последние пять лет на историческом фронте производилась полезная работа (тут надо в первую очередь назвать труды по истории заводов, по истории крестьянского движения). Но общего курса русской истории, соответствующего учению Маркса и Ленина, мы не получили

В области международной истории руководители исторического фронта повернули к изучению новой истории рабочего движения, к разработке истории оппортунизма и дали ряд ценных исследований. Но именно эта часть исторического фронта стала убежищем троцкистов и полутроцкистов, пытавшихся при помощи замазывания ошибок лево-радикальных элементов во II интернационале, а часто даже с помощью непосредственной фальсификации истории большевизма отнять у большевизма роль единственного последовательного борца против оппортунизма.

Письмо товарища Сталина в 1931 году в журнал «Пролетарская революция» «О некоторых вопросах истории большевизма» положило конец этой троцкистской контрабанде. Но руководители исторического фронта не сумели выполнить задач, поставленных перед ними письмом товарища Сталина. Даже в области истории современного рабочего движения они ограничились набором исторических иллюстраций к положениям товарища Сталина, не умея дать развернутой картины истории I и II интернационалов. Кроме того все их работы страдали отрывом истории рабочего класса от общей истории и особенно от экономической истории. Еще меньше сумели историки-западники организовать изучение истории Запада вообще и особенно империалистического ее периода.

Опыт китайской революции, дискуссия, вызванная ею и связанная с общей борьбой партии против оппозиции, дали толчок дискуссии о так называемом азиатском способе производства и о китайском феодализме. Эта дискуссия вместе с дискуссией о крепостничестве и о роли торго-

вого капитала могла иметь очень плодотворное влияние, могла дать правильную марксистско-ленинскую периодизацию истории, нащупать наиболее слабые участки исторического фронта и дать толчок конкретным исследованиям. Из-за ошибок руководителей исторического фронта этого не получилось. Место конкретного изучения истории заняло сопоставление цитат основоположников марксизма-ленинизма, причем обе дискутирующие стороны, размахивая цитатами, забыли обратиться к изучению фактов. Этот схоластический подход не мог привести к окончательному выяснению вопроса о формациях и разработке определенного плана работ.

Рассматривая конкретно результаты развития исторического фронта, в особенности после смерти Покровского, мы можем дать следующую картину этого фронта: в области предстории, играющей особо важную роль в марксистском понимании истории человечества, наша историческая наука не дала никакого обобщающего труда, ограничившись рядом отдельных ценных работ, особенно в области археологии. В области древней истории мы также имеем ряд ценных работ (например Тюменева по греческой истории), ряд работ о роли восстания рабов, но у нас еще нет обобщающей марксистской работы, которую можно было бы противопоставить работам Моммзена, Белоха, Майера и Фарреро. В области истории Древнего Востока мы имеем работы крупного ученого, профессора Струве, владеющего громадным материалом, но еще не сумевшего последовательно проработать этот материал с точки зрения марксизма. По древней истории Индии, Китая и Японии у нас нет никаких самостоятельных работ.

Дискуссия о феодализме и крепостничестве, которая кончилась правильным отклонением попытки тов. Дубровского создать новую «крепостническую формацию», не дала, однако, никаких ценных обобщающих работ ни по истории феодализма в России, ни по истории феодализма на Западе и Востоке. Работы по истории крестьянских восстаний Разина и Пугачева, изданный Государственной акаде-

мией материальной культуры сборник «Основные проблемы генезиса и развития феодального общества» (Москва. 1934 год) надо приветствовать как первые шаги к выполнению этой задачи. К сожалению, наши историки не взялись за разработку истории Золотой орды, крымских татар, за историю Польши и Швеции, без чего невозможно дать историю России; они не отнеслись серьезно к изучению истории народов СССР.

Что касается истории феодализма на Востоке, то надо указать на работу покойного академика Б. Я. Владимирца «Общественный строй монголов» (Ленинград. 1934 год), которая несмотря на ее незаконченность представляет крупный шаг вперед в научной трактовке истории монголов и использовании первоисточников. Надо указать также на работы И. М. Рейснера по истории Индии.

Переходя к истории революций у колыбели капитализма, надо указать на отсутствие марксистской разработки нидерландской революции и английской революции. Что касается Французской буржуазной революции, то мы имеем работу Фридлянда «Марат», представляющую значительный шаг вперед по сравнению с его предыдущими работами, ряд работ о термидоре, ряд работ по истории промышленности во Франции в период революции и реставрации. Но и по сегодняшний день у нас нет работы, дающей цельное представление о Французской буржуазной революции.

История революционных движений в Англии, Италии, Германии, Австрии в период до 1848 года не разрабатывалась самостоятельно нашими историками. Они не разрабатывали также историю утопического социализма, социалистического движения ремесленников. Особенно приходится сожалеть об отсутствии разработки истории крестьянства в тот период. Важнейшие высказывания Маркса и Энгельса о роли крестьянства в 1848 году нашими историками просто повторяются. Ленинское же освещение этого исторического периода и его стратегических проблем, данное в первую очередь в «Двух тактиках», совсем не

подвергалось разработке на большом историческом материале.

История революции «сверху», столь важная для понимания отношения буржуазии к демократии, для понимания отношения буржуазии к национальному вопросу, для понимания разницы между революционно-демократическим и либерально-соглашательским путями развития, осталась вне внимания наших историков.

Мы не имеем ни марксистской истории воссоединения Италии, Германии, ни марксистской истории национального вопроса в Австрии и на Балканах. Возникновение современного империализма нашими историками конкретно не изучалось. У нас нет истории ни английского, ни французского, ни германского, ни итальянского, ни американского капитализма. Излагая историю рабочего класса в эти периоды, наши историки повторяют формально марксистско-ленинское учение о роли рабочей аристократии и бюрократии как проводника оппортунистической политики, но не могут показать эту роль на фоне анализа положения рабочего класса, существующих в нем прослоек, на фоне анализа особенностей социальной структуры каждой империалистской державы. Поэтому вместо конкретной истории II интернационала по странам они в состоянии дать только общую схему.

Наши историки не дали общей истории империалистической войны.

Научно не разработаны послевоенная история капиталистических стран, колониальных стран, история СССР, история Коминтерна. Мы имеем целый ряд публицистических работ в этой области, но нет ни одной работы, показывающей в полной конкретности кризис капитализма, рисующей историю отношений классов, взаимные отношения империалистских держав и их отношение к колониальному миру и к СССР. Достаточно указать, что наши историки даже не попытались дать историю фашизма.

Характерным образцом всех недостатков наших историков, занимающихся послевоенной историей, является работа Серебрянского о послевоенной истории, написанная в ка-

честве третьего тома учебника «Новой истории» Фридлянда, Лукина и других. Автор не умеет, во-первых, показать подоплеку и фон этой истории, а именно неравномерность развития послевоенного капитализма и его загнивание: он дает по главам сведения о состоянии производства, о безработице, но никакого цельного образа, характеризующего эти противоречия, он дать не в состоянии. Читатель не видит роста капиталистической монополии при одновременном суживании мирового рынка, не видит роста техники, не укрепляющего капитализм, а, наоборот, увеличивающего его противоречия; читатель не видит, как одновременно с общим ростом эксплуатации рабочего класса загнивающий капитализм в ряде стран (особенно в Англии и Германии) пытается путем уступок в пользу одной части рабочего класса удержать массы от революции. Поэтому становится непонятным, как могла социал-демократия сохранить влияние на большинство рабочего класса.

Показывая загнивание демократии, парламентаризма, автор не умеет одновременно показать, что, например, веймарская демократия была шагом вперед по сравнению с вильгельмовским режимом и что поэтому несмотря на удары, которые она наносила авангарду пролетариата, вызывая в нем глубокую ненависть, ее поддерживали остальные массы пролетариата.

Недооценка буржуазной демократии приводит к непониманию того перелома, который означает для широких масс рабочего класса смена хотя бы убудочной буржуазной демократии в Германии и Италии фашизмом. Поэтому читателю остается непонятным новое применение Коминтерна на VII всемирном конгрессе тактики единого фронта.

Исходя из схемы, в которой имеют место только пролетариат и крупная буржуазия, автор не может показать роли мелкой буржуазии как союзника пролетариата или как пушечного мяса для фашизма.

Отсутствие конкретного показа методов колониальной эксплуатации, их роли в сохранении капитализма мешает автору дать убедительную картину роли колониального во-

проса. Для характеристики отношения автора к крестьянскому вопросу достаточно указать, что у него в послевоенной истории отсутствует показ попыток создания самостоятельных крестьянских правительств, что, например, история болгарского правительства Стамбулийского, имеющая для нас такое громадное показательное значение, не излагается в книге.

Мы подробно остановились на этой работе Серебрянского, ибо она является примером того, что недостаточно на словах отрицать люксембургизм, чтобы дать марксистско-ленинскую историю.

Результаты работы историков-марксистов в области истории ВКП(б), работы, имеющей такое громадное значение не только для нас, но и для всего международного пролетариата, тоже неудовлетворительные. Под влиянием критики товарища Сталина исчезли вылазки троцкистских контрабандистов, устранена отсебятина. Но недостаточно, что наши историки, опираясь на Ленина и Сталина, дают нам в пересказе в общем правильно историю партии. Мы не говорим уже о том, что налицо отрыв истории партии от анализа движения пролетариата, от истории России, и часто кажется, будто история величайшей в мире революционной партии состояла из одних резолюций. Еще важнее то, что в изучении фактов из прошлого нашей партии историки мало подвинулись за пределы уже известного. Как красочно говорит об этом недостатке то обстоятельство, что пришлось взяться за работу секретарю ЦК КП(б) Грузии тов. Берия, человеку, занятому 13 часов в сутки практической работой, чтобы откопать важнейшие документы о роли товарища Сталина в возникновении социал-демократического движения в Закавказье, документы, имеющие громадное историческое значение! А сколько таких документов имеется в архивах!

Только теперь опубликованы материалы о том, как тов. Киров, этот талантливый большевик, проводил самостоятельно и искусно в 1918 году линию Ленина на Кавказе, зажатый между двумя очагами контрреволюции, применял тактику единого фронта с

мелкобуржуазной демократией. Эта тактическая подвижность Кирова есть образец того, как рано ученики Ленина учились самостоятельно маневрировать в сложной обстановке. Таких образцов в истории партии много, но мы их не знаем.

Дело не в том только, что мы должны знать действительную роль великой когорты ленинских учеников — незачем доказывать политическое значение этого знания, — а в том, что без этого конкретного знания развития борьбы, развития каждого из крупных большевистских вождей (и историю нашей партии делали конкретные люди) история нашей партии выступает не такой богатой мыслью, подвигом, какой она действительно была.

Надо указать на отсутствие даже попыток проследить, как город за городом, область за областью большевики в борьбе с меньшевиками и т. д. завоевывали большинство рабочего класса. Эта сторона истории нашей партии еще не затронута, а ведь без этого не видно, как правильная политика Ленина и Сталина собирала, сплачивала пролетариат вокруг нашей партии.

Наиболее важный шаг вперед в работе наших историков-марксистов в области русской истории и истории ВКП(б) — это первый том «Истории гражданской войны в СССР». Он сделан не только по инициативе, но и под непосредственным руководством товарища Сталина. Эта работа показывает, какое богатство нового материала спит в пыли архивов, сколько нового света этот материал может бросить даже на самые важные и поэтому самые знакомые страницы нашей истории. Он показывает, сколько может дать коллективная работа под правильным руководством.

2

Неприглядная картина исторического фронта (не зная всех книг, появившихся у нас по истории за последнее время, я упустил, быть может, ряд явлений, которые смягчили бы эту картину) ставит вопрос: что же дальше?

Общий ответ на этот вопрос мы найдем у Фридриха Энгельса в его письме к Конраду Шмидту (5 августа 1890 года):

«Вообще для многих более молодых писателей в Германии слово «материалистический» служит звуком, который применяют к разным вещам, не давая себе труда заняться дальнейшим изучением, т. е. приклеивают этот ярлычок и считают, что этим все исчерпывается. Но наше понимание жизни есть главным образом введение к изучению, а не рычаг конструкции на манер гегелианства. Всю историю надо начать изучать сызнова. Надо исследовать в деталях условия существования различных общественных образований, прежде чем пытаться вывести из них соответствующие им политические, частноправовые, эстетические, философские, религиозные и т. п. воззрения. В этом отношении сделано до сих пор очень мало, потому что очень немногие люди серьезно этим занимались. В этом отношении нам нужна массовая помощь, область бесконечно велика, и тот, кто хочет работать серьезно, может много создать и отличиться. Вместо этого фразеология исторического материализма (а все можно сделать фразой) служит многим немцам из молодого поколения только для того, чтобы возможно скорее систематически сконструировать свои собственные, относительно весьма небольшие, исторические знания (экономическая история ведь еще в пеленках) и далее храбро двигаться вперед»¹.

Первое, что надо потребовать от наших историков, — это, чтобы они перестали считать марксизм-ленинизм «универсальной отмычкой», чтобы они взялись за разработку всей совокупности исторического материала с той тщательностью, с которой его изучали Маркс, Энгельс, Ленин, с той тщательностью, которой требует от нас Сталин.

Объектом работы наших историков должен быть весь исторический

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс «Письма», стр. 372. Партиздат. 1932 (разрядка моя. — К. Р.).

ский процесс в целом. В известные моменты интересы борьбы против наших классовых врагов могут требовать концентрации сил на определенном участке исторического фронта, но никогда мы не должны забывать, что в мировом масштабе существуют еще почти все исторические уклады и что поэтому большевики могут быть вооружены для решения международных задач, только изучая все исторические уклады, т. е. всю историю.

Изучение это не может быть предоставлено самотеку. Пролетариат не может решить ни одной своей задачи без общего плана. В данном случае нужен план исторических исследований, разработанный нашими историческими научными учреждениями, и мы должны расставить силы наших историков для выполнения этого плана так же, как мы это делаем для решения всякой другой задачи. Создание такого плана и правильная расстановка наличных подготовленных сил наших историков, подготовка кадров историков под углом зрения выполнения этого плана позволят в продолжение нескольких лет преодолеть недостатки нашего исторического фронта и поднять этот фронт на требуемую высоту.

Но выполнение этой задачи, намерение плана исторических работ и проведение его в жизнь требуют ликвидации того наследства Покровского, которое задержало развитие исторического фронта и способно его задерживать в дальнейшем. Чтобы понять, о чем идет речь, надо дать себе отчет в том, что являлось источником ошибок Покровского.

М. Н. Покровский складывался как историк не в рядах большевистской партии, а в среде левых демократических историков, чувствующих ненаучность дворянско-буржуазной историографии, всей ее философии, роли «героев» в истории вообще, роли государства и царей в частности. Он был демократическим историком, не имеющим понятия о марксизме, а затем примкнул к «легальному марксизму». Опираясь вначале на позитивистическую философию и в даль-

нейшем на марксизм, Покровский, Рожков и другие молодые историки, складывавшиеся в период революции 1905 года и считавшие себя марксистами, противопоставляли субъективной истории помещичье-буржуазных историков значение развития общества на основе развития производительных сил. Но Маркса они воспринимали через схему Богданова, а не через диалектику Ленина. Поэтому место диалектического материализма у них занял так называемый экономический материализм. Дело шло не о другом названии во избежание цензурных трудностей, как пытается представить это Покровский, а о содержании, отличающемся от диалектического материализма, от марксизма. Покойный Покровский сам сказал в 1930 году в докладе «Ленинизм и русская история»:

«Вы знаете очень хорошо, что «экономический материализм» — это был цензурный термин для марксизма, такая цензурная наклейка, которой мы пользовались в дни первой революции. Я тогда назвал свою брошюру «Экономический материализм» именно потому, что ни марксизма, ни даже исторического материализма, по всей вероятности, цензура не пропустила бы. Она уже разбиралась в терминах. Почему этот термин был приемлем? Потому, что это — марксизм минус диалектика, т. е. марксизм минус революция (значит дело не в цензурном названии, а в выхолащивании марксизма, в лишении его живой революционной души! — К. Р.). Такая чисто экономическая интерпретация исторического процесса сама по себе приемлема для любого буржуа, и она была приемлема для царской цензуры. При такой постановке марксизм оказывался «одним из течений» в объяснении исторического процесса. Есть разные течения, это — одно из течений и больше ничего. Кто прошел через легальный марксизм, тот обычно долго носил на себе след такой установки, известный пережиток, болезненный пережиток этого недиалектического, хотя и ма-

териалистического объяснения»¹.

Что это был марксизм минус диалектика, видно не только из работы Покровского против Риккерта, написанной в 1904 году, в которой нет и следа марксистской диалектики, а есть следы махизма, не только из его брошюры об экономическом материализме, написанной в 1906 году, не только из его предисловия к «Новой биологии» Энчмена, написанного уже после Великой пролетарской революции 1917 года, где он усматривает в механическом материализме Энчмена развитие марксизма, но и из того, что Покровский не сумел ни в одной из своих исторических работ освободиться от экономического, механистического материализма, с которым так боролись Маркс, Энгельс и Ленин. Мы покажем это на одном основном вопросе.

В работе «Откуда взялась внеклассовая теория развития русского самодержавия» (напечатана в «Вестнике социалистической академии»), которую он считал теоретическим обобщением своих взглядов и переиздал в сборнике «Марксизм и особенности исторического развития России» (Ленинград. 1925 год), М. Н. Покровский открыто атаковал Энгельса за его борьбу с механистами. Как бы осторожно ни формулировал он свою атаку, она показывает неспособность Покровского понять один из основных вопросов истории, а именно взгляд Маркса — Энгельса на отношение между экономикой и политикой.

«Не только возникновение явлений «идеальной области» обусловлено экономически (Ватерлоо был бы бессмыслицей без англо-французского экономического соперничества), но их последствия хватают лишь так далеко, как позволяют экономические условия.

Все это неоднократно излагал Энгельс в своих других писаниях. Повторяю, он восставал лишь против историко-материалистического педантизма,

¹ М. Н. Покровский «Историческая наука и борьба классов». Вып. II, стр. 267—268. Соцэкгиз. 1933 (разрядка моя.— К. Р.).

который старался отыскать непосредственно экономическое основание для каждой мелочной (!!—К. Р.) исторической перемены, доводя свой собственный метод до абсурда и помогая противникам делать его смешным. К сожалению, дурное настроение от неудачной критики Морица Вирта у Энгельса не проходило и, приблизительно через месяц (письмо от 21 сентября 1890 г.), он разразился настоящей палинодией, где можно прочесть и упрек «молодым» за то, что они «иногда придавали больше значения экономической стороне, чем следует», и даже фразы, которые при беглом чтении могут быть поняты так, что в деле возвышения Пруссии главную роль играли неэкономические принципы.

Можно опасаться, что письмо Энгельса оказало большую услугу противникам марксизма, нежели книга Пауля Барта. Энгельс был сильно разгневан на Морица Вирта, а гнев — плохой советчик. Но было бы минимум справедливости прилагать к самому Энгельсу и его высказываниям тот метод, которого он требует от исследователя в применении к сложному комплексу исторических явлений. Нельзя выдергивать отдельное письмо или даже отдельные фразы из письма и утверждать: вот как думал Энгельс. Нужно брать все письмо, — а в нем есть не только то, что нами сейчас отмечено, — и всю совокупность писаний Энгельса на эту тему, — а она совершенно исключает всякую возможность того толкования «неосторожных» фраз письма, которое склонен был бы дать, повторяем, лишь не очень осторожный читатель. Прошел еще месяц, неудача Морица Вирта успела сгладиться в памяти Энгельса, и он (в письме от 27 октября 1890 г.) дает такую великолепную материалистическую характеристику «эпохи открытий», что читать ее — истинное наслаждение после письма от 21 сентября»².

Борясь против положения Энгельса, что «если материальные условия су-

² М. Н. Покровский «Историческая наука и борьба классов». Вып. I, стр. 169—170 (разрядка моя.— К. Р.).

ществования являются основной причиной, то это не исключает того, что идеальные области могут опять-таки оказывать на материальные условия существования обратное, но второстепенное явление», Покровский доходит до таких «геркулесовых столпов», как недооценка диктатуры пролетариата и советской власти, ибо именно к этому сводится следующая его критика Рожкова; в своих лекциях «Борьба классов и русская историческая литература», читанных в мае 1923 года, Покровский пишет, упрекая Рожкова в том, что он отделяет политический строй от социального:

«Это выделение политического строя на особую ступень, хотя и кажется мелочным, но все же характерно, и особенно оно характерно при свете последних событий, которые сорвали много завес, между прочим, и с этого секрета — связи политического и социального лозунга. В «мирные» времена социальный материк власти действительно скрыт для непосвященного взгляда «под политической надстройкой». Но общественные катастрофы грубо обнажают материк, и мы тогда видим, много ли значат политические формы как таковые. Ну, какую роль играл у нас в 1917 г. лозунг монархии или республики? А лозунг Учредительного собрания? Когда его разогнали, то иные обыватели думали: «Батюшки, что будет — оскорбили народную волю», — а народ даже не почесался. Политический лозунг отступил на задний план, а социальная природа выступила на передний план. Важно было, в чьих руках, в руках какого класса власть, а то, как она организована, — вопрос второстепенный. Это дает ключ к целому ряду явлений, например, к тому, почему одна из самых сознательных буржуазных демократий — английская — мирится и с королем и с палатой лордов. Политический момент есть второстепенный, а у Рожкова он равноправный»¹.

Механистичность и метафизичность

¹ М. Н. Покровский «Историческая наука и борьба классов». Вып. I, стр. 94 (разрядка моя. — К. Р.).

этого противопоставления экономики как решающей и политики как второстепенной прямо бьют в глаза. Стремление пролетариата России к диктатуре вытекало, понятно, из экономических условий развития России, которые создали монополистический капитализм еще при существовании царской власти как власти полукрепостной; это облегчало союз рабочего класса и крестьянства; экономическое развитие толкнуло царизм на участие в империалистической войне; неспособность же русской буржуазии найти выход из войны, решить вопрос о земле создала благоприятную обстановку для борьбы за диктатуру пролетариата. Но в ноябре 1917 года борьба за диктатуру и завоевание ее пролетариатом совсем не были «второстепенным вопросом», а были решающим вопросом для дальнейшего экономического развития России. В январе 1918 года решение о разгоне Учредительного собрания тоже не было второстепенным вопросом. Вопрос не только о том, в чьих руках находится власть, но и как она организована, оказался вопреки Покровскому не второстепенным, а первостепенным для победы социализма.

Покойный Покровский в последней своей статье «О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России», пытаясь согласовать свою схему с учением марксизма-ленинизма, признал свою ошибку и в этом капитальном вопросе:

«Наконец, не приходится и этого скрывать, в первых редакциях моей схемы был недостаточно учтен и факт относительной независимости политической надстройки от экономического базиса — забыты были слова Энгельса: «К чему же мы тогда бьемся за политическую диктатуру пролетариата, если политическая власть экономически бессильна? Сила (т. е. государственная власть) это есть точно так же экономическое могущество... «Экономический материализм» не был еще мною изжит на все сто процентов, когда я пи-

сал и «Русскую историю», и «Очерк истории культуры» и даже «Сжатый очерк». Вы увидите, как мне придется теперь на этих же словах Энгельса настаивать (в другой комбинации их повторяет и Ленин), отстаивая мою схему в ее окончательном виде.

Свободна ли эта «окончательная» схема от ошибок. Никак не могу этого обещать. Она свободна от тех ошибок, которые я успел заметить и исправить, но могут быть ошибки, которых я еще не заметил¹.

К сожалению, признав эту ошибку, Покровский ударился в другую крайность. В прессе уже цитировалось его сногсшибательное открытие, что «при чисто экономическом объяснении, при апелляции исключительно к законам экономики, игнорируя все остальное, нельзя было предсказать того, что действительно случилось — что мы прорвемся к социализму сквозь всякие законы, наперекор узко экономическим законам»². Великая пролетарская революция рождена, таким образом, вопреки всяким законам, тем более узко экономическим законам! Мало того, она должна, по Покровскому, нарушать эти законы и в дальнейшем! «Если диктатура пролетариата не может перевернуть «стихийного» экономического развития, — на что диктатура пролетариата? В конце концов законы экономики возьмут свое», — так излагает Покровский взгляды наших противников. И дальше Покровский говорит: «Энгельс и Ленин нам отвечают: не возьмут свое. Политическая власть, — говорит Энгельс — ... есть тоже экономическая потенция»³.

Покровский не понимает, что диктатура пролетариата есть экономическая потенция потому, что она опирается на мощнейшие экономические интересы, на инте-

ресы большинства населения, что она открывает путь производительным силам, находившимся при царизме втупике. Говоря, что у нас есть все для развития социализма, что нам только недостает культуры, призывая пролетариат к социалистической переделке крестьянства, Ленин не шел наперекор экономическим законам, а опирался на них. Сталин повел рабочий класс на борьбу за индустриализацию и коллективизацию не на основе просто волевого акта, а на основе глубокого понимания экономических интересов и экономических законов. Когда Покровский говорит, что якобы, по Ленину и Энгельсу, «законы экономики не возьмут свое», то он также не понимает Энгельса и Ленина, как тогда, когда он делал из экономики самодовлеющую силу, действующую непосредственно, без всяких промежуточных звеньев.

При этом он даже не замечает, что повторяет меньшевистские мелодии; ведь его слова напоминают изречение Отто Бауэра, что диктатура пролетариата есть «насилие над социальными факторами силы» — то изречение, которое так высмеял Ленин на II конгрессе Коминтерна.

Он не замечает, что повторяет крики Данов о том, что пятилетка есть попытка перескочить через законы хозяйства. То, что Покровский приветствовал пятилетку, показывает, что он несмотря на свои ошибки был пролетарским революционером, но это ничуть не уменьшает вреда, приносимого путаницей в основных его взглядах на историю.

Мы так подробно остановились на трактовке у Покровского одного из основных исторических вопросов — об отношении экономики и политики, — ибо отсутствие у него марксистской диалектики, марксистских взглядов в ряде основных вопросов не могло не отразиться убийственно на всех его работах несмотря на громадные его знания и незаурядный талант. Его «марксизм» был всегда марксизм минус диалектика, ибо для него, ученика Богданова, гегелевская диалектика, поставленная Марксом с головы на ноги, осталась до конца жизни книгой за семью печатями. Поэтому даже когда

¹ М. Н. Покровский «Историческая наука и борьба классов». Вып. I, стр. 289 (разрядка моя. — К. Р.).

² М. Н. Покровский «Историческая наука и борьба классов». Вып. II, стр. 269.

³ Там же, стр. 271.

М. Н. Покровский хотел исправить свои ошибки, он не мог этого сделать, ибо это требовало коренной ломки его мировоззрения, его метода.

Не владея методом марксизма, Покровский не мог дать правильной исторической «схемы» (чего стоит это излюбленное им и его учениками слово!), ибо вместо марксова учения о формациях он усвоил учение Богданова. Его ошибка в вопросе о роли торгового капитала не была частичной ошибкой,—она вытекала из его немарксистской методологии. Так как об этом вопросе у нас писалось неоднократно, мы можем на нем задержаться очень коротко. В своих лекциях о борьбе классов и русской исторической литературе Покровский поставил пресловутый «торговый капитал» в центре русской истории. Он писал:

«Если вы подойдете с этим ключом к Карамзину, вы не только поймете его «Историю», поймете, почему «торговый капитал», о котором ни слова не говорится в «Истории», вел эту «Историю» к собиранию земли, но вы поймете и физиономию Карамзина, как общественного типа, вы поймете, почему он был сторонником крепостного права, почему он был противником освобождения крестьян: потому что торговый капитал у нас в России создал барщинное хозяйство как средство выжимать из крепостных крестьян прибавочный продукт для рынка. Торговому капиталу необходим был аппарат в виде крепостного права, — торговый капитал был настоящий царь, который стоял за коронованным, в сущности, призраком, или, если хотите, за коронованным манекеном, был настоящей руководящей силой, которая создала и русскую империю и крепостное право»¹.

Поставив в центре своей схемы так называемый торговый капитал как властелин и рассматривая феодально-крепостное правительство как приз-

рак, Покровский, понятно, не мог не запутать всех исторических вопросов. Попытка объявить эту «схему» в основе ленинской, пожертвовав только словами «торговый капитализм», как он это сделал в предсмертной статье, не могла ничего исправить, а вносила только новую путаницу. Необходимость полной ликвидации этой схемы и восстановления тех вех, которые установил Ленин в своих работах по русской истории, выступает с полной очевидностью при разборе последней попытки Покровского спрятаться за Ленина.

«Та концепция русской истории, — пишет Покровский, — которую я выше назвал марксистской, в основном, конечно, никогда не расходилась с ленинской — иначе был бы совершенно непонятен отзыв Владимира Ильича о «Русской истории в самом сжатом очерке», книге, где в очень популярной — именно поэтому очень заостренной — форме эта концепция изложена. Но совершенно ясно, что в ряде отдельных формулировок, иногда очень важных, старые изложения этой концепции звучали вьсьма не поленински, а иногда были попросту теоретически малограмотны. Так например безграмотным является выражение «торговый капитализм»: капитализм есть система производства, а торговый капитал ничего не производит»².

Попытка Покровского отказаться от ряда формулировок и «безграмотных выражений» не может заслонить того факта, что все его исторические работы пронизаны не марксистскими экономическими понятиями, а экономическими понятиями Богданова. И так же, как Покровский не усвоил марксистского учения об экономических формациях, он не усвоил ленинского учения об империализме. Поэтому его работы по истории внешней политики, несмотря на то что в них использован богатейший материал, чужды ленинизму.

Когда Покровский утверждает в сво-

¹ М. Н. Покровский «Историческая наука и борьба классов». Вып. I, стр. 28 (разрядка моя. — К. Р.).

² Там же, стр. 287.

ей работе «Русский империализм в прошлом и настоящем», что «России первой половины XIX в. был знаком империализм в самом подлинном его виде»¹, то это определение не имеет ничего общего даже с теми понятиями об империализме, которые существовали во II интернационале перед войной. Но когда он в 1924 году пишет, что концепции Гильфердинга и Ленина различны в «чрезвычайно существенных деталях», и утверждает, что до прочтения рукописи ленинского «Империализма» он «отрицал империалистический характер войны по Гильфердингу»², то мы видим, что он не понимал в 1915 году войны и по «Гильфердингу», ибо она была и по Гильфердингу империалистической, так же как не понимал в 1925 году, что между ленинской теорией империализма и теорией Гильфердинга разница не в «существенных деталях», а в основе.

Неправильный метод, механистический подход к историческим явлениям — все это, понятно, должно было отразиться очень отрицательно даже на лучших исторических работах Покровского. Покровский был историком громадного знания и блестящего писательского таланта. Достаточно прочесть портреты трех Александров в «Большой советской энциклопедии», чтобы понять, какую красочную, живую историю России мог бы он написать, если бы не был связан по рукам и ногам механистическим методом. Но раз история является просто результатом механически действующих экономических сил, то какой интерес у историка может быть к изображению людей, которые эту историю делали, их чаяний, их чувств, их идеологии — коротко, всего того, что входит в так называемую гражданскую историю? Как тот анекдотический ученик, который на вопрос: «Кто была Екатерина II?», ответил «продукт», — так и наш историк довольствуется тем, что вся

гражданская история есть «продукт торгового капитала».

Исчезает громадная фигура Петра I, помещичьего царя, который в лампадном смраде царских теремов сумел не только сохранить свой острый ум, но и понять значение физического труда, больше того: подняться на неслыханный для царского сына подвиг — учиться этому труду. Наше отношение ни к феодализму вообще, ни к русскому царизму в частности не требовало ни на момент отказа от понимания величины этой исторической фигуры. Покровский же оставил из нее только жестокость и сифилис, так как в его концепции нет места живым людям. Поэтому Ломоносов, Радищев у него появляются как неясные тени на экране, поэтому, посвятив столько труда изучению декабристов, он в них увидел, в конце концов, только еще одну иллюстрацию роли торгового капитала.

«Какие были объективные корни всей этой истории? — спрашивает он. — Тут нам приходится с этих высот (дело идет о заговоре декабристов и их трагической гибели. — К. Р.)... спуститься довольно глубоко к факту чрезвычайно тривиальному. Этим тривиальным фактом, который лежит в основе первой сознательной революции против самодержавия, какая была в России, первой попытки низвергнуть самодержавие, — этим тривиальным фактом был русский хлебный вывоз»³.

Индустриальный переворот в Англии увеличил хлебный вывоз России, особенно после наполеоновских войн.

«Вывоз пшеницы — и то же самое с рожью и со всеми другими хлебами — рос с катастрофической быстротой. Он в пять раз вырос на протяжении четырех лет... и как раз в эти самые годы начинают расти, как грибы, тайные общества. Два факта, которые нельзя не сблизить между собой»⁴.

¹ М. Н. Покровский «Дипломатия и войны царской России в XIX столетии», стр. 383. Москва. 1924.

² М. Н. Покровский. «Марксизм и особенности исторического развития России», стр. 138—139. 1925.

³ М. Н. Покровский «Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв.», стр. 14. 1927.

⁴ Там же, стр. 14—15.

Что об этом сказать? Понятно, что декабристы не с неба упали, а рождены историей русского общества, через товарное и денежное хозяйство развивавшегося в феодальной оболочке к капитализму. Русский вывоз хлеба, льна и пеньки, наверное, сыграл свою роль в подготовке движения декабристов. Но в этой подготовке сыграли громадную роль и наполеоновские войны, все то, что русское дворянское офицерство видело в Европе, все то, что оно пережило в годы наполеоновского нашествия и в последующие годы. Между скачком русского вывоза после наполеоновских войн, желанием прогрессивных помещиков создать более благоприятные условия для этого вывоза через ликвидацию крепостного права и восстанием декабристов, наверное, меньше связи чем между обострившейся после победы над Наполеоном аракчеевской реакцией и заговором декабристов. Прогрессивное дворянство лелеяло надежды на реформы после изгнания Наполеона. Эти иллюзии были разбиты, и тогда наиболее чуткие, наиболее отзывчивые из дворянских либералов прибегли к заговору. Известное влияние оказали испанские и греческие события.

Роль экономики и в заговоре декабристов очевидна, но она выражалась через множество посредствующих звеньев. Если из роста вывоза пшеницы и полезности устранения крепостного права для прогрессивных помещиков так непосредственно вытекало вооруженное восстание, то непонятно, почему этого восстания не подняли прогрессивные помещики в продолжение следующих 30 лет, отделяющих их от крестьянской реформы? Покровский знал это великолепно и говорил в других работах; но там, где он давал простор своему вульгарному механистическому методу, он доходил до несуразностей, компрометирующих марксизм, — их можно найти в сочинениях Покровского сотни. Все они вытекали из механистичности усвоенного им метода, которым были парализованы блестящий талант и большие знания этого историка.

Нашим историкам предстоит ликвидировать наследие Покровского не только через отречение от того или другого его неверного взгляда, а через

глубокое усвоение марксовой диалектики и марксистско-ленинского учения об исторических формациях.

Не случайно Покровский и его ученики не принимали никакого участия в дискуссии на философском фронте, которая касалась основ марксовой диалектики; не случайно «Историк-марксист», главный журнал нашего исторического фронта, даже не считал нужным информировать своих читателей о борьбе на философском фронте. Весь исторический фронт был воспитан Покровским в полном методологическом нигилизме. Теперь дело идет не только об исправлении частичных ошибок, а о марксистско-ленинском философском воспитании наших историков.

Всемирную экономическую историю Покровский заменил схемой, и ликвидация ошибок схемы Покровского здесь не исчерпывает вопроса, а только открывает путь для усвоения марксистско-ленинского учения о формациях и для разработки громадного исторического материала при помощи этого учения.

3

Ближайшая наша задача — выполнить поручение ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР по составлению учебников, отвечающих марксистскому пониманию истории и той роли, которую играет и история как наука в марксистско-ленинском воспитании молодежи. Именно выполняя эту задачу, мы сумеем конкретно нащупать проблемы, над которыми должен работать наш исторический коллектив, наметить новые задачи и составить план их решения.

Мы должны овладеть большим историческим материалом и поднять наш исторический метод к тем высотам, на которые подняли его Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин. Овладение материалом и методом — неотделимые друг от друга задачи. Овладение методом может быть плодотворно только в непосредственной связи с изучением материала.

Марксистско-ленинский метод мож-

но понять, только изучая работы Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. В том, как Маркс создает свои экономические категории, уясняется метод Маркса не менее чем во вступлении «К критике политической экономии». В том, как Ленин изучает развитие капитализма в России, возникновение империализма или как он анализирует форму, в которой исторически осуществилось его учение о революционно-демократической диктатуре рабочих и крестьян, — не менее уясняется метод марксистско-ленинской диалектики, чем в его методологических замечаниях о Фейербахе, о диалектике Гегеля.

Изучение методологии Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина невозможно изолированно от изучения всего их наследства. Но это не значит, что не нужно изучение этого наследства, особенно под философски-методологическим углом зрения. Покровский писал в 1930 году: «А у нас историческим материализмом занимаются кто угодно, но всего меньше — историки по профессии»¹. Без серьезной разработки проблем диалектического материализма нельзя создать кадров историков, сознательно владеющих марксистско-ленинским методом.

Без глубокого изучения всех работ Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина нельзя наверстать упущенное нашим историческим фронтом. Метод Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, примененный к совокупности исторического процесса, даст нам громадные новые результаты. Этот метод позволил Сталину не только правильно наметить великий новый этап социалистического наступления, но и выработать тактику, точно учитывающую соотношение сил, и намечать каждое очередное звено, за которое надо было ухватиться пролетариату, чтобы в продолжение нескольких лет привести страну нашу к тем победам, к той мощи, которые позволяют нам сказать, что страна на-

повская, какой оставил ее Ленин, превратилась в страну социализма.

Блестящее овладение марксистским методом позволило Ленину, как и Сталину, поставить важнейшие исторические вопросы, а правильная постановка вопросов — это ведь и ответ на них! Поэтому так комично звучит теперь то место из речи покойного Покровского на I всесоюзной конференции историков-марксистов, где он спрашивает: «Были ли Ленин специалистом по русской истории?» и отвечает: «Нет, не был»². Покровский больше всего в жизни ненавидел профессоров, но в такой постановке вопроса и в ответе на него — весь старый профессор, как его мать родила. Ленин, автор «Развития капитализма в России», видите ли, — не специалист по русской истории! Ленин был бы величайшим специалистом по русской истории, даже если бы он не написал ни одного специально исторического исследования, ибо все его политические работы пронизаны глубочайшим пониманием всех основных вопросов русской и всеобщей истории. То же самое относится к Сталину. Всякий, кто исторически продумал хотя бы сталинские «Основы ленинизма», может заявить всем профессорам, вместе взятым: вы бились над вопросом о том, самобытна ли история России или она развивалась на основе общих законов человеческой истории; вы запутывались в этом вопросе в продолжение десятилетий. Все ваши ответы сбиваются либо на отрицание своеобразия русской истории либо на отрицание того факта, что Россия развивалась на основе общих законов истории. Сталинский ответ на вопрос, почему в России победил большевизм, является образцом применения марксистско-ленинской диалектики, образцом показа того, как общеполитические законы должны были пробить себе путь в особенных условиях русской исторической действительности.

Когда китайская революция и борьба оппозиции поставили ряд принципиальных вопросов по очень мало известной, не разработанной истории Во-

¹ М. Н. Покровский «Историческая наука и борьба классов». Вып. II, стр. 348 (разрядка моя. — К. Р.).

² Там же, стр. 283.

стока, ответ Сталина на вопрос о соотношении китайского феодализма и роли торгового капитала (ответ, который по существу ликвидировал всю историческую схему Покровского с ее неправильным решением вопроса об отношении торгового капитала к феодализму)¹ был дан Сталиным на основе применения марксистско-ленинского учения об экономических формациях к тому скудному материалу, который был тогда известен. Все дальнейшее изучение китайской истории только подтверждает правильность сталинской постановки вопроса и ответа.

Ленин, лучший ученик Маркса, и Сталин, лучший ученик Ленина, благодаря мастерскому овладению учением основоположников марксизма и его дальнейшему развитию, — в состоянии одновременно и руководить исторической борьбой пролетариата и бросать яркий свет на историческое прошлое человечества, ставя важнейшие вопросы перед «историками-специалистами» (в узком смысле этого слова, т. е. перед людьми, посвящающими свои силы в первую очередь изучению истории).

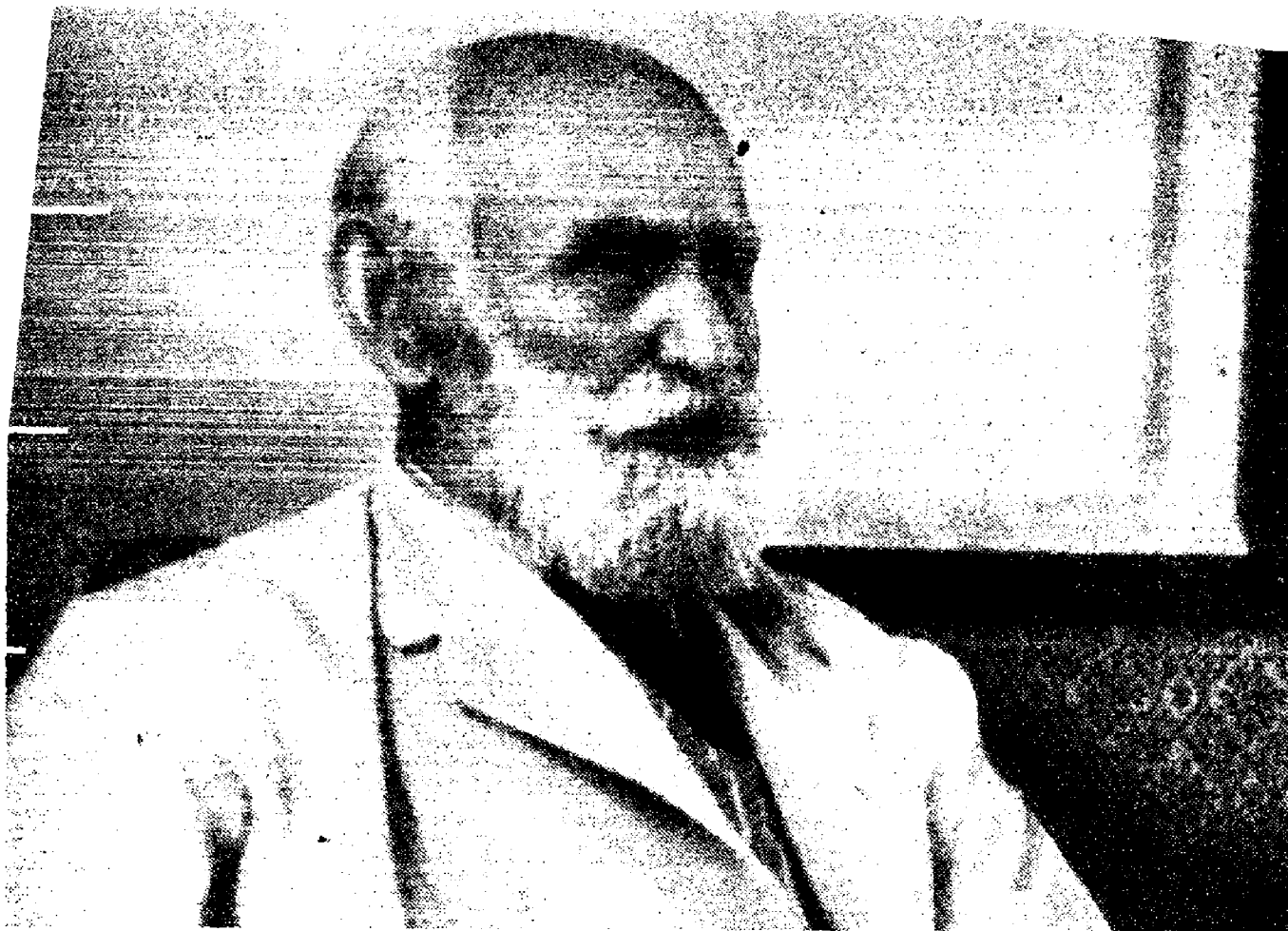
На основе учения Маркса и Ленина, под руководством Сталина мы должны проде-

¹ Сталин. Беседа со студентами университета им. Сун Ят-сена 13 мая 1927 года.

лать большую, плодотворнейшую работу, выполняя указания, данные Центральным комитетом партии. Много лет партия, занятая решением основных экономическо-политических вопросов, не могла посвятить достаточно внимания работе историков-марксистов. Теперь, когда партия дала основные указания, все историки должны с величайшей энергией взяться за работу, зная, что среди них нет ни одного, который бы в своих работах не совершил тех или других ошибок. Необходимо величайшая самокритическая честность каждого работника нашего исторического фронта по отношению к совершенным ошибкам, необходимо понимание того, что партии нужно не голое формальное признание этих ошибок, а овладение марксистско-ленинским методом и разработка при помощи этого метода гор исторического материала, ждущих нас, не тронутых до сего времени рукой историка-марксиста.

Эту работу мы должны проделывать дружно, коллективно, совместно, по выработанному плану, исправляя друг друга и учась у Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина — наших руководителей на историческом фронте, как и на всех других фронтах классовой борьбы.

Академик И. П. Павлов (1849 — 1936 гг.).

ПИСЬМО академика ПАВЛОВА СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Что бы я хотел пожелать молодежи моей родины, посвятившей себя науке?

Прежде всего — последовательности. Об этом важнейшем условии плодотворной научной работы я никогда не смогу говорить без волнения. Последовательность, последовательность и последовательность. С самого начала своей работы приучите себя к строгой последовательности в накоплении знаний.

Изучите азы науки прежде, чем пытаться взойти на ее вершины. Никогда не беритесь за последующее, не усвоив предыдущего. Никогда не пытайтесь прикрыть недостатков сво-

их знаний хотя бы и самыми смелыми догадками и гипотезами. Как бы ни тешил ваш взор своими переливами этот мыльный пузырь, он неизбежно лопнет, и ничего, кроме конфуза, у вас не останется.

Приучите себя к сдержанности и терпению. Научитесь делать черную работу в науке. Изучайте, сопоставляйте, накапливайте факты!

Как ни совершенно крыло птицы, оно никогда не смогло бы поднять ее ввысь, не опираясь на воздух. Факты — это воздух ученого! Без них вы никогда не сможете взлететь. Без них ваши «теории» — пустые потуги.

Но, изучая, экспериментируя, на-

блюдая, старайтесь не оставаться у поверхности фактов. Не превращайтесь в архивариусов фактов. Пытайтесь проникнуть в тайну их возникновения, настойчиво ищите законы, ими управляющие.

Второе — это скромность. Никогда не думайте, что вы уже все знаете. И как бы высоко ни оценивали вас, всегда имейте мужество сказать себе — я невежда.

Не давайте гордыне овладеть вами. Из-за нее вы будете упорствовать там, где нужно согласиться, из-за нее вы откажетесь от полезного совета и дружеской помощи, из-за нее вы утратите меру объективности.

В том коллективе, которым мне приходится руководить, все делает атмосфера. Мы все впряжены в одно общее дело, и каждый двигает его по мере своих сил и возможностей. У нас зачастую и не разберешь, что

«мое» и что «твое», но от этого наше общее дело только выигрывает.

Третье — это страсть. Помните, что наука требует от человека всей его жизни. И если у вас было бы две жизни, то и их бы нехватило вам. Большого напряжения и великой страсти требует наука от человека. Будьте страстны в вашей работе и в ваших исканиях!

Наша родина открывает большие просторы перед учеными, и нужно отдать должное — науку щедро вводят в жизнь в нашей стране. До последней степени щедро!

Что ж говорить о положении молодого ученого у нас? Здесь ведь все ясно и так. Ему многое дается, но с него и многое спросится. И для молодежи, как и для нас, вопрос чести — оправдать те большие упования, которые возлагает на науку наша родина.

И. П. Павлов

Н. Сидорова

МАССОВОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПРОВИНЦИИ ВО ВРЕМЯ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

Борьба героических рабочих столицы Франции в 1871 г. сопровождалась подъемом революционного движения во всей стране. «В некоторых крупных городах Франции (Марселе, Лионе, Сент-Этьене, Дижоне и пр.) рабочие также сделали попытки захватить власть, провозгласить Коммуну и пойти на выручку Парижа, но эти попытки быстро закончились неудачей. И Париж, первый поднявший знамя пролетарского восстания, предоставлен был собственным силам...»¹, — писал Ленин в своей статье «Памяти Коммуны».

На составе и деятельности коммун, возникших в провинции, лежала печать незрелости французского рабочего класса. Но опыт этих коммун показал, на какую героическую борьбу были способны пролетарии Франции, отстаивавшие революционную власть против реакционного Версальского собрания.

1

Последние годы Второй империи были отмечены целым рядом крупных экономических стачек во Франции (в 1868 г. бастовали текстильщики Руана, рабочие по мрамору в Париже,

в 1869 г. — текстильщики Эльбефа, сучильщики шолка в Лионе, кожевники Парижа и пр.). Некоторые стачки, как например знаменитая стачка в Крезе в начале 1870 г., приняли политический характер². Среди французских рабочих росло влияние I интернационала. Чувствуя грозную обстановку, нараставшую в стране, Бонапарт начинает франко-прусскую войну (19 июля 1870 г.), надеясь таким образом справиться с классовыми противоречиями внутри Франции, восстановить ее гегемонию в среде европейских держав, а заодно удовлетворить верхи буржуазии прибыльными поставками на армию. «Военный заговор июля 1870 г. является только улучшенным вариантом государственного переворота в декабре 1851 года», — писал Маркс в первом воззвании Генерального совета по поводу франко-прусской войны, указывая далее, что «чем бы ни кончилась война Луи Бонапарта с Пруссией, — похоронный звон по второй империи уже прозвучал в Париже. Вторая империя кончится тем же, чем началась: жалкой пародией»³. При полной неподготовленности к войне со стороны Франции ее армия, составленная наполовину из заместителей и находившаяся под командованием бездарных карьеристов-генералов, шла от поражения к поражению, пока вся авантюра не закончилась грандиозным крахом в битве под Седаном 2 сентября 1870 года.

Известие о Седанской катастрофе дало толчок революции 4 сентября 1870 года. Народные массы заставили республиканскую партию низложить Бонапарта и провозгласить республику.

Власть перешла в руки буржуазного «правительства национальной обороны». Характеризуя события 4 сентября 1870 г., Маркс писал во втором воззвании Генсовета (9 сентября

² Лукин «Парижская коммуна 1871 г.», стр. 64—66. 3-е изд.

³ К. Маркс «Гражданская война во Франции (1871 г.)», стр. 17—18. Партиздат. 1934.

¹ Ленин. Т. XV, стр. 158.

1870 г.): «Эта республика не ниспровергла трона, она только заняла оставленное им пустое место. Она провозглашена не как социальное приобретение, а как мера национальной обороны. Она находится в руках временного правительства, состоящего частью из заведомых орлеанистов, частью из буржуазных республиканцев, а на некоторых из этих последних июньское восстание 1848 г. оставило несмываемое пятно»¹.

Конец октября и начало ноября 1870 г. были отмечены первой крупной волной революционного движения в провинции, направленного так же, как и восстание в Париже 31 октября 1870 г., против «правительства национальной измены». Движение это охватило целый ряд провинциальных городов: Тулузу, Лион, Марсель, Клермон, Ниццу, Динь. В ноябре же состоялся ряд манифестаций в Тьере, а в «красных» клубах Крезе открыто произносились горячие речи против буржуазии и правительства и раздавались призывы к гражданской войне.

20 декабря пришли в движение трудящиеся Лиона. Но революционное выступление было подавлено буржуазными отрядами национальной гвардии в тот же день. Участники движения были арестованы, все политические клубы закрыты, все общественные собрания запрещены.

С конца января 1871 г. началось нарастание второй волны революционного движения в провинции. Массовые выступления повторились в Лионе, Сент-Этьене, Крезе, Ницце. В начале марта 1871 г. разразилась стачка рабочих в Рубэ (одном из текстильных центров Франции), подавить которую буржуазии удалось лишь объединенными усилиями национальной гвардии, жандармерии и регулярных войск. Назревала стачка в Анзене (город на севере Франции с развитой каменноугольной промышленностью).

В Монтражи и его округе состоялся ряд демонстраций под лозунгом «Да здравствует Коммуна!»

¹ К. Маркс «Гражданская война во Франции (1871 г.)», стр. 28. Партиздат. 1934.

Победа революции 18 марта 1871 г. в Париже подняла провинциальное движение на самую высокую ступень.

Первым на пролетарское восстание в столице отозвался Лион: 20 марта в зале «Bonnefond» (постоянном месте собраний Центрального демократического комитета национальной гвардии Лиона) состоялось закрытое заседание делегатов различных батальонов национальной гвардии, на котором Рошер, участник 3-го процесса Интернационала во Франции, выступил с горячими призывами «подняться на защиту Парижа, немедленно вооружиться, двинуться к ратуше, овладеть всеми фортами, всей властью, ниспровергнуть версальское правительство и провозгласить Коммуну!» Провозглашения Коммуны требовало на следующий день и собрание офицеров национальной гвардии Лиона. Активная пропаганда «братания» велась среди солдат регулярной армии.

22 марта национальная гвардия вышла на улицу с лозунгами: «Да здравствует Коммуна!», «Долой Версаль!» Грозные отряды рабочего квартала Круа-Русс слились с рабочими отрядами Гиллотьеры и двинулись к ратуше. Охрана последней, состоявшая из национальных гвардейцев Круа-Русс, немедленно открыла восставшим все входы в здание. Батальоны, прибывавшие один за другим, быстро заняли ратушу. Гвардейцы обнимали друг друга со словами: «Мы ее имеем теперь—Коммуну! Нам нужно сохранить ее на этот раз».

Установление власти Коммуны было объявлено с балкона ратуши. Народ приветствовал революционную власть. У всех входов в ратушу были поставлены посты национальных гвардейцев.

Некоторое время спустя с балкона же были зачитаны имена лиц, избранных в коммунальную комиссию. Вслед за этим коммунальная комиссия приступила к работе. Был отдан приказ о концентрации революционных батальонов около ратуши и аресте префекта города — Валантена. Национальные гвардейцы, по приказу Коммуны, заняли телеграфное бюро и захватили все находившиеся там правительственные депеши. Манифест, отредактированный комиссией, объявил трудящимся Лиона о предстоящих выборах в Ком-

муну. Телеграммы, извещавшие о революционных событиях, были посланы в ряд городов. Комиссия распределила среди своих отрядов 60 тыс. патронов из порохового хранилища города. Центральный комитет национальной гвардии, примкнувший к движению с первых его шагов, позаботился об укреплении площади ратуши орудиями. В очень короткий срок на площади были воздвигнуты баррикады.

Однако одновременно с этими положительными мероприятиями Лионская коммуна совершила ряд грубейших ошибок: она не проявила необходимой энергии в деле реализации своего приказа о мобилизации вооруженных сил; она дала возможность контрреволюции свободно собирать карательные отряды как вне Лиона, так и в самом городе; она не предприняла никаких шагов для организации наступления на врага, придерживаясь целиком оборонительной тактики.

В ночь с 24 на 25 марта революционное восстание в Лионе было подавлено прибывшими из Бельфора отрядами мобилей (подвижная гвардия), которых французская буржуазия всегда использовала в борьбе с революционным движением не только в провинции, но и в Париже.

Ряд участников лионского восстания был арестован и осужден на различные сроки заключения. Рабочий Амуру, один из видных членов ЦК национальной гвардии, делегированный в Лион революционным Парижем, прибыл туда слишком поздно, когда движение было уже подавлено.

Марсель был вторым городом, отозвавшимся на события в Париже. Со дня революции 18 марта и вплоть до самого восстания в политических клубах Марселя велась самая резкая антиправительственная пропаганда.

Утро 23 марта в Марселе началось спокойно. Барабанщики, по специальному приказу префекта, пробили сбор национальным гвардейцам. Последние быстро отозвались на призыв. Никто не знал, чем вызван неожиданный сбор. После долгого и безрезультатного пребывания на площадях батальоны узнали, наконец, истинную причину сбора. Оказалось, что обезумевший от страха перед парижской революци-

ей префект желал заставить национальную гвардию Марселя продемонстрировать верность Версальскому правительству путем организованной манифестации. Неслыханная провокация вызвала давно назревавший взрыв: народ бросился за винтовками и патронами и с возгласами «Да здравствует Коммуна! Да здравствует Париж!» захватил префектуру, арестовал префекта и передал власть в руки революционной комиссии.

Большинство этой комиссии состояло не из рабочих. Во главе ее стоял мелкобуржуазный революционер-демократ Кремье. Рабочих было только двое. Остальные члены были делегированы различными республиканско-демократическими организациями. В комиссию вошли также трое представителей от старого муниципального совета. Как и в Лионе, Марсельская коммунальная комиссия носила коалиционный характер, свидетельствующий «об организационной слабости пролетариата и живучести иллюзий о возможности классового мира с буржуазией»¹.

Не останавливаясь специально на декретах Марсельской коммуны, необходимо все же отметить один из ее актов, имевший глубоко принципиальное значение. Едва утвердившись в префектуре, Коммуна выделила трех делегатов для поездки в Париж. Делегаты эти, вернувшись в Марсель 27 марта в сопровождении трех делегатов Парижской коммуны, развернули на общественных собраниях агитационную работу за поддержку парижских рабочих против Версаля.

Существование Коммуны вызвало панику в лагере реакции. 26 марта на стенах города появился приказ генерала Эспивана, объявлявший департамент на осадном положении. Но приступить к непосредственному разгрому Коммуны контрреволюция смогла лишь 4 апреля. С 5 часов утра в этот день улицы города были пусты и мрачны. Последние приготовления к бою сделаны с обеих сторон. Вмешательство трудящихся Марселя смогло лишь несколько отсрочить гибель Коммуны. На бульваре «de Rome» им удалось окружить солдат. Испуганное коман-

¹ Лук ин «Парижская коммуна 1871 г.», стр. 427. 2-е изд.

дование поспешило отвести войска обратно. В это же время на площади префектуры показался отряд национальных гвардейцев, провозглашавших: «Да здравствует Париж!» Энтузиазм толпы достиг высшей точки... В час дня началась бомбардировка префектуры. Снаряды сеяли смерть среди геройских защитников Коммуны. На вокзал ежеминутно приводили арестованных повстанцев. Дома, окружавшие префектуру, и сама префектура сотрясались под ударами артиллерии. В 7 часов вечера Коммуна начала слабеть, потеряв 150 человек убитыми, в то время как потери правительственных войск не превосходили 29 человек убитыми и 50 человек ранеными. В 8 часов бой закончился. Марсельское восстание было потоплено в крови¹.

Палачи победили. Среди коммунаров были произведены массовые аресты. Кремье был присужден к смертной казни и расстрелян.

Вслед за восстанием в Марселе 24 марта 1871 г. революционные события развернулись сразу в двух городах Франции: Сент-Этьене и Нарбонне.

24-го вечером рабочие Сент-Этьена направились двумя колоннами во главе с членами революционного клуба к ратуше, требуя провозглашения Коммуны и угрожая силой проникнуть в запертое здание. Всю ночь восставший народ оставался на площади, пока, наконец, не вырвал у мэра обещания провести плебисцит по вопросу о Коммуне.

Но, добившись своего, народ успокоился. И в этом была основная ошибка восставших. Наступившую передышку мэр использовал для организации контрреволюционных сил. Поняв обман, рабочие опять двинулись к ратуше и на этот раз захватили ее в свои руки. Тотчас же была назначена коммунальная комиссия, которая созвала на 29 марта избирателей Коммуны. Но в самый день выборов в Сент-Этьен прибыли специально вызванные войска и революционное восстание было подавлено².

¹ Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars, pp. 63, 99. Paris. 1872.

² Lepelletier, E. «Histoire de la Commune de 1871», pp. 132—134. Paris. 1913.

Более продолжительное время Коммуна продержалась в Нарбонне. Недовольство властью буржуазии нарастало в городе из месяца в месяц. 24 марта народ толпами повалил к ратуше. Охрана ратуши без сопротивления уступила силе. Толпа овладела зданием и, захватив оружие, находившееся внутри, моментально распределила его между восставшими. На площади, перед ратушей, коммунары торжественно водрузили красное знамя. Прибывшие на следующий день войска, вместо того чтобы вступить в бой с восставшими, побратались с ними. Лица командного состава, арестованные коммунарами, были использованы в качестве заложников. Отправляясь занимать различные общественные здания города, национальные гвардейцы ставили заложников впереди своих отрядов. В городе началась постройка баррикад. Утром 25 марта в двух пунктах восставшим пришлось выдерживать перестрелку с правительственными войсками. В следующие дни коммунары заняли вокзал и телеграф.

27 марта в Нарбонну прибыли делегации из соседних городов и местечек. Они выражали свою солидарность с Коммуной и требовали инструкций. 28 марта коммунары заняли арсенал, захватив там винтовки и патроны. Начальнику вокзала был отдан приказ разобрать пути, ведущие к городу, для того чтобы воспрепятствовать прибытию карательных войск. Однако открытый саботаж этого приказа позволил версальцам свободно переправить свои вооруженные силы в Нарбонну. 29 и 30 марта в город непрерывно прибывали цветные колониальные войска — «тюрокосы», жандармерия, артиллерия и кавалерия.

К вечеру 30 марта положение коммунаров стало опасным. Трудящиеся Нарбонны лихорадочно укрепляли баррикады на улицах, близких к ратуше, но это уже не могло спасти Коммуну. 31 марта с утра по городу были расклеены рукописные листовки генерала Ленца, в которых последний извещал население Нарбонны о предстоящей бомбардировке ратуши. Перед угрозой неизбежного кровопролития коммунары отступили без боя. Вопреки обещанной Ленцем амнистии коммунарам

тюрьмы Нарбонны наполнились арестованными.

Сильное движение охватило и другой южный город Франции — Тулузу. Тулузская коммуна была провозглашена 25 марта 1871 г. Известие о парижской революции вызвало в Тулузе, как и везде, огромное волнение. Национальная гвардия открыто стала на сторону Коммуны. Посты сменялись с обязательным приветствием «Да здравствует Париж! Да здравствует Коммуна!» Настроение трудящихся было очень напряженным, любой повод мог привести к взрыву. Таким поводом послужила отставка префекта — радикала Дюпортала — по приказу версальского правительства. 25 марта национальные гвардейцы, собравшись перед ратушей, направились оттуда к префектуре, с тем чтобы провозгласить Тулузскую коммуну. Народные массы с энтузиазмом приветствовали их. Долгое время не прекращались крики «Да здравствует Коммуна!»

Но одного энтузиазма было недостаточно для победы. Коммуна, обосновавшаяся в ратуше, сразу начала с неверного шага: она передала полномочия делегата Центрального комитета Дюпорталу. (Предательская роль Дюпортала по отношению к рабочему классу ясно вырисовывается даже из собственных воспоминаний этого «руководителя» Тулузской коммуны)¹.

26 марта рабочие Тулузы праздновали победу. Были организованы грандиозные демонстрации. Мужчины и женщины проходили мимо ратуши бесконечным потоком, громко приветствуя Коммуну. Предательское же руководство ее — члены Исполнительной комиссии во главе с Дюпорталом — в это время уже вело переговоры с представителями правительства.

В ночь на 27 марта на здание ратуши были наведены дула орудий и члены Исполнительной комиссии поспешили выпустить прокламацию, извещавшую население Тулузы о самоликвидации Коммуны. Прокламация эта появилась в городе 27-го числа. В тот же день рабочие попытались еще раз подняться на защиту револю-

¹ Duportal «La Commune à Toulouse», pp. 9,54. T. 1871.

Группа коммунаров. 1871 год.

ции. Как только войска, смешанные с «людьми порядка» (специально завербованными для этой цели по приказу Тьера) двинулись к Капитолию (название ратуши в Тулузе) и попробовали изолировать его от «красного» пролетарского предместья, они натолкнулись на сопротивление трудящихся. Площадь св. Этьена, занятая ими, быстро наполнилась рабочими. Но спасти Коммуну рабочим все же не удалось. 28 марта была сделана последняя безнадежная попытка отстоять революционные завоевания: собравшись у Капитолия, народные массы двинулись к генеральному штабу, но были принуждены разойтись, встретив у штаба войска, значительно превосходившие их силы и хорошо подготовившиеся к отпору. Так закончилось движение в Тулузе.

На следующий день после тулузского восстания поднялись рабочие Крезю. 25 марта в Крезю состоялось общественное собрание, прошедшее под лозунгами: «Долой Тьера, долой Фавра!», «Да здравствует Коммуна, да здравствует революция!» Это собрание приняло решение организовать на следующий день смотр национальной гвардии и провозгласить в городе Коммуну. В 4 часа дня 26 марта к центру го-

рода направилась демонстрация, впереди которой развевалось огромное красное знамя с единственным словом «Коммуна». Через час народные массы являлись уже хозяевами ратуши и в Крезе была установлена революционная власть. На следующий день была выпущена прокламация Коммуны, в которой особенно подчеркивалось то, что перед лицом монархических тенденций версальского правительства Крезе, «находящийся в первом ряду главных городов Франции по своей политической значимости», обязан был последовать примеру Парижа, Лиона, Марселя и Сент-Этьена. Коммуна Крезе, повторяя ошибки, общие для всех провинциальных коммун, смогла продержаться у власти лишь один день: 27 марта она была задушена контрреволюционными войсками.

Последним городом, в котором восставшим удалось захватить власть в руки, был Лимож. Революционная борьба в Лиможе началась 4 апреля, в день кровавого расстрела марсельских коммунаров. 91-й линейный полк отправлялся из Лиможа в Версаль на подавление Парижской коммуны. «Народное общество», организовавшееся после 4 сентября и включавшее в свой состав многих интернационалистов, решило не допустить этого отъезда. Рабочим, явившимся на вокзал, удалось разоружить солдат без малейшего сопротивления со стороны последних. Успех толкнул участников движения на дальнейшие действия. Отряды национальной гвардии собрались к «Народному обществу». Кругом раздавались боевые призывы «Да здравствует Париж! Да здравствует Коммуна! Долой префекта! Долой генерала! Это агенты Версаля!» Коммуна была провозглашена тотчас же, как восставшие овладели ратушей.

Но буржуазия бросила все силы, имевшиеся в городе, на подавление восстания, и одна за другой были взяты баррикады коммунаров.

Попытки установить власть Коммуны на местах делались и в других городах Франции: в Оше (южный город с развитым производством хлопчатобумажных тканей и оживленной торговлей вином и шерстью), Перпиньяне (также южный город, население кото-

рого занято выделкой вина и культивированием плантаций шелковичных деревьев), в Монтеро (известен гончарным производством).

2

Восстания за власть Коммуны в отдельных городах Франции не были единственными откликами, которые вызвала в стране революция 18 марта. Формы выражения солидарности с Парижской коммуной были весьма разнообразны. Отношение трудящихся масс к революционному Парижу выразилось в ряде демонстраций, охвативших провинциальные города. Во многих городах Франции рабочие выражали свое сочувствие парижской революции, вывешивая красные знамена на общественных зданиях.

Другой формой борьбы за Коммуну на местах было распространение агитационной литературы Парижской коммуны. Всеми силами пыталось контрреволюционное версальское собрание помешать Парижу наладить связи с провинцией, так как «помещичьи депутаты знали... — писал Маркс, — что три месяца свободного сообщения коммунального Парижа с провинциями принесли бы общее восстание крестьян, и отсюда их забота, о том, чтобы установить вокруг Парижа полицейскую блокаду с целью помешать распространению чумной заразы»¹.

Контрреволюционное версальское собрание всячески пыталось исказить истинное положение дел в Париже. Армия шпииков, аресты, перехватывание сообщений, конфискация столичных газет, перлюстрация писем — все было пущено в ход, для того чтобы скрыть от трудящихся провинции героическую борьбу парижан.

Тьер и его «люди обороны» пытались изолировать провинцию, чтобы удержать ее в подчинении и предотвратить общее восстание в защиту Парижа.

«Только ложь и клевета версальских газет проникают в департаменты

¹ Архив Маркса и Энгельса. Т. III (VIII). стр. 55. Партиздат. 1934.

и царят там безраздельно»¹, — писал Маркс в своем первом наброске «Гражданской войны». В условиях «идейной и полицейской блокады» (Маркс) любой плакат Парижской коммуны, революционная листовка, газета или брошюра, провезенные в провинцию, приобретали там колоссальное значение.

Огромную роль в переброске воззваний и прокламаций сыграли рабочие и служащие железных дорог. Известно, например, что в Безансоне парижские прокламации были конфискованы непосредственно в вагонах железнодорожной линии. В Невере 5 апреля был задержан целый транспорт парижских листовок. Начальник вокзала Пуи открыто читал посетителям местного кабака манифест Коммуны. Активное участие в распространении революционной литературы принимали также и женщины. Экземпляры прокламаций, доходившие до провинции, бережно сохранялись самими трудящимися.

Чрезвычайно важно отметить, что провинциальные рабочие сделали ряд попыток задержать транспорты оружия и войск, направляемых в Версаль для подавления Парижской коммуны. Рабочие Фуа выступили против приказа префекта направить в тулузский арсенал пушки, которыми обладал город, опасаясь, что эти пушки попадут затем в Версаль. В Вариле были опрокинуты вагоны, для того чтобы помешать отправке оружия в версальскую армию. Рабочие Вьерзона, узнав, что в Версаль идет поезд с карательными войсками, отправились на вокзал, для того чтобы задержать его, но попытка не удалась, так как начальник вокзала пропустил поезд другим путем. Об аналогичной, но более удачной попытке рабочих Лиможа было сказано выше. 13 апреля 1871 г. рабочие Периге воспрепятствовали отправке в Версаль карательного состава.

Развитие военных операций версальской армии против коммунаров Парижа вызвало в стране новые революционные выступления: в Лилле отряд 75-го полка, направленный в армию

Группа коммунаров. 1871 год.

Версаля, организовал демонстрацию, которая прошла по городу с криками «Да здравствует Коммуна!»; на вокзале в Дуэ повторилось то же самое. Узнав об опасном прецеденте, военные и гражданские власти Арраса (центр северного департамента Падекале, расположенный рядом с железнодорожным узлом) поспешили арестовать и обезоружить «красный» отряд. Участники выступлений подверглись суровому наказанию.

10 апреля, после смотра национальных гвардейцев Невера, группа гвардейцев заняла мэрию и провозгласила мэром рабочего-сапожника. В этот же день разыгрались серьезные события в Шарите. Во время смотра национальной гвардии один из гвардейцев поднял винтовку с прикрепленным к ней красным флагом и запел «Марсельезу». Песня была подхвачена десятками других национальных гвардейцев. Батальонам сейчас же был отдан приказ разойтись, но многие участники смотра с пением «Марсельезы» организовали манифестацию и проследовали по городу к ратуше, где попытались укрепить красный флаг на здании. Арестованные инициаторы движения были на следующий день освобождены толпой трудящихся Шарите, которые

¹ Архив Маркса и Энгельса. Т. III (VIII), стр. 295. Партиздат. 1934.

после этого организовали новое шествие по городу. 12 апреля намечалась демонстрация в Булони (морской порт на севере Франции), но была предотвращена усилиями контрреволюционных властей.

16—18 апреля на защиту Парижской коммуны выступило трудящееся население Бордо. С начала месяца в городе начались собрания национальных гвардейцев, посвященные созданию федерации национальной гвардии и выборам ее Центрального комитета. Орган этот, избранный революционными национальными гвардейцами и существовавший, по примеру Парижа, параллельно с официальным военным командованием, сыграл большую роль в событиях Бордо.

За несколько дней до вооруженного восстания на стенах города появились рукописные, печатные и литографированные листовки, воспроизводившие обращение Парижской коммуны к провинции. Сорванные листовки немедленно заменялись новыми, днем их окружали многочисленные группы, текст прокламаций зачитывался вслух. Национальные гвардейцы арестовывали полицейских агентов, пытавшихся уничтожить листовки. Дело доходило до физической расправы с контрреволюционерами. На улицах ораторы вели открытую агитацию против версальского правительства и Национального собрания.

16 апреля на улицах Бордо наблюдалось особенно большое скопление народа. Следующий день начался революционной демонстрацией. К вечеру в толпе, окружавшей одну из революционных листовок, на которой была сделана надпись «Смерть тому, кто коснется прокламации», заметили, что какой-то реакционер пытается сорвать ее. Покушавшийся едва успел укрыться в ближайшей военной казарме. Последняя была тотчас же осыпана камнями. Толпа кричала: «Да здравствует армия! Долой офицеров!» Восставшие ударили в набат. Торговцы поспешно закрыли свои лавки. Рабочие немедленно приступили к постройке баррикад. В ночь на 18 апреля несколько раз начиналась перестрелка повстанцев с правительственными войсками; появились раненые. Но силы были неравные — в ту же

ночь баррикады были разрушены и среди коммунаров произведены многочисленные аресты.

Однако народ не сдавался. 18-го днем на улицах города продолжали собираться группы народа; 19 апреля власти Бордо обратились к помощи кавалерии, для того чтобы рассеять новые демонстрации.

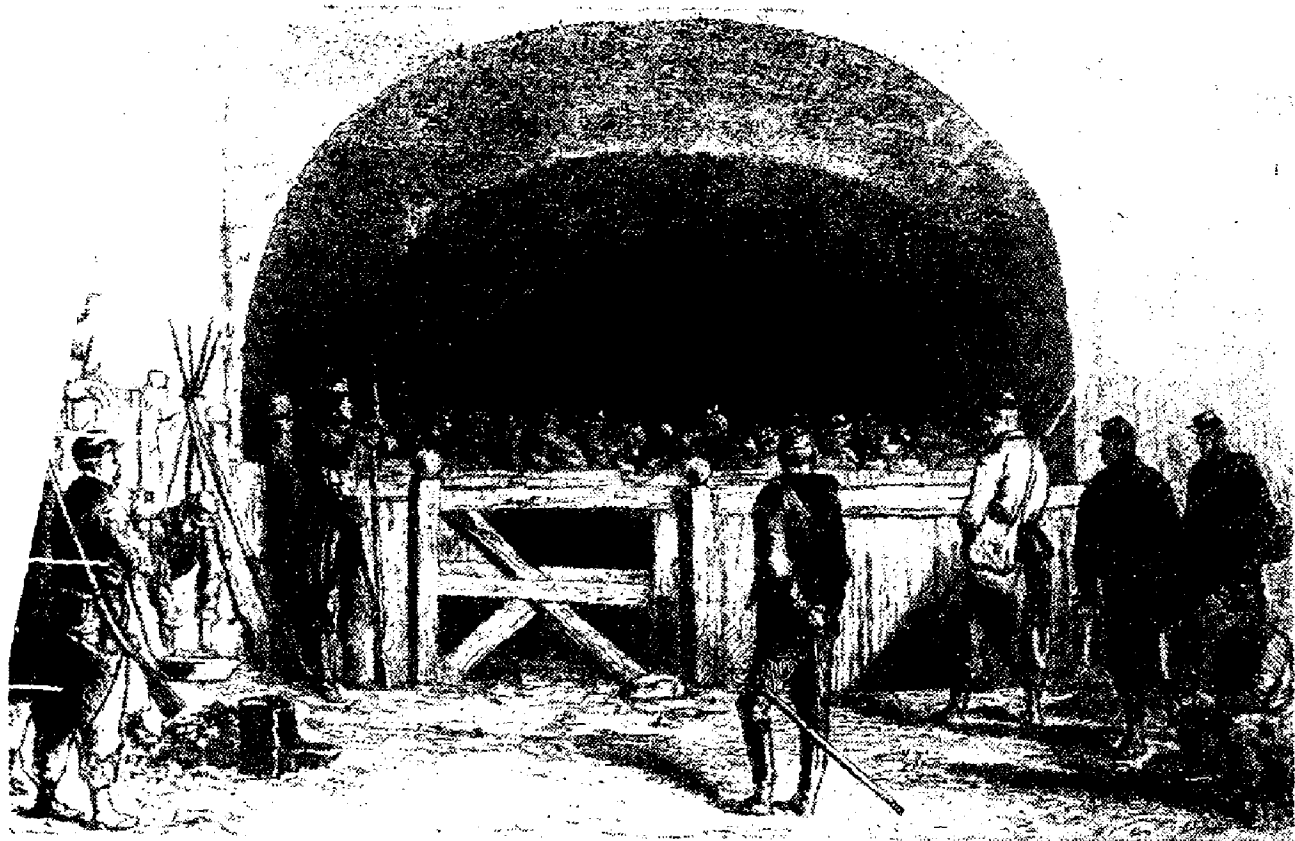
15, 16, 17 и 18 апреля бурное выступление масс имело место в Кон (промышленный городок в департаменте Ньевр). Участники все время возобновлявшихся демонстраций двигались по городу, неся красные знамена. День ото дня демонстрации становились все многочисленнее и продолжительнее. На четвертый день властям удалось, наконец, произвести аресты вожаков движения. Арестованные были спешно переправлены в тюрьму Риома (окружной центр). События в Кон нашли отклик в соседнем от него местечке Нейм: 18 апреля здесь состоялась вооруженная демонстрация.

Участники движения взломали двери церкви и ударили в набат. На мэрии было вывешено красное знамя. Демонстранты требовали у начальника станции немедленной отправки их в Кон; они разошлись только тогда, когда стало известно, что революционное движение в последнем задушено контрреволюцией.

16 апреля по примеру рабочих Лиможа и других городов Франции, пытавшихся не допустить провоза оружия в Версаль, вспыхнуло движение среди рабочих Гренобля.

Спустя неделю борьба развернулась в Дюнкерке (коммерческий и военный порт на севере Франции). 22 апреля на стенах города появились многочисленные прокламации, призывавшие рабочих Дюнкерка организоваться и идти на помощь Парижской коммуне.

Весь апрель 1871 г. в провинции не прекращались общественные собрания, на которых ораторы открыто выражали свою солидарность с парижской революцией. На собрании в Руане 5 апреля 1871 г. все выступавшие единодушно говорили о «прекрасном поведении своих братьев в Париже», которые ведут тяжелую борьбу с презренными версальцами. Пример Пари-

Плевные коммунары. 1871 год.

жа воодушевлял рабочих на местах. «Мы хотим Коммуну!» — восклицал один из выступавших на указанном собрании. «Мы хотим, чтобы в муниципальном совете рабочие были в подавляющем большинстве!» Участники собрания приветствовали парижских рабочих за расстрел врагов народа — генералов Тома и Леконта. Собрание от 23 апреля в этом же городе приняло декларацию, приветствовавшую Парижскую коммуну и присоединяющуюся безоговорочно к ее программе.

В клубах Крезе велась ежедневная антиправительственная пропаганда. Ораторы призывали к борьбе с буржуазией, «спекулирующей потом рабочих и поглощающей все продукты их труда», нападали на жандармерию и военное командование и с восторгом говорили о парижском восстании. Крики «Да здравствует гильотина!» смешивались с аплодисментами. На собраниях в Бордо шло горячее обсуждение классового характера будущей Коммуны. «Коммуной должен руководить пролетарий, рабочий, каретник, плотник, каменотес», — заявляли выступавшие¹.

¹ Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars, p. 109.

3

Последние крупные революционные выступления в провинции были связаны с попыткой рабочих сорвать муниципальные выборы, проходившие на основании реакционного закона Национального собрания (от 14 апреля 1871 г.).

Первое место в «движении 30 апреля» занял Лион. Национальная гвардия открыто выражала свои симпатии Парижу.

Революционные группы Лиона обсуждали конкретные планы восстания. Собрание делегатов Центрального комитета национальной гвардии от 15 апреля не только требовало немедленного провозглашения Коммуны в Лионе, но и назначило членов коммунальной комиссии, которая должна была заменить муниципалитет. Обсуждение кандидатов в Коммуну прошло и на ряде клубных собраний 20, 21 и 22 апреля. Так же как и в других городах, члены клубов сразу после заседаний отправлялись на вокзалы, для того чтобы воспрепятствовать отправке снарядов в Версаль. Широкий отклик в клубах нашел и вопрос о муниципальных выборах. Выступавшие

призывали к бойкоту этих выборов, не признавая за «версальскими убийцами» права проводить их. С 25 по 29 апреля клубы обсуждали уже практические мероприятия по организации готовящегося восстания. 30 апреля, в день выборов, произошел давно назревавший взрыв. Восстание началось в рабочем квартале Гиллотьере. Избиратели, пришедшие в мэрию, нашли ее занятой восставшими национальными гвардейцами и моряками. «Возьмите ваши винтовки! — кричали повстанцы пришедшим. — Это единственный бюллетень, который необходим в сегодняшнем голосовании». В боевом порядке, с громкими криками «Да здравствует Коммуна!» подошли батальоны национальных гвардейцев.

Восставшие успели построить две баррикады. В 4 часа дня войска начали свою карательную работу. Борьба длилась всю ночь, и только утром контрреволюция могла торжествовать победу.

Со стороны других рабочих кварталов помощь оказана не была, хотя параллельно с событиями в Гиллотьере началось восстание и в районе Круа-Русс. Национальные гвардейцы Круа-Русс явились в избирательные залы, захватили мэрию и установили в ней власть исполнительной комиссии. Тотчас же была выпущена прокламация, извещавшая население Лиона о провозглашении Коммуны. Коммуна успела провести ряд мероприятий: разоружила жандармерию и вооружила национальных гвардейцев, арестовала командира 10-го батальона и распорядилась о постройке баррикад. Она оставалась хозяйкой положения всю ночь. Карательные войска только с помощью тяжелых орудий смогли сломить сопротивление восставших. Арестованные коммунары были преданы военному суду.

Кроме Лиона в «движении 30 апреля» участвовали трудящиеся ряда других городов — Тьера, Ле-Мана, Маноска.

Наступил май 1871 года. Парижская коммуна героически сражалась с контрреволюцией. Хотя революционное движение в провинции уже было подавлено, но выражения солидарности революционной столице не пре-

кращались. В округе Сент-Аман по-прежнему срывались правительственные прокламации и по-прежнему на стены вывешивались революционные прокламации, вызывавшие громкие приветствия по адресу Коммуны. 7 мая на смотре в Сарля (торговый и промышленный окружной центр в южном департаменте Дордонь) из рядов национальных гвардейцев раздавались приветствия Парижской коммуне. В Анзене разразилась политическая стачка рабочих-механиков, длившаяся 6 дней. Там же назревала огромная 10-тысячная стачка рабочих в рудниках, которая была сорвана арестами ее инициаторов. Около 17 мая началась стачка в Морейе, где забастовавшие рабочие организовали демонстрацию под лозунгом «Да здравствует Париж! Да здравствует Коммуна!» Делались попытки организовать стачки в Фуршамболе и Лиможе: рабочие боролись за Коммуну на местах и с помощью этого, чисто пролетарского орудия.

Вооруженные восстания за Коммуну, стачки, политические демонстрации и бурные массовые заседания «красных» клубов, борьба против отправки оружия в Версаль, распространение парижских листовок в провинции и стихийное самовооружение трудящихся, — словом, вся совокупность массовых выступлений во Франции во время Парижской коммуны показывает, что рабочие и трудящиеся всей страны солидаризовались с парижской революцией и оказали ей весьма реальную поддержку.

Беда Парижской коммуны заключалась в том, что она не сумела этой поддержкой воспользоваться, что она не имела времени пробиться к крестьянству и к революционному движению всей Франции.

Чрезвычайно важно отметить попытки Маркса организовать революционное восстание на юге Франции в помощь Парижской коммуне. В своем замечательном письме к членам Коммуны Франкелю и Варлену от 13 мая 1871 г. Маркс сообщал им: «Мне писали из Бордо, что на последних муниципальных выборах было избрано четыре члена Интернационала. В провинции начинается брожение. К не-

Расстрел коммунаров. 1871 год.

счастью, движение носит слишком местный и «мирный» характер»¹.

Толкая Коммуну на путь руководства массовым революционным движением в провинции, Маркс и Энгельс отлично учитывали значение этого движения для восставшего Парижа. В начале мая 1871 г. Энгельс, делавший на заседании Генерального совета I интернационала сообщение о перспективах борьбы коммунаров с версальской контрреволюцией, характеризовал их следующим образом: «Силы противников сейчас приблизительно равны. Версаль не может стянуть войска из провинции, поскольку настроение в провинции настолько ненадежно, что ему приходится, наоборот, посылать отряды из Версаля по провинциальным центрам для того, чтобы поддерживать порядок»².

Не покидая боевого поста руководителей I интернационала, Генеральный совет которого находился в Лон-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 118. Партиздат. 1935.

² Н. М. Лукин «Протоколы Генерального совета Интернационала—как источник для истории Парижской коммуны», стр. 31. «Парижская коммуна». Сборник статей. Партиздат. 1932.

доне, Маркс и Энгельс сумели вопреки версальской блокаде стать непосредственными участниками великих событий, происходивших во Франции: они сумели наладить постоянную информацию из осажденного Парижа: они направили туда представителей Генерального совета (О. Серайе, Е. Тумановская); они давали коммунарам целый ряд ценнейших советов и указаний; они выступили организаторами международного пролетарского фронта в защиту Парижской коммуны (Маркс написал сотни писем в различные уголки мира); Парижской коммуне был посвящен ряд заседаний Генерального совета.

Также изо дня в день следили основоположники марксизма и за революционным движением во французской провинции: Генеральный совет поддерживал связи с центрами французского рабочего движения и получал оттуда необходимые ему сведения: из Бреста — через Дюпона, из Руана — через Обри, из департамента Вар — через Бастелику³. Революционной работой в Бордо Маркс руководил через Лафарга, талантливое распространителя марксистских идей во

³ Там же, стр. 18—19.

Франции. В начале апреля 1871 г. Лафарг из Бордо выехал в Париж, где имел встречи с видными членами Парижской коммуны. После поездки в Париж Лафарг возвратился опять в Бордо с заданием поднять народное восстание на югозападе Франции. Оценивая уже после гибели Коммуны работу Лафарга в Бордо, Маркс писал в письме к Бизли от 12 апреля 1871 г., что Лафарг в Бордо «играл крупную роль»¹.

Как известно, Парижская коммуна не успела воспользоваться указаниями Маркса. Будучи блокированной немецкими войсками и войсками Тьера, Коммуна не сумела пробить себе путь для установления союза рабочего класса и крестьянства, не сумела поддержать и расширить революционное движение в провинции. Последнее было задушено версальцами еще быстрее чем в самой столице. Подводя итоги причинам поражения французского пролетариата, Ленин писал: «Для победоносной социальной рево-

люции нужна наличность, по крайней мере, двух условий: высокое развитие производительных сил и подготовленность пролетариата. Но в 1871 г. оба эти условия отсутствовали. Французский капитализм был еще мало развит, и Франция была тогда по преимуществу страной мелкой буржуазии (ремесленников, крестьян, лавочников и пр.). С другой стороны, не было налицо рабочей партии, не было подготовки и долгой выучки рабочего класса, который в массе даже не совсем ясно еще представлял себе свои задачи и способы их осуществления. Не было ни серьезной политической организации пролетариата, ни широких профессиональных союзов и кооперативных товариществ... Но главное, чего нехватало Коммуне, так это времени, свободы оглядеться и взяться за осуществление своей программы»².

Все эти особенности развития французского рабочего класса со всей силой сказались и в его борьбе за создание коммун на местах.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 120 (разрядка моя.—Н. С.).

² Ленин. Собр. соч. Т. XV, стр. 158—159.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА

В. Кирпотин

МАРКС, ЭНГЕЛЬС, ЛЕНИН О ДОБРОЛЮБОВЕ

Николай Александрович Добролюбов родился 100 лет назад, в 1836 году. Он жил очень недолго: он умер в 1861 г., но немногие годы публицистической и критической деятельности Добролюбова оставили неизгладимый след в истории общественной мысли России и приковали к нему внимание всех мыслящих и образованных современников.

Маркс и Энгельс сравнивали Добролюбова с Дидро и Лессингом. Насколько гениален был Добролюбов, видно хотя бы из сопоставления сроков деятельности названных выдающихся мыслителей со сроком его деятельности: Дидро жил 71 год, Лессинг—52 года, Добролюбов же—только 25 лет, и, тем не менее, оставленное им наследство ставит его в один ряд с величайшими представителями французского и немецкого просвещения.

Добролюбов не дожил до осуществления своих идеалов, за которые он страстно боролся, служа которым он и сгорел так безвременно.

Несмотря на то что он верил в близость революции в России, он как бы чувствовал, что ему не придется увидеть ее торжества, и в своих лирических стихотворениях, пусть не отмеченных печатью крупного поэтического дарования, но пронизанных беспредельной искренностью, он писал:

«Пускай умру, печали мало,
Одно страшит мой ум большой,
Чтобы и смерть не разыграла

Обидной шутки надо мной.
Чтоб все, чего желал так жадно,
И так напрасно я живой,
Не улыбнулось мне отрадно
Над гробовой моей доской».

Изучая историю русской критики, движущие силы зреющей революции в России и процесс выкристаллизовывания ее программы, нельзя миновать Добролюбова и оставленного им наследия.

Деятельность Добролюбова способствовала ускорению дифференциации политических направлений в классовой борьбе шестидесятых годов. В кружке Станкевича до поры до времени уживались вместе и родоначальники либерализма, и родоначальники народничества, и родоначальники передового революционно-демократического и социалистического просветительства. Чернышевский и Добролюбов начали свою деятельность с того, чем кончил Белинский. В обстановке резкого столкновения классов за пути проведения крестьянской реформы размежевка направлений была совершенно необходима. Добролюбов отчетливо понимал это. В своей высокой политической принципиальности он требовал ясности программных положений, определенной позиции по отношению к самодержавию и крепостничеству, подтверждения словесных заявлений практическим делом. Никто в редакции «Современника» не вызывал такой ненависти со стороны либерального крыла его сотрудников, как Добролюбов.

Ознакомившись со статьей Добролюбова «Когда же придет настоящий день», в которой великий критик ставил роман Тургенева «Накануне» служить делу революции вопреки воле самого автора, последний забил тревогу. «Убедительно тебя прошу, милый Некрасов,—писал Тургенев владельцу и одному из редакторов «Современника»,— не печатать этой статьи: она, кроме неприятностей, ничего мне наделать не может, она несправедлива и резка,—я не буду знать, куда бежать, если она напечатается. По-

жалуйста, уважь мою просьбу. Я найду к тебе. Твой И. Т.»

Непримиримость Добролюбова, отказавшегося внести в свою статью какие бы то ни было поправки, ускорила окончательное оформление разрыва в «Современнике» партии крестьянской революции с либералами. Либералы вынуждены были покинуть «Современник». Разрыв этот был необходим для воспитания революционных кадров того времени и чрезвычайно много уясняет во всей политической и литературной биографии Добролюбова.

Революционно-демократическое и социалистическое направление Чернышевского — Добролюбова отличалось не только от либерально-помещичьего направления, но и от формировавшейся тогда субъективистской и политически невыдержанной народнической идеологии. Чернышевский полемизировал с Лавровым и критиковал социально-политические концепции Герцена того периода. «Либеральные шатания» Герцена и Лаврова вызвали самую суровую оценку со стороны вождей партии крестьянской революции в шестидесятые годы. Идеалистически-субъективистские представления Бакунина, Лаврова и других народников об интеллигенции как движущей силе истории Добролюбов никогда не разделял. Он видел в истории закономерный процесс, в котором участвуют народные массы: «История самая живая и красноречивая будет все-таки не более как прекрасно сгруппированным материалом, если в основании ее не будет положена мысль об участии в событиях самого народа» (ст. «Первые годы царствования Петра Великого»). В исторических концепциях Добролюбова и Чернышевского мы находим зародыши взглядов на классовую борьбу как на истинную силу исторического развития.

Теоретическими и политическими достоинствами мировоззрения Добролюбова, отличающими его от либералов и народников, объясняется и высокая оценка Добролюбова со стороны Маркса, Энгельса и Ленина.

Маркс в письме к Даниэльсону от 9 ноября 1871 г. пишет: «С сочинениями Эрлиба (т. е. Добролюбова. — В. К.) я отчасти уже знаком. Как пи-

сателя я ставлю его наравне с Лессингом и Дидро»¹.

В 1874 г. Энгельс дает следующий отзыв о Добролюбова и Чернышевском: «Страна, выдвинувшая двух писателей масштаба Добролюбова и Чернышевского, двух социалистических Лессингов, не погибнет от того, что как-то породила такого пройдоху, как Бакунина, и несколько незрелых студентиков, которые, произнося громкие фразы, пыжятся как лягушки, и, в конце концов, пожирают друг друга»².

Этот свой отзыв Энгельс подтверждает еще раз в письме к русской эмигрантке Е. Паприц.

«Мне кажется, — писал он, — что Вы несправедливы к Вашим соотечественникам. Мы оба, Маркс и я, не можем на них пожаловаться. Если некоторые школы и отличались больше своим революционным пылом, чем научными исследованиями, если были и есть различные блуждания, то, с другой стороны, была и критическая мысль и самоотверженное искание чистой теории, достойные народа, давшего Добролюбова и Чернышевского. Я говорю не только об активных революционных социалистах, но и об исторической и критической школе в русской литературе, которая стоит бесконечно выше всего того, что создано в Германии и Франции официальной исторической наукой»³.

В приведенных высказываниях Маркса и Энгельса мы видим не просто высокую оценку деятельности Добролюбова и Чернышевского, хотя мы не можем и не отметить того исключительного уважения, с которым Маркс и Энгельс пишут о великих русских демократах и социалистах шестидесятых годов. Достаточно сказать, что критические и исторические работы Добролюбова и Чернышевского основоположники марксизма ставят много выше всего того, что создано цензурой наукой во Франции и Германии, несмотря на то что последние имели к своим услугам максимально благоприятные условия для научной деятельности, а Добролюбов и

¹ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. XXVI, стр. 164.

² Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. XV, стр. 235.

³ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. XXVII, стр. 389.

Чернышевский работали в суровых условиях цензурных, материальных и всяких иных.

Вера в революционное будущее России, в превращение ее из всемирного жандарма в мировой революционный очаг была для Маркса и Энгельса в известной степени связана с именами Добролюбова и Чернышевского. Деятельность последних была для Маркса и Энгельса симптомом накопления в России революционных сил и именно их деятельность, а не Бакунина, не пыжащихся громкими фразами незрелых студентов, не эффектных фразеров и позеров от революции, которых так много было в народническом лагере.

Имена Бакунина с одной стороны и Добролюбова и Чернышевского—с другой говорили о двух разных направлениях, о двух разных тенденциях в левой публицистике и в революционном лагере в России. Одно направление было по своему характеру реакционно-утопическим, по своим воззрениям—народническим; другое, достигшее высокой степени научности, насколько это было возможно до начала самостоятельной борьбы рабочего класса в России, подготовляло путь марксизму.

Бакунин, как и многие другие народники, был выходцем из дворян. Он шел в революцию сверху вниз и никогда не достигал тесного соприкосновения с угнетенными народными массами в России.

Добролюбов шел в революцию с нижних ступеней социальной лестницы, он знал народ, верил в него, не идеализируя его, и предвидел силу, настойчивость и непреодолимость народного натиска в революции.

Бакунин, при всех своих симпатиях к массам, движущей силой истории считал интеллигенцию—активное незначительное меньшинство. Он говорил, что «для международной организации во всей Европе достаточно 100 крепко и серьезно связанных революционеров. Двух—трех сотен революционеров достаточно для организации самой большой страны»¹.

¹ Цитирую по книге Стеклова «Бакунин, его жизнь и деятельность». Т. III, стр. 61.

N. A. Dobrolybov

Н. А. Добролюбов.

Для народников вообще было характерно стремление облагодетельствовать народ сверху, без прямого участия в освободительной борьбе самого народа. Добролюбов же был убежден, что бороться за свое освобождение может только тот, кто кровно, социально заинтересован в этом освобождении. Он верил в революцию потому, что верил в восстание масс, а не в филантропическую деятельность интеллигенции.

К вождям и теоретикам народничества могут быть вполне отнесены следующие меткие слова товарища Сталина: «Теоретики и вожди партий, знающие историю народов, проштудировавшие историю революций от начала до конца, бывают иногда одержимы одной неприличной болезнью. Болезнь эта называется боязнью масс, неверием в творческие способности масс. На этой почве возникает иногда некий аристократизм вождей в отношении к массам, не искушенным в истории революций, но призванным ломать старое и строить новое»².

² Сталин «О Ленине», стр. 57. Партиздат. 1934.

Добролюбов, как и Чернышевский, чувствовал себя представителем народа, низов, масс. К массам Добролюбов относился с величайшим доверием и с величайшей надеждой.

Лишь могучий поток народной революции может сорвать плотину реакции. Это сравнение Добролюбов употребил, когда на подневольном, подцензурном языке он писал о перспективах революции в России.

Что же удивительного после всего вышесказанного, что народники, включая Бакунина, делали в революции ставку на произвол, на свободную волю отдельных личностей, а не на познание закономерностей исторического процесса.

Михайловский так и писал: «В момент деятельности я сознаю, что ставлю себе цель свободно, совершенно независимо от влияния исторических условий: пусть это обман, но им движется история; я признаю, что и соседи мои выбирают себе цели жизни свободно, на этом только и держится возможность личной ответственности и нравственности и нравственный суд, которых нельзя же вычеркнуть из человеческой души... Противоречие между необходимостью и свободой неразрешимо».

Естественно, что о подобных, с позволения сказать, теориях Энгельс говорил как о болтовне незрелых студентов. Добролюбов же и Чернышевский стремились обосновать свою практику на научном познании общественных явлений, на материалистической методологии.

Свою веру в революцию и в ее победу они базировали не на произволе, не на обмане, как выражался Михайловский, но на закономерностях общественной жизни, пусть ими так и не понятых до конца. Волю человека они считали обусловленной, и в обусловленности человеческих поступков они видели не источник пессимизма, а возможность научных расчетов и твердых прогнозов в общественной деятельности.

У Михайловского, как и народников вообще, социализм был иллюзорной фразой, прикрывавшей лишь идеализацию собственнического строя, надежду на увековечение собственности на землю.

Михайловский, который во многих отношениях наилучшим образом выразил теоретические предрассудки народничества, писал: «Рабочий вопрос в Европе есть вопрос революционный, ибо там он требует передачу условий труда в руки работников, экспроприацию теперешних собственников; рабочий вопрос в России есть вопрос консервативный, ибо тут только требуется сохранение условий труда в руках работников, гарантии теперешним собственникам их собственности. У нас под самым Петербургом существуют деревни, жители которых живут на своей земле, жгут свой лес, едят свой хлеб, одеваются в армяки и тулупы своей работы из шерсти своих овец»¹.

Ни Добролюбов, ни Чернышевский не могли никогда написать ничего подобного. Они были утопическими социалистами, но их социализм, хоть еще и незрелый, был не мелкобуржуазным социализмом. Под социализмом они понимали крупное, обобществленное производство, базирующееся на передовых достижениях современной техники не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве.

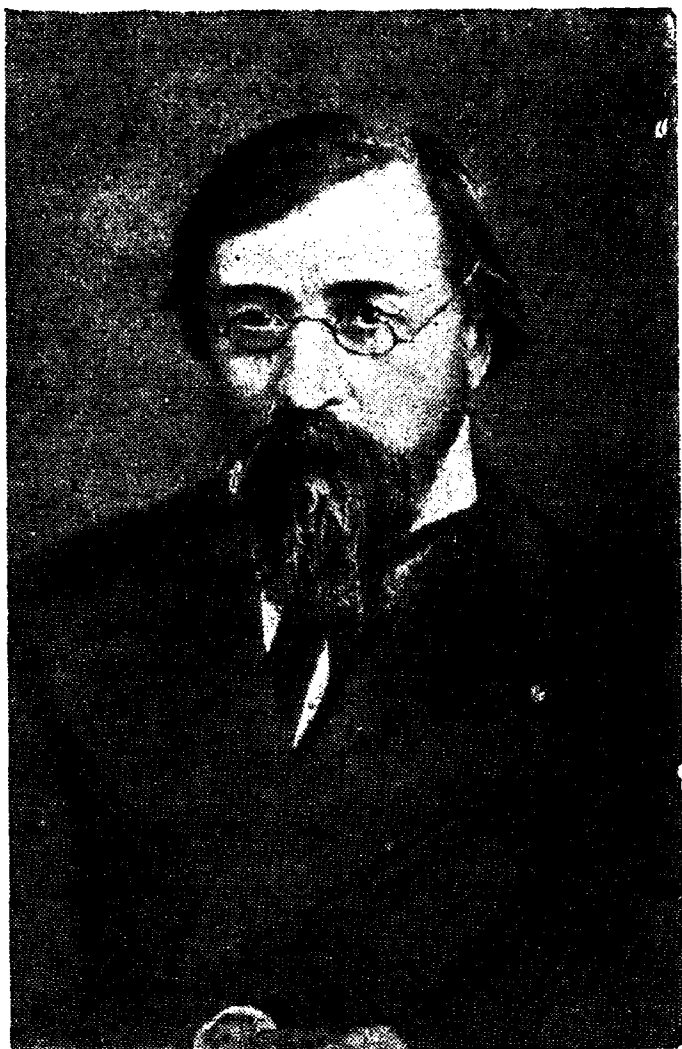
Добролюбов мало писал по вопросам социализма. В том разделении труда, которое существовало между ним и Чернышевским, на его долю выпало освещать вопросы литературы. Но в коренных вопросах мировоззрения между ними никаких разногласий не было. Для того же, чтобы напомнить, что Чернышевский под социализмом понимал именно социализм, а не идеализированное собственническое крестьянское хозяйство, достаточно сослаться на сны Веры Павловны из романа «Что делать?». Социализм Добролюбова и Чернышевского принимал всерьез и Энгельс, как это видно из приведенных его высказываний, в которых он называет Добролюбова и Чернышевского социалистическими Лессингами. Добролюбов был единомышленником Чернышевского, которого Ленин называл великим социалистом, в то время как у народников он справедливо не находил ни грана социализма; фразой считал Ленин и социалистические убеждения Герцена.

¹ Михайловский. Т. I, стр. 703.

Не даром Маркс и Энгельс отделяли направление Чернышевского и Добролюбова от народническо-бакунистских направлений в России. Правда, Добролюбов как и Чернышевский были еще просветителями. Сопоставление с Дидро и Лессингом подчеркивает просветительский характер их мировоззрения. Как и последние, Добролюбов и Чернышевский в конечном итоге своих исторических рассуждений скатывались к историческому идеализму: по сравнению с марксизмом их мировоззрение является еще далеко не совершенным. Но, тем не менее, огромное значение «могучей проповеди» Чернышевского и Добролюбова теперь не подлежит уже никакому сомнению. Они освобождали революционное движение в России от пут религиозных предрассудков, от идеалистической бездейственности фразы, они вооружали революционную практику знанием действительности, любовью к конкретности; в их воззрениях явственно выступает зародыш понимания расчленения общества на классы и классовой борьбы. Если Чернышевский и Добролюбов не усвоили мировоззрения Маркса и Энгельса, то это объясняется отсталостью общественных отношений в России, отсутствием в России рабочего класса как активно действующей силы.

Если Ленин, касаясь вопроса о народниках, все время вынужден говорить об их политических колебаниях, их политических срывах, об их тяготении к либералам, то в последовательности революционной позиции Добролюбова он никогда не выражал никаких сомнений. Ленин писал, что Добролюбов дорог «всей образованной и мыслящей России, дорог писателю, страстно ненавидевший произвол и страстно ждавший народного восстания против «внутренних турок» — против самодержавного правительства»¹.

Мог ли Ленин отзываться иначе о Добролюбове, если каждая страница писаний Добролюбова пронизана неугасимой ненавистью к произволу и самодержавию и ни на минуту не умолкающим призывом к революции? В гибели Катерины (в разборе «Грозы» Островского) Добролюбов видел отрадный признак. «Мы уже сказа-

Н. Г. Чернышевский.

ли, — писал он, — что конец этот кажется нам отрадным; легко понять почему в нем дан страшный вызов самодурной силе, он говорит ей, что уж нельзя идти дальше, нельзя долее жить с ее насильственными, мертвящими началами. В Катерине видим мы протест против кабановских понятий о нравственности, протест, доведенный до конца, провозглашенный и под домашней пыткой и над бездной, в которую бросилась бедная женщина. Она не хочет мириться, не хочет пользоваться жалким прозябанием, которое ей дают в обмен за ее живую душу. Ее погибель — это осуществленная песнь плена вавилонского: играйте и пойте нам песни сионские, говорили иудеям их победители; но печальный пророк отозвался, что не в рабстве можно петь священные песни родины, что лучше пусть язык их прилипнет к гортани и руки отсохнут, нежели примутся они за гусли и запоют сионские песни на потеху владык своих. Несмотря на все свое отчаяние эта песня производит высокоотрадное мужественное впечатление: чувствуешь, что не погиб бы народ

¹ Ленин. Т. IV, стр. 346.

еврейский, если б весь и всегда одушевлен был такими чувствами...»¹.

В этом поэтическом иносказании проводится мысль о том, что в революции нужно идти до конца, жертвовать, если нужно, жизнью для нее, что свобода, счастье, самая жизнь народа могут быть обеспечены только непримиримой борьбой с поработителями. Наличие революционных чувств и воли к борьбе в народе, способность отдавать свою жизнь за дело свободы есть залог того, что жалкое прозябание, вавилонское пленение рабства сменятся жизнью счастливой и радостной для всех обездоленных и эксплуатируемых.

Ленин не только высоко оценивает последовательную революционность Добролюбова, он все время противопоставляет его лжеревolucionерам, революционерам на словах, оппортунистам на деле. Отношение Ленина к Добролюбову совершенно совпадает с отношением к нему Маркса и Энгельса. Клеймя позором ренегатов революции, Ленин использует ореол и авторитет Добролюбова, для того чтобы подчеркнуть наличие в России последовательно революционной линии в борьбе против самодержавия и крепостничества. Полемизируя с «Вехами», этой, по его выражению, энциклопедией либерального ренегатства, иронически выписывая их мнение, что «Белинский, Добролюбов, Чернышевский — вожди «интеллигентов». Чадаев, Владимир Соловьев, Достоевский — «вовсе не интеллигенты», он добавляет: «Первые — вожди направления, с которым «Вехи» воюют не на живот, а на смерть»².

Выступая против защиты либералами обязательности русского языка в качестве общегосударственного языка, Ленин подчеркивает, что великие традиции русской классической критики и русской классической литературы лучше понимаются и защищаются партией пролетариата чем либеральными словоблудами: «Мы лучше всех знаем, — писал Ленин, — что язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского — велик и могуч»³.

¹ «Луч света в темном царстве». Добролюбов. Собр. соч. Т. VI, стр. 136—137.

² Ленин. Т. XIV, стр. 218.

³ Ленин. Т. XVII, стр. 180.

В статье «Либералы и свобода союзов» Ленин снова противопоставляет последовательный демократизм Добролюбова и Чернышевского реформизму либералов: «Подобное положение было при отмене крепостного права. Последовательные демократы Добролюбов и Чернышевский справедливо высмеивали либералов за реформизм, в подкладке которого было всегда стремление укоротить активность масс и отстоять кусочек привилегий помещиков, вроде выкупа и так далее»⁴.

В последнем высказывании Ленина интересно отметить, что Добролюбов и Чернышевский противопоставляются либералам, стремившимся понизить активность масс, тогда как первые горой стояли за всемерное развертывание ее активности.

Революционная последовательность Добролюбова и Чернышевского рельефно выделяется не только по сравнению с предательским поведением либеральной русской буржуазии, но даже и в левом революционном лагере шестидесятых годов. Ленин относил Герцена к предшественникам русской социал-демократии, но в то же время подчеркивал, что «Чернышевский, Добролюбов, Серно-Соловьевич, представлявшие новое поколение революционеров-разночинцев, были тысячу раз правы, когда упрекали Герцена за эти отступления от демократизма к либерализму»⁵.

Отмеченная Лениным позиция Добролюбова по отношению к Герцену лишней раз рисует нам его прямоту, независимость, последовательность и принципиальность. Герцен относился к числу тех писателей, под влиянием которых складывалось мировоззрение Добролюбова, воспитывавшегося на «Колоколе» и «Полярной звезде»; за Герцена он выдерживал стычки со своими товарищами, он был недоволен даже Чернышевским, когда тот начал критиковать позиции Герцена.

«В первые годы институтской жизни, — рассказывает Лебедев-Полянский в своей книге о Добролюбове, — Добролюбов своим авторитетом избрал Герцена, намереваясь идти по его стопам. Преклонение перед этим великим

⁴ Ленин. Т. XXX, стр. 211.

⁵ Ленин. Т. XV, стр. 467.

эмигрантом сохранилось и дальше, следы его ясны в дневнике 1857 г., с увлечением напролет целую ночь он читает «Полярную звезду» и любит портретом Искандера».

И, тем не менее, когда Герцен выступил против революционного лагеря в классовой борьбе шестидесятых годов, когда он стал фактически поддерживать тактику либералов, Добролюбов несмотря на все свои симпатии к Герцену резко восстал против него и осудил его.

Прочтя статью Герцена «Very dangerous» («Очень опасно»), Добролюбов записал в своем дневнике: «Однако хороши наши передовые люди! Успели уж пришибить в себе чутье, которым прежде чуяли призыв к революции, где бы он ни слышался и в каких бы формах ни являлся. Теперь уже у них на уме мирный прогресс при инициативе сверху, под покровительством законности... Я лично не очень убит наблюдением Герцена, с которым могу померяться, если на то пойдет».

Ленин защищал память Добролюбова от ликвидаторов, пытавшихся зачислить его «по своему ведомству». Он презрительно писал о Неведомских «с их новым «пересмотром» идей Добролюбова задом наперед, от демократизма к либерализму...»¹.

Авторитет революционной последовательности Добролюбова стоял в глазах Ленина так высоко, что он использовал его не только против либералов или либеральных шатаний Герцена, он противопоставляет Добролюбова меньшевикам, социал-оппортунистам в России и в Европе. Презрительный отзыв Ленина о жалких потугах Неведомского в отношении Добролюбова не случаен. Различие во взглядах Добролюбова и либералов Ленин сопоставлял с политической противоположностью русского и международного меньшевизма и революционного марксизма-большевизма. Так, в статье «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический» Ленин говорил: «...даже в крепостной России Добролюбов и Чернышевский умели говорить правду то молчанием о манифесте 19 февраля 1861 г., то высмеиванием и шельмованием тогдашних либера-

лов, говоривших точь в точь такие речи, как Турати и Каутский»².

В «Очередных задачах советской власти» Ленин снова возвращается к этому сопоставлению и пишет: «Современным «социал-демократам», оттенка Шейдемана или, что почти одно и то же, Мартова, так же претят Советы, их так же тянет к благопристойному буржуазному парламенту, или к Учредительному собранию, как Тургенева 60 лет тому назад тянуло к умеренной монархической и дворянской конституции, как ему претил мужицкий демократизм Добролюбова и Чернышевского»³.

В этих высказываниях Ленина четко определяется роль Добролюбова в истории классовой борьбы в России. По всей сумме своих воззрений Добролюбов являлся предшественником революционной социал-демократии. Наследство Добролюбова — наше наследство, имя Добролюбова — одно из тех имен, которые создают национальную гордость великороссов. Попытки либералов, меньшевиков, оппортунистов украсить именем Добролюбова свои оскверненные изменами знамена не выдерживают никакой критики.

Деятельность Добролюбова стоит у истоков того, что Ленин назвал пролетарско-крестьянской революцией в России. Добролюбов и Чернышевский принадлежали к тем, по выражению Ленина, крайне немногочисленным революционерам шестидесятых годов, которые стояли во главе поднимавшегося к революционному протесту крестьянства и социализм которых ничего общего не имел с реакционной утопической фразеологией народничества и их тактикой заговорщичества.

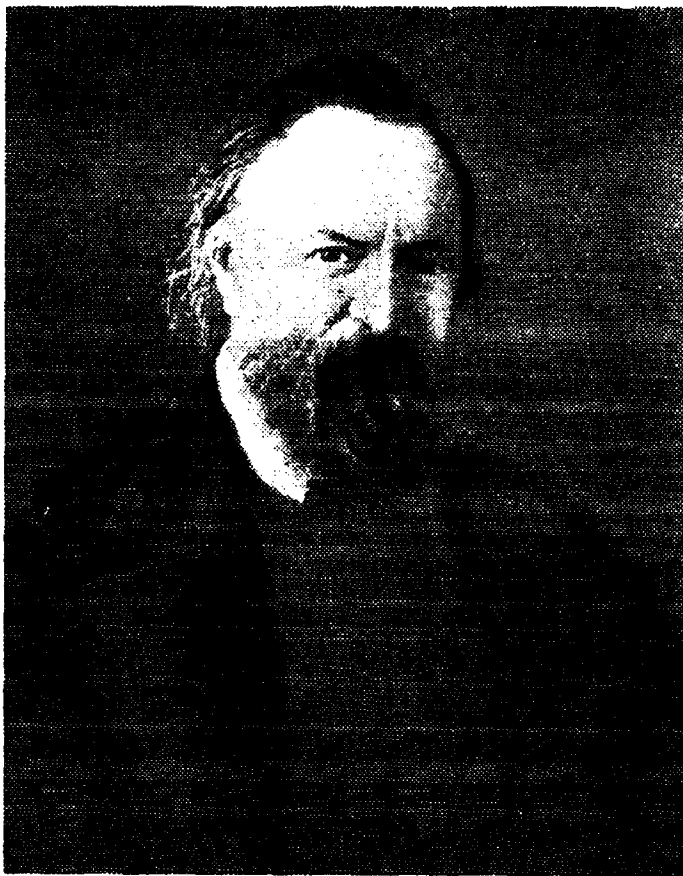
Социализм Добролюбова, вождя крестьянской революции, демократа, плебея, был показателем того, что пролетариат и его партия имели возможность возглавить борьбу революционного крестьянства и повести его не только против царя и помещиков, но и против капитализма — к социалистическому строю.

Делу демократии и социализма посвятил Добролюбов всю свою жизнь; несмотря на краткость своего револю-

¹ Ленин. Т. XV, стр. 459.

² Ленин. Т. XIX, стр. 371.

³ Ленин. Т. XXII, стр. 466—467.

А. И. Герцен.

ционного опыта он не поддавался соблазнам разрядить революционный протест в каком-нибудь внешне эффективном, но незначительном по результатам проявлении. Он звал своих друзей на труд и битву, он звал их сплотиться на почве упорной, последовательной принципиальной работы по воспитанию революционных чувств народа.

«В России нет условий для революционной деятельности, — говорил Добролюбов своим друзьям, — но мы должны создать эту деятельность; к созданию ее должны быть направлены все силы, сколько их ни есть в натуре нашей»¹. Это положение он делал критерием всех своих личных взаимоотношений с людьми. Другом для него мог быть только тот, кто следовал вместе с ним по тернистой дороге начинателей организованной революционной борьбы народа против самодержавия.

Он писал в одном из своих стихотворений:

«Я ваш, друзья,—хочу быть вашим,
На труд, на битву я готов,—
Лишь бы начать в союзе нашем
Живое дело вместо слов;
Но если нет,—мое презренье

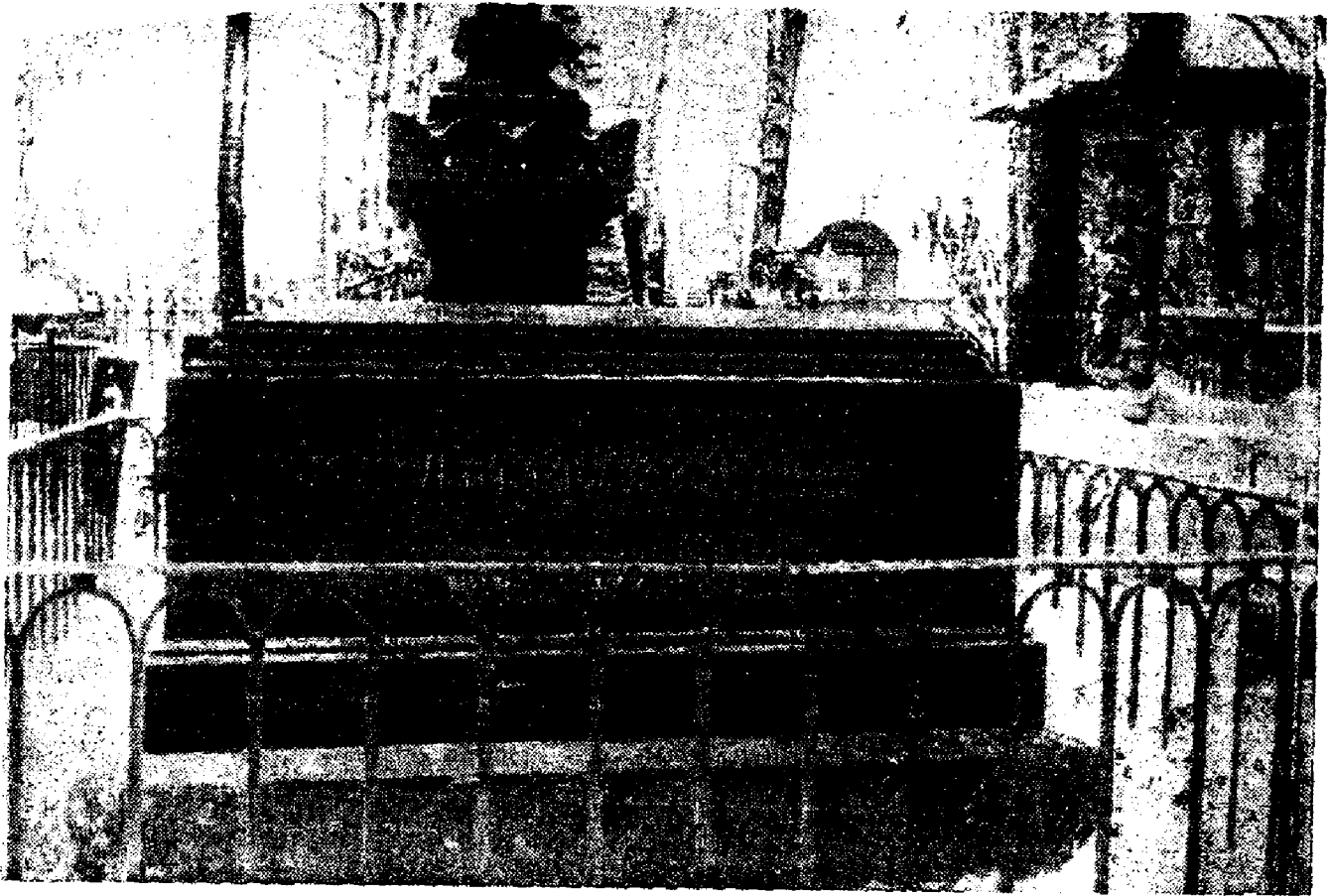
¹ Материалы к биографии Добролюбова, стр. 436.

Меня далеко оттолкнет
От тех кружков, где словопренье
Опять права свои возьмет.
И сгибну ль я в тоске безумной,
Все лучше, чем заняться шумной,
Надменно праздною болтовней.
Но знаю я: работа наша
Уж пилигримов новых ждет,
И не минет святая чаша
Всех, кто ее не оттолкнет».

Мечтам Добролюбова не суждено было осуществиться для него лично. Но мы, которые победили уже сегодня на шестой части земного шара, мы, живущие в свободной, социалистической республике, в дни своих побед и дни своих радостей не можем не вспомнить с благодарностью Николая Александровича Добролюбова, много десятилетий назад всю свою жизнь отдавшего делу освобождения трудящихся и эксплуатируемых.

Самые смелые мечты Добролюбова были осуществлены уже в другую эпоху рабочим классом под руководством партии, вооруженной передовой теорией, теорией, свободной от недостатков, свойственных еще мировоззрению Чернышевского и Добролюбова.

Демократ и социалист, Добролюбов формулировал идеал своей деятельности простыми, для всех доступными словами: «чтобы всем было хорошо». В конце концов, и мы, вслед за Добролюбовым, можем этими понятными и ребенку словами формулировать задачи нашей сложной, длительной и трудной борьбы. Только идеал всеобщего счастья носил у Добролюбова еще утопический характер, а революционная борьба пролетариата за освобождение угнетенного человечества опирается на закономерности, открытые марксизмом-ленинизмом. Рабочий класс, освобождая себя, освобождает вместе с собой всех угнетенных и эксплуатируемых. Лишь пролетарская революция приводит к окончательному утверждению строя, в котором нет эксплуатации человека человеком. Добролюбов не знал еще полностью, как нужно бороться, «чтобы всем было хорошо», мы же знаем, как надо действовать, чтобы творческая жизнь, основанная на материальном и культурном благосостоянии, стала обыч-

Могила Н. А. Добролюбова.

ной нормой человеческого существования.

Наша страна, руководимая великим Сталиным, сегодня подошла вплотную к осуществлению этой цели.

«Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее»,—сказал товарищ Сталин на Первом всесоюзном совещании стахановцев. Эти простые, но многозначительные слова встретила живым откликом вся страна, вся наша великая многонациональная родина. Все народы Советского союза увидели в них осуществление своих вековых чаяний. Впитав в себя революционные традиции прошлого, наша социалистическая родина осуществила то, о чем допролетарские революционеры едва смели мечтать.

В словах Добролюбова звучит страстная надежда на то, что когда-нибудь наступит светлый день для человечества, освобожденного от угнетателей и эксплуататоров. В словах товарища Сталина звучит уверенность, ирающая на всю мощь Советской страны, что этот светлый день уже тупил сегодня для одной шестой ти земного шара.

епобедимое знамя Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина — за-

лог того, что социалистическая революция победит во всем мире.

Сопоставление сегодняшней советской действительности с мечтами и чаяниями лучших людей прошлого, таких людей, как Добролюбов, имеет огромное культурное и политическое значение. То, за что боролись лучшие выразители интересов трудящихся в прошлом, осуществлено в нашей социалистической стране. Взгляд в тяжелое прошлое, в минувшие века нищеты и рабства, история борьбы, приведшей к установлению советской власти, делают еще более ценными и дорогими для нас наши победы. Это сопоставление еще больше увеличивает энергию нашей борьбы, еще более крепит нашу решимость со стальной беспощадностью расправиться со всеми внутренними и внешними врагами, которые осмелились бы посягнуть на завоеванный нами строй всеобщего счастья.

В этом смысл юбилея Добролюбова. Наследие Добролюбова, традиции его революционной и социалистической критики в руках сыновей и дочерей социалистической родины еще и сегодня служат делу освобождения и счастья трудящихся.

М. Лурье

ЛИКВИДАЦИЯ КОНТРЕВОЛЮЦИОННОГО КРОНШТАДТСКОГО МЯТЕЖА

1

После того как к весне 1921 г. были окончательно разбиты белогвардейские армии Колчака, Деникина, Юденича и Врангеля, поддержанные всей мировой буржуазией, страна советов впервые получила реальную возможность перейти к прочному и длительному хозяйственному строительству.

Экономическое положение советских республик в результате империалистической и гражданской войн было чрезвычайно тяжелым: упадок промышленности и сельского хозяйства сопровождался почти полной дезорганизацией транспорта — все это усиливалось продовольственным и топливным кризисом.

Трудности, связанные с демобилизацией армии, еще более обострили общее положение в стране.

После того как победа в гражданской войне устранила непосредственную угрозу помещичье-буржуазной реставрации, перед лицом которой крестьянство соглашалось нести все тяготы, которые возлагались на него политикой военного коммунизма, крестьянство стало активно выражать свое недовольство prodразверсткой.

«Крестьянство должно было спасти государство, — говорил Ленин на Всероссийском съезде транспортных работников в марте 1921 г., — пойти на разверстку без вознаграждения, но оно уже не может выдерживать такого

напряжения, и потому в нем растерянность духа, колебания, шатание, и это учитывает враг-капиталист, который говорит: лишь бы колебнуть, шатнуть, а потом уж покатиться»¹.

Создавалась угроза союзу пролетариата и крестьянства. Одним из показателей серьезности этой угрозы было кронштадтское восстание, организованное меньшевиками и эсерами, за спиной которых стояли заграничные белогвардейцы.

Это восстание шло под лозунгом «Советы без коммунистов» и было попыткой помещичье-буржуазной контрреволюции использовать недовольство крестьянства и деклассировавшейся части рабочих для свержения советской власти. В нем проявилась мелкобуржуазная контрреволюция, которая, как говорил Ленин, «несомненно, более опасна, чем Деникин, Юденич и Колчак вместе взятые»².

Партия мобилизовала свои лучшие силы для решительного подавления этой контрреволюции, но в то же время она в связи с новой обстановкой проделала исторический поворот, перейдя к новой экономической политике.

За годы гражданской войны происходило быстрое обескровливание революционного Кронштадта. Вместо ушедших на фронты гражданской войны матросов-революционеров Балтийский флот получал в большинстве кулацкую анархо-меньшевистско-эсеровскую массу, враждебную советской власти.

По вине тогдашнего наркомвоена Троцкого в отношении комплектования Балтийского флота личным составом было допущено прямое нарушение классового принципа в создании вооруженных сил республики.

Кронштадтские матросы весны 1921 года — это совершенно иной социальный тип чем старые кронштадтцы, отдававшие свою жизнь на полях Украины, Белоруссии, Польши ради победы пролетарской диктатуры.

¹ Ленин. Т. XXVI, стр. 293.

² Там же, стр. 214.

В. И. Ленин и К. Е. Ворошилов в группе делегатов X съезда РКП(б), участников подавления кронштадтского мятежа.

Комиссар штаба всех морских сил республики тов. Автухов, подводя итоги рассмотрения личного состава флота в 1918—1921 гг., писал¹: «Разложению способствовали наплывы во флот непригодного элемента, который включал в себя, во-первых, добровольцев, т. е. молодых людей, одетых «в форму моряка», ничего общего не имеющих с морем и никогда не видевших в глаза даже Финского залива, не хотевших учиться работать и ходить в наряды по службе; во-вторых, — негодный для Красной армии элемент, переданный из нее для службы в Красный флот (из них большинство были дезертиры и ни разу не бывавшие на фронтах гражданской войны); в-третьих, — новобранцев, взятых из местностей юга, где орудовали банды Махно и другие, никогда не служивших в Красной армии и активных противников советской власти. Вот 3 категории наносного, случайного элемента, бывшего

во флоте до фильтрации 1921 года».

Большевистская партийная организация Кронштадта была не на высоте. Рабочая прослойка в ней достигала лишь 40%. Большинство партийной организации составляли крестьяне. По своему партийному стажу организация была очень молодая. Из 635 членов РКП(б) (гражданской организации) с дореволюционным стажем было всего лишь 3 человека; большинство же вступило в партию в партийную неделю (449 человек).

Партийная организация не была мобилизована для поднятия политикоморального состояния частей флота.

Командование Балтийского флота (Ф. Раскольников и Батис) было больше занято фракционной, подрывной работой против партии, защищая в «профсоюзной дискуссии» антиленинскую платформу троцкистов, чем действительной работой среди матросской массы.

Вот как описывает корреспондент «Красного Балтийского флота» партийную жизнь во флоте в канун мя-

¹ «Красный флот» № 9 за 1922 год.

тежа: «Собрания коллективов проходят вяло, без всякого интереса со стороны партийной массы. Доклады по всем вопросам: о поднятии сельского хозяйства, возрождении промышленности и т. д. — не вызывают ни вопросов, ни горячих споров и дискуссий. Демобилизация армии, возможность уйти домой — вот о чем говорят...

Тяга к дому очень сильна не только среди беспартийных, но и среди коммунистов. Опасение, как бы их не задержали, заставляет коммунистов подавать заявления о выходе из партии. Прироста членов в коллективах нет, а наоборот»¹.

Крайне слабо была поставлена также советская и профсоюзная работа. Большевики и эсеры чувствовали себя в Кронштадте довольно свободно. Против начатой ими митинговой кампании в конце февраля 1921 г. командование Балтийского флота никаких мер не принимало.

Тогдашнее партийное и советское руководство Петрограда (Зиновьев, Евдокимов и др.) также ничего не делало для предотвращения начавшегося брожения в матросских массах. Оно посылало в Москву весьма успокоительные сообщения даже тогда, когда мятеж уже фактически был налицо.

Все это расценивалось анархо-меньшевистско-эсеровской матросской массой как бессилие советской власти. Поведение ее с каждым днем становилось все более наглым: она начала открыто готовить восстание.

2

28 февраля на «Петропавловске» состоялось собрание матросов, созванное и руководимое эсерами. На этом собрании была принята известная контрреволюционная резолюция, ставшая затем официальной программой мятежников. К принятой резолюции сразу же присоединились матросы «Севастополя».

В Кронштадте уже фактически действовала новая власть — контрреволюционный «ревком», хотя формально он был образован позже.

1 марта на Якорной площади был созван общегородской митинг, на ко-

гором присутствовало около 15 тыс. человек. Выступившие первыми Михаил Иванович Калинин и комиссар Балтийского флота Кузьмин были еще встречены музыкой и овациями. Это свидетельствовало о том, что не вся масса была настроена враждебно в отношении советской власти.

После Калинина и Кузьмина начали выступать один за другим «делегаты» с информацией о положении дел в Петрограде. Под «делегатами» скрывались эсеры.

Когда они демагогическими речами добились перелома в настроении массы, главари мятежа предложили собранию ту же контрреволюционную резолюцию, которая до этого была принята на линкорах «Петропавловск» и «Севастополь». Против нее голосовали лишь Калинин, Кузьмин, Васильев (председатель совета) и еще несколько человек.

Здесь же, на митинге, было принято решение о созыве 2 марта делегатского собрания рабочих и матросов Кронштадта для разработки порядка пере выборов совета.

В этот же день главари мятежа расставили свой караул у Петроградских ворот — главного выезда из Кронштадта в Ораниенбаум. Калинин при проезде через ворота был задержан и лишь благодаря категорическому требованию комиссара крепости и недовольству отдельных групп матросов выпущен из крепости.

Вся ночь на 2 марта и все утро этого дня были использованы мятежниками для закрепления своих «побед». На судовых собраниях по выбору представителей на делегатское собрание уже открыто начали выступать белогвардейцы из командного состава флота.

В 1 час дня 2 марта в инженерном училище собрались делегаты с кораблей; их было около 300 человек. В президиум не попал ни один коммунист. Больше того, тут же, на собрании, были произведены аресты коммунистов: Кузьмина, Васильева и Коршунова (комиссар штаба бригады линкоров) — и оформлен контрреволюционный ревком во главе с Петриченко, состоявший в большинстве из меньшевиков и эсеров.

Мятежному ревкому удалось арестовать значительное количество чле-

¹ «Красный Балтийский флот» № 8 от 22 января 1921 года.

нов РКП(б) кронштадтской организации, оставшихся верными большевистской партии.

По поводу программы мятежников Владимир Ильич в те дни писал: «Вполне оформленного, ясного, определенного очень мало. Туманные лозунги «свободы», «свободы торговли», «раскрепощения», «советов без большевиков», или перевыбора Советов, или избавления от «партийной диктатуры» и так далее и тому подобное»¹.

Основным требованием, которое выдвигали мятежники, был лозунг «Советы без коммунистов». Этот лозунг был поддержан всей российской контрреволюцией, рассуждавшей примерно так: «...давайте поддерживать кого угодно, даже анархистов, какую угодно Советскую власть, лишь бы свергнуть большевиков, лишь бы осуществить передвижку власти! Все равно, вправо или влево, к меньшевикам или к анархистам, лишь бы передвижку власти от большевиков; а остальное,—а остальное «мы», Милуковы, «мы», капиталисты и поме-

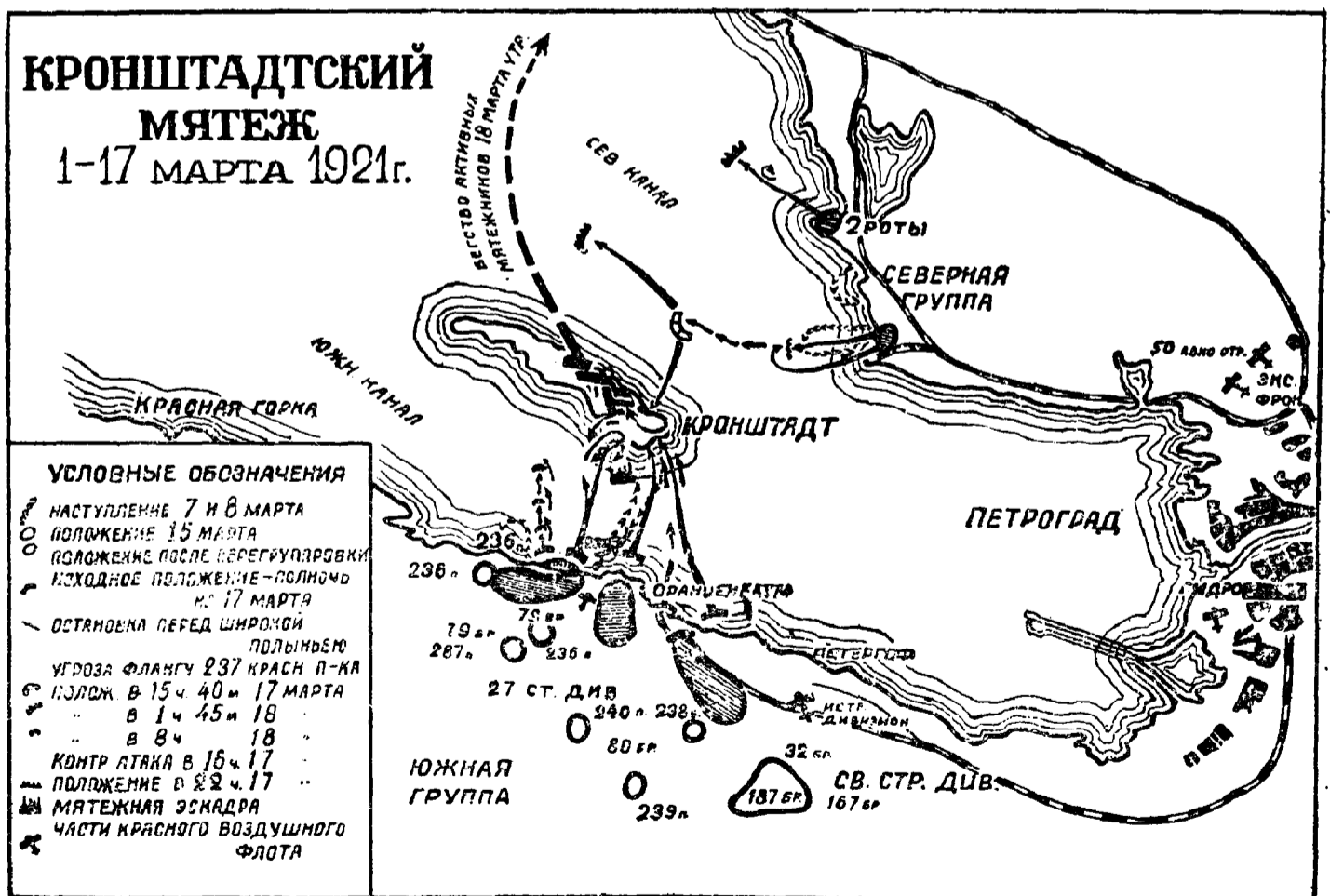
щики, «сами» сделаем, анархистиков, Черновых, Мартовых мы шлепками прогоним, как делали в Сибири по отношению к Чернову и Майскому, как делали в Венгрии по отношению к венгерским Черновым и Мартовым, как делали в Германии по отношению к Каутскому, в Вене по отношению к Фр. Адлерам и К^о»².

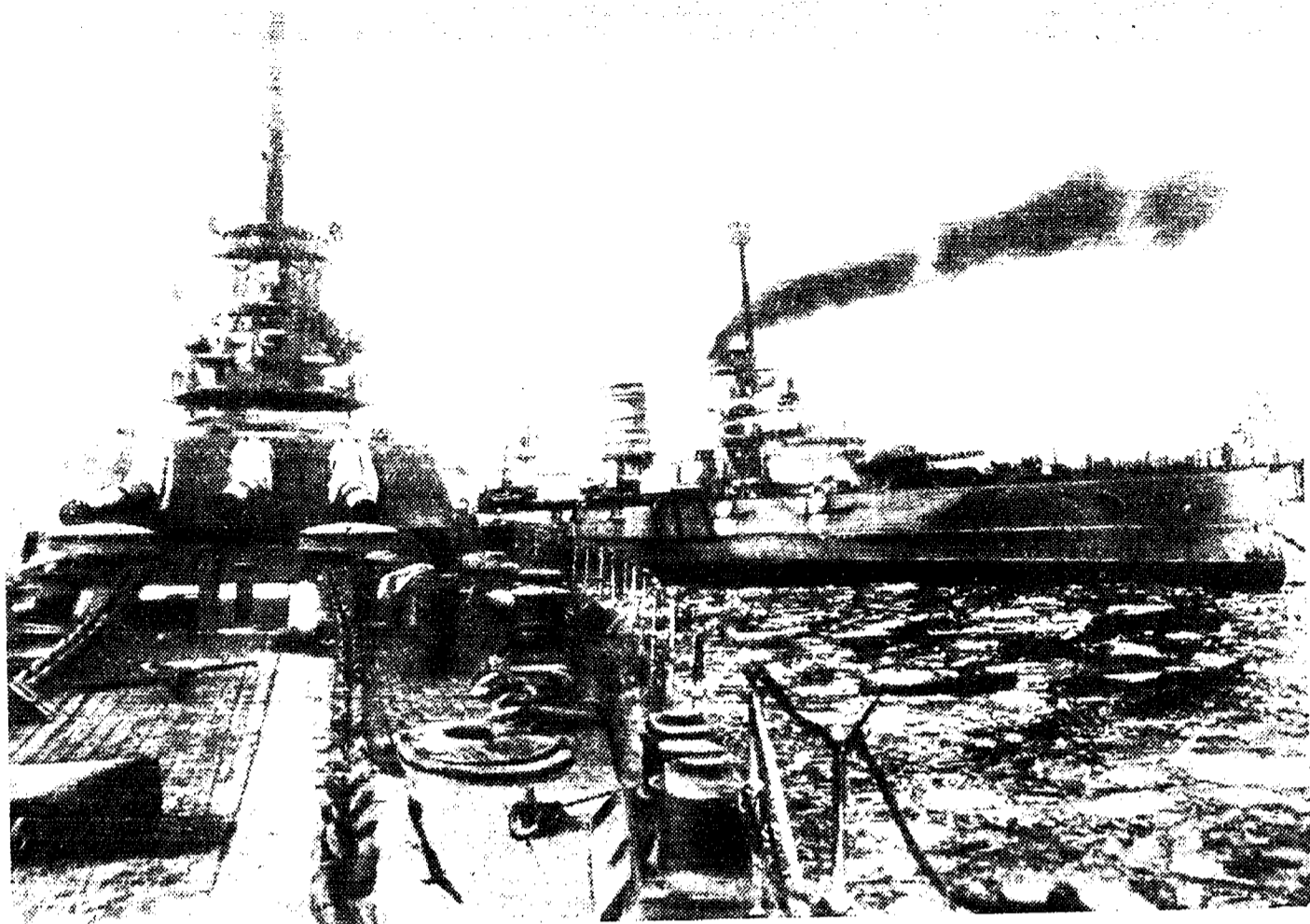
Таким образом, буржуазия, поддерживая Кронштадт, создавала не царство мелкой буржуазии, а через мелкую буржуазию, при помощи ее вождей творила дело своего класса, подготавливая буржуазную диктатуру. Так называемый Военный совет, ведавший всей работой по обороне, был целиком в руках генерала Козловского, капитана Соловьянова, подполковника генерального штаба Арканникова, капитана Бурксера и других защитников интересов крупной буржуазии.

На состоявшемся 3 марта на «Петропавловске» заседании Военного совета был разработан план обороны Кронштадта, причем генерал Козловский предлагал начать немедленное наступление на Петроград, высадив

¹ Ленин. Т. XXVI, стр. 345.

² Там же, стр. 346.

«Петропавловск» — штаб кронштадтских мятежников.

два десанта—на южный и северный берега Финского залива.

Однако это предложение мятежным ревкомом не было принято. Здесь сказался антагонизм между офицерской и матросской массой Кронштадта.

3

Меньшевики и эсеры руководили всей работой по организации мятежа. Они вошли в состав контрреволюционного ревкома, сотрудничали в «Известиях Кронштадтского военно-революционного комитета», и являлись посредниками между мятежниками и русской белогвардейской эмиграцией.

2 марта—в первый день мятежа—петроградские меньшевики писали в листовке:

«Кронштадтцы требуют помощи. Наш долг помочь им. Долг организоваться для решительной борьбы... Преступник тот, кто будет стрелять в восставший народ. Оружие должно быть обращено против коммунистического правительства».

Для организации борьбы против пролетарской диктатуры они создали так называемый «блок социалистических партий», который объединил

остатки разбитых революцией предательских партий.

«Блок социалистических партий» вошел в «тактическое соглашение» с монархической организацией «петроградская боевая организация», во главе которой стоял профессор В. Н. Таганцев. Эта махровая монархическая организация была связана с международной контрреволюцией и выполняла шпионские задания генеральных штабов европейских государств. Для борьбы против пролетарской диктатуры объединились таким образом все силы контрреволюции.

Из-за границы на помощь мятежникам спешили «вожди» меньшевиков и эсеров, выброшенные из Советской страны Великой пролетарской революцией.

Зензинов в письме к Роговскому (оба — видные эсеры, члены административного центра) от 8 марта 1921 г. из Праги в Париж писал:

«Если бы вообще у нас были солидные кредиты, мы могли бы через центрокомиссию немедленно отправить в Ревель прямым рейсом сколько угодно сахара, еще 50 вагонов муки, мануфактуры, обувь... одна беда — нужны деньги, нужны гарантии.

Нам здесь кажется, что за это дело должен вплотную взяться Олег¹ в Париже (с официальными кругами и с русскими толстосумами)².

Меньшевики и эсеры не только организовывали помощь мятежникам, но и занимались сколачиванием анти-советского военного блока. Видный эсер, член административного центра Брушвит, объезжавший в это время с этой целью Балтику, в своем докладе от 12 марта 1921 г. писал:

«В Финляндии я встретил доброжелательное отношение со стороны властей. Для характеристики скажу, что, когда возник вопрос о моем экстренном отъезде в Ревель, то в мое распоряжение были предоставлены все средства передвижения, начиная от правительственного ледокола и кончая аэропланом...

В Латвии мне пришлось задержаться немного дольше, чем я предполагал, потому, что министр иностранных дел Мееровиц находился за границей и вернулся только во второй половине февраля... В краткой и общей форме я с ним поговорил, и мы пришли к полному принципиальному соглашению по всем вопросам, которые мне были поручены. Очень долго и подробно говорил с Гольдманом, который занимает пост министра народной обороны. Сочувствие и симпатия полнейшие»³.

Меньшевики и эсеры были не только связаны со шпионскими организациями, но и сами занимались шпионажем. Особый отдел эсеровского административного центра выработал «Проект плана действий на северо-западном фронте», который в числе других содержит следующие пункты: «1) Выяснить дислокацию Красной армии в районах намечавшихся боевых операций; 2) Выяснить место интендантских и иных военных складов; 3) Выяснить организацию Красной армии: а) названия полков и высших единиц, б) состав войсковых частей, в) фамилии командиров и комиссаров, г) количество артиллерии и ее роль, д) настроение войск; 4) Вы-

¹ Олег — Керенский.

² «Работа эсеров за границей. По материалам Парижского архива эсеров», стр. 63. Москва. Гиз. 1922.

³ Там же, стр. 20.

Тов. М. Н. Тухачевский.

яснить работоспособность железных дорог: а) количество поездов, пропускаемых ежедневно, б) есть ли недостаток топлива, в) имеется ли достаточное количество служащих»⁴.

Эти шпионские сведения через эсеровские организации шли в повстанческие штабы русской белогвардейщины.

Кронштадту оказали немедленную помощь русские толстосумы — Денисов, Нобель через своих агентов и т. д.

Милюковские «Последние новости» сообщали:

«... торгово-промышленным союзом отправлены срочные телеграфные запросы в Гельсингфорс, Выборг и Ревель с просьбой сообщить детали о положении в Кронштадте, способах сношения с Кронштадтом и Петроградом и указать наиболее быстрые нужды восставших.

Вчера было передано несколько сот тысяч франков в Выборг для снаряжения транспортов с хлебом, которые

⁴ А. Платонов «Страничка из эсеровской контрреволюции», стр. 41. Изд. «Красная новь». 1923.

будут немедленно отправлены в Кронштадт»¹.

Ряд европейских государств оказывал помощь мятежникам, стыдливо прикрываясь маской «Красного креста».

Та же милюковская газетка сообщала:

«Американский красный крест принял решение поддержать восставших. Послана телеграмма в Выборг о передаче в распоряжение революционеров (!!) находящиеся на складах 4 тыс. тонн муки, запасов консервированного молока, консервов и пр.»².

Белогвардейская пресса с присущими ей наглостью и цинизмом распространяла по всему миру заведомую ложь о падении советской власти:

«Псков объявил себя независимым от московского правительства. Псковский революционный комитет предлагает помощь Кронштадту...»³.

Или другая телеграмма — «От нашего рижского корреспондента»:

«Сейчас здесь получены сведения, что кронштадтскими матросами арестованы петроградский исполнительный комитет и ряд видных коммунистов и что власть в столице перешла в руки революционного комитета моряков»⁴.

Роль меньшевиков и эсеров, организаторов кронштадтского мятежа, заключалась лишь в том, чтобы послужить мостиком «к всевластью буржуазии» (Ленин). Их главной задачей было помочь «колеблющейся мелко-буржуазной стихии отшатнуться от большевиков» (Ленин) и тем самым совершить первую передвижку власти от большевиков. Дальше за дело взялась бы сама российская буржуазия.

4

2 марта 1921 г. за подписью Владимира Ильича Ленина было опубликовано постановление Совета труда и обороны:

«1) Бывшего генерала Козловского и его сподвижников объявить вне закона.

¹ «Последние новости» № 270 от 8 марта 1921 года.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

2) Город Петроград и Петроградскую губернию объявить на осадном положении.

3) Всю полноту власти в Петроградском укрепленном районе передать Комитету обороны Петрограда.

Председатель Совета труда и обороны В. Ульянов (Ленин)»⁵.

Весть о кронштадтском мятеже и постановление Совета труда и обороны с быстротой молнии мобилизовали революционных питерских пролетариев на борьбу. Немедленно было покончено с «волыночным» движением, которое имело место на отдельных предприятиях Петрограда, где более отсталые слои пролетариата колебались в сторону меньшевиков и социал-революционеров.

Тысячи петроградских пролетариев и большевиков требовали немедленной организации борьбы с мятежниками. Кронштадт — ключ к Петрограду, Кронштадт — форпост Петрограда — в руках белогвардейцев представлял огромную опасность для всей Страны советов. Нужны были самые решительные меры.

Это понимали революционные пролетарии Петрограда. Но этого не хотелось понимать тогдашнее партийное и советское руководство Петрограда (Зиновьев, Евдокимов и др.), проводившее преступную выжидательную политику.

В течение первых дней мятежа оно занималось лишь переговорами с кронштадтцами, посылкой делегаций и тому подобными «мероприятиями», давая этим самым возможность мятежникам организовать свои силы.

Еще 5 марта в разговоре по прямому проводу с начальником Краснофлотского форта тов. Сладковым Г. Зиновьев дает ему директиву: «Насчет делегации ответить согласием».

В день категорического ультиматума правительства с требованием к мятежникам сдать Кронштадт и за два дня до первого его штурма дается директива о продолжении переговоров и посылке делегации. Эта директива не только давала возможность мятежникам организовать свои силы, но и укрепляла их уверенность

⁵ «Петроградская правда» № 47 от 3 марта 1921 года.

Штаб северной группы заградительных отрядов Красной армии.

в слабости красных войск и в своем могуществе и недоступности.

В то же время петроградское руководство преуменьшило силы противника. Оторванное от масс оно не понимало тех изменений, которые произошли в Балтийском флоте, не знало о настроении матросов.

4 марта в своем обращении «Ко всем честным бойцам, защищающим Красный Петроград», Комитет обороны писал: «При дружном натиске мятежники сдадутся через несколько часов»¹.

При такой оценке, конечно, нечего было мобилизовывать людей на борьбу.

К чести большевистской партийной организации и революционных питерских пролетариев, они правильно оценили положение и требовали немедленной организации борьбы с мятежниками. И действительно, то, что было сделано в эти дни для борьбы с мятежниками, было сделано революционными питерскими пролетариями и

большевистской партийной организацией помимо зиновьевского руководства.

5 марта была восстановлена 7-я Красная армия и врид командующим назначен тов. Тухачевский с оставлением его в должности командзапа.

Тов. Тухачевскому были подчинены все войска Петроградского округа, командующий округом и Балтийским флотом.

Командующим Балтийским флотом был назначен тов. Кожанов.

В тот же день был предъявлен Кронштадту ультиматум о сдаче.

Вместе с тем красное командование начало готовиться к штурму. Были созданы северный (сестрорецкий) и южный (ораниенбаумский) боевые участки. Основной удар со стороны южной группы должны были нанести полк особого назначения и 561-й стрелковый полк, со стороны северной группы — сводный курсантский полк.

7 марта командарм 7 тов. Тухачевский отдал боевой приказ о штурме Кронштадта.

В 18 часов 7 марта при чрезвычай-

¹ «Петроградская правда» № 48 от 4 марта 1921 года.

но неблагоприятной погоде началась артиллерийская подготовка штурма.

На рассвете 8 марта красноармейские части вышли на лед и повели атаку на Кронштадт. Противник открыл сильнейший артиллерийский огонь. Красноармейские части понесли большой урон и вынуждены были отступить. Здесь сказались недостаточная подготовленность военной операции. Политико-моральное состояние ряда частей также оказалось не на высоте: были случаи отказа от выхода на лед. Неудача первого штурма показала, что для подобной операции требуются военные части, особо устойчивые в политическом и моральном отношении, что нужно поднять боевой дух фронта.

Соответствующие выводы были сделаны Центральным комитетом большевиков.

10 марта Центральный комитет и президиум партийного съезда получили точные сведения о неудовлетворительном ходе борьбы с мятежниками. И тогда же было решено направить часть делегатов съезда РКП(б) для участия в подавлении кронштадтского мятежа.

340 делегатов X партийного съезда (в том числе и товарищи, присутство-

Преобразился и тыл (если можно это слово применить к Петрограду). Петроградская партийная организация получила в лице делегатов съезда достойное большевистское руководство. По-иному заработали учреждения и предприятия, связанные в той или иной мере с фронтом. Когда, например, потребовалось в течение нескольких часов одеть два полка в белые халаты, а готовых халатов не было, они были сшиты в два часа. Бесперебойно работал продовольственный и снабженческий аппарат. Слова: «нет», «негде достать», «придите завтра» — были вычеркнуты из словооборота. Все требования фронта удовлетворялись немедленно и безотказно.

Старый, революционный Петроград — колыбель Великой социалистической революции, — не раз отбивавший атаки врагов, превратился в военный лагерь.

Петроградская большевистская партийная организация, закаленная в боях, под личным руководством Ленина и Сталина мобилизовала все свои силы для борьбы с врагом.

Вот небольшая сводка о составе коммунистических отрядов особого назначения.

№ № по порядку	Наименование районов	Призвано		Прикомандировано	Ожидаемое пополнение
		коммунистов	комсомольцев		
1	1-й Городской район . .	200	100	40	—
2	2-й " " " " " " . .	90	32	76	473
3	Нарвско-Петергофский .	107	70	100	123
4	Московско-Заставский .	114	60	92	126
5	Василеостровский	300	120	—	180
6	Петроградский	200	100	—	—
7	Выборгский	130	10	—	160
8	Смольнинский	120	80	—	—
9	Володарский	115	—	—	85

вавшие на съезде в качестве гостей) в ночь с 10 на 11 марта выехали в Петроград.

Во главе делегатов съезда Центральным комитетом партии был поставлен Клим Ворошилов. Прибытие делегатов сыграло исключительную роль в подавлении мятежа.

Красноармейские части преобразились. Большая часть делегатов влилась в красноармейские части в качестве рядовых бойцов. Они спаяли красноармейскую массу и вооружили ее железной волей к борьбе и победе.

Но этого было еще не достаточно: в течение недели лихорадочной подготовки второго решительного штурма Кронштадта петроградская большевистская организация трижды производила мобилизацию своих членов для фронта.

Большую работу проделал в те дни питерский комсомол, отдавший фронту лучшие свои силы.

По зову большевистской партии со всей великой Страны советов прибывал отряд за отрядом в красный Пет-

Батарея Красной армии в Ораниенбауме.

роград, чтобы раз навсегда покончить с мятежным Кронштадтом.

Реввоенсовет Западного фронта 14 марта телеграфировал в Комитет обороны:

«Распоряжение о посылке на Петроградский фронт ответственных коммунистов Запфронтом выполнено. Отправилась лучшая борца-революционеры, побывавшие на многих красных фронтах как организаторы и бойцы. Западный фронт отдаёт революционный долг красному Петрограду. Товарищи отправились с единой мыслью возможно скорее достигнуть красной столицы, возможно скорее вновь водрузить над фортами Кронштадта и стальными башнями «Петропавловска» и «Севастополя» наше пролетарское знамя, дерзновенно спущенное грязными руками золотопогонников и их денщиков — левых эсеров»¹.

Из Екатеринослава Семен Буденный телеграфировал Центральному комитету РКП(б):

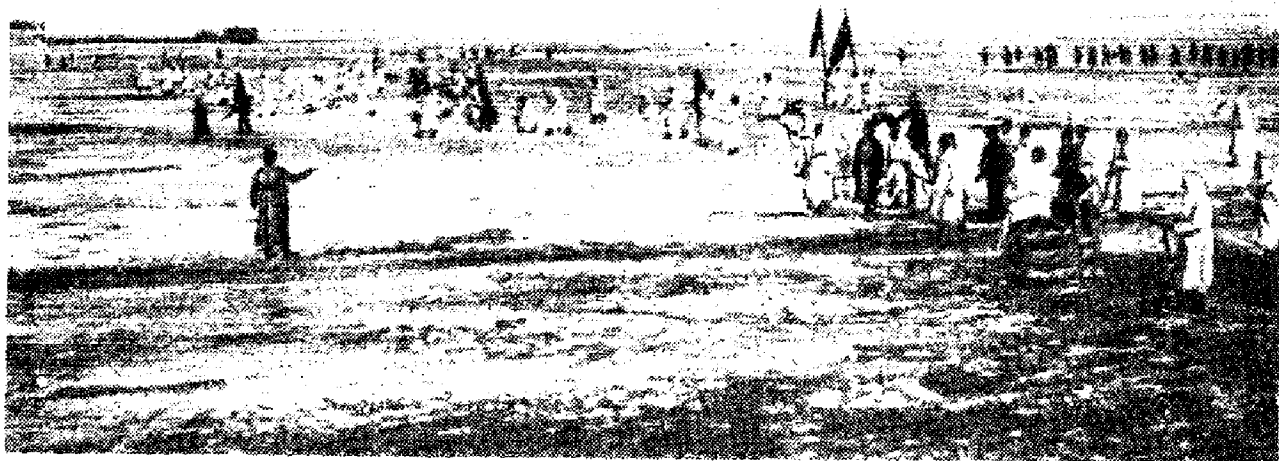
¹ Сб. «Кронштадтский мятеж», стр. 216—217. Лениздат. 1931.

«Шлем петроградцам горячий привет! Твердо верим, что пролетариат жестоко расправится с попыткой наших врагов. Все полки, командиры и комиссары клеймят позором происходящий мятеж в Кронштадте и очень сожалеют, что не могут принять участия в беспощадной борьбе с меньшевистско-эсеровской авантюрой. Буденный»².

Старые моряки Балтики, не раз восстававшие против российского царизма, участники героического штурма Зимнего дворца, в памятные октябрьские дни Великой социалистической революции в своих письмах, полных горечи, гнева и возмущения, писали:

«Какой позор! Из красного, революционного города — стана бунтарей-коммунаров — Кронштадт сделался белым, резиденцией генерала Козловского, очагом контрреволюции. Кровью наших незабвенных товарищей, усеявших фронты трупами и погибших на трех эсминцах, заклиная вас: отступитесь от позорной аван-

² «Полярная правда» № 15 от 19 марта 1921 года.

Штурм Кронштадта. Цепи красноармейцев двигаются по льду.

тюры, пока не поздно! Иначе смерть вам и проклятие пролетариата!»¹.

В Петроград для организации борьбы с мятежниками в качестве начальника сводной дивизии прибыл Павел Дыбенко, старый моряк Балтики, вожак кронштадтских революционных матросов в великом, 1917 году. Он обратился с воззванием «К товарищам старым морякам Кронштадта», в котором напоминал старым бойцам их тяжелую службу при царизме, их славное революционное прошлое и призывал «быть наготове в решительный момент ударить в тыл предателям — клешникам и продажным генеральским шкурам, чтобы ни один из агентов Антанты, втирающих очки несознательной массе новичков, не удрал из обреченного Кронштадта». Воззвание заканчивалось словами: «Товарищи моряки, спасайте честь славного революционного имени балтийцев, олозоренного ныне предателями! Спасайте красный Балтфлот!»

и было подписано:

«Старый моряк «Республики», потом «Петропавловска», ныне начальник дивизии П. Дыбенко»².

Сотни резолюций негодования и возмущения, получаемые со всех кон-

цов страны, письма, статьи и воззвания старых моряков, клеймившие позором изменников и требовавшие беспощадной расправы с ними как с врагами революции, сыграли огромную роль в деле моральной подготовки войск. Бойцы почувствовали, что, штурмуя Кронштадт, они выполняют волю всей страны.

Только за дни с 12 по 18 марта в политотдел южной группы войск прибыли партии мобилизованных коммунистов из Псковской, Олонецкой, Московской, Иваново-Вознесенской, Калужской, Рязанской, Витебской, Вологодской и других губерний.

Насыщенность частей коммунистами и комсомольцами достигала к 15 марта в среднем от 15 до 30%, а в отдельных частях — и до 60—70%.

Таким образом, прибытие на фронт делегатов X партийного съезда, мобилизация коммунистов в большом числе партийных организаций, огромная моральная поддержка всей страны сделали свое дело: красные войска и красный тыл Кронштадтского фронта превратились в мощную, несокрушимую силу. Красноармейские части были не только готовы к бою, но и рвались в бой.

5

¹ «Красный Балтийский флот» № 27 (252) от 8 марта 1921 года.

² Подлинник хранится в Государственном музее революции, в Ленинграде, № 110.

Красным войскам и командованию предстояла небывало трудная задача. Мятежники захватили первоклассную морскую крепость, форты, окру-

Атака Кронштадта красноармейскими частями 17 марта 1921 года.

жавшие ее со всех сторон, и военные суда. Они укрылись за бетон фортов и броню кораблей.

Красноармейским частям предстояло штурмовать крепость, наступая по открытой ледяной поверхности, местами уже покрытой водой вследствие теплой погоды, подвергаясь убийственному огню пулеметов и тяжелой крепостной артиллерии.

15 марта, в 23 часа 45 минут, командующий 7-й армией Тухачевский издал подробно разработанный приказ о наступлении.

16 марта, в 14 часов, началась артиллерийская подготовка штурма. До 18 часов продолжали стрелять легкие и тяжелые батареи южного (Ораниенбаум) и северного (Сестрорецк) берегов Финского залива.

Над Кронштадтом пронеслась красная эскадрилья и сбросила бомбы.

В полночь к берегам Финского залива стали подходить красноармейские части, занимая исходные положения для наступления. Большинство красноармейцев в целях маскировки было одето в белые халаты. Впереди каждой части шли штурмовые отряды, сформированные из добровольцев, были закаленные в боях питерские пролетарии и легендарные красные курсанты. Среди них с винтовками в руках в передовой цепи шли такие сыны партии Ленина—Сталинделегаты X партийного съезда и лизованные военные работники

во главе с Ворошиловым, Бубновым, Затонским, Фабрициусом, Иппо и др.

Под прикрытием густого тумана северной ночи красные цепи вступили на лед.

Наступление велось южной и северной группами красных войск. Главный удар должна была нанести южная группа: 27-я омская стрелковая дивизия под командованием начдива Путна и сводная дивизия под командованием начдива Дыбенко.

К 5 часам утра 17 марта атакующие красные части вошли в соприкосновение со сторожевыми постами мятежников. Завязалась ружейная перестрелка. Заговорили пулеметы мятежников, им вторила тяжелая крепостная артиллерия. Беншено забегали прожекторы, огонь пулеметов и артиллерии освещал поле боя.

«Начался страшный бой, — пишет один из участников боя, М. Рафаил.— Несколько часов под убийственным огнем, под непрерывным грохотом десятков пулеметов и орудий шли цепи вперед без единого выстрела. Место боя было освещено прожекторами. Легкие и тяжелые орудия выбрасывали десятки снарядов. Снаряды падали, взрывая гору льда, и уходили вглубь. Иногда на месте падения такого снаряда вместе с ним вглубь, под лед, уходил кто-нибудь из товарищей; иногда осколки льда причиняли тяжелые раны близстоящим то-

Ген. К. Е. Ворошилов, 1921 год.

варищам. Несмотря на убийственный, непрерывный огонь наши цепи продвигались вперед с большой поспешностью»¹.

К 5—6 часам утра 32-я бригада, поддержанная 95-м и 96-м полками, подошла вплотную к Кронштадту и через старый крепостной вал, севернее Петроградских ворот, ворвалась в город. Левее 32-й бригады вела наступление 187-я бригада во главе с курсантским полком особого назначения (комбриг Федько). Почти одновременно с 32-й бригадой они подошли к Петроградским воротам и после жестокой схватки с мятежниками ворвались в город.

Следовавшие в резерве 167-я и 80-я бригады под сильнейшим артиллерийским огнем тоже ворвались в город. Начался упорный и кровопролитный бой на улицах Кронштадта.

Одновременно левая колонна захватывает южные береговые батареи и форты.

¹ М. Рафаил «Кронштадтский мятеж» (Из дневника политработника), стр. 23. Изд. Пурукркыма. 1921.

Северная группа войск в то же время вела наступление на северные островные форты и береговые батареи.

У форта № 6, сильно укрепленного, произошла особо жестокая схватка между красными войсками и мятежниками.

В результате упорных боев этот форт был взят, и красные войска повели наступление на форты №№ 4 и 5. В 6 часов 30 минут утра 17 марта они были захвачены красноармейскими частями северной группы войск.

В течение всего дня 17 марта происходили бои на улицах Кронштадта.

К 22 часам бои стали затихать.

В 12 часов ночи на 18 марта с «Петропавловска» по радио сообщили, что матросы восстали против офицеров и готовы сдать оружие.

В 4 часа утра 18 марта сложили оружие матросы минной и машинной школ. Контрреволюционный ревком бежал в Финляндию.

В 17 часов дня 18 марта «Петропавловск» и «Севастополь» были заняты красными курсантами.

Приказ партии взять Кронштадт штурмом был блестяще выполнен. Кронштадт вновь стал красным часовым у ворот первого города пролетарской диктатуры.

В боях за Кронштадт погибли сотни лучших сынов социалистической родины. Делегаты X съезда РКП(б): Герасим Фейгин (делегат от Иваново-Вознесенска), В. Н. Калинин (делегат от Донской армии), Г. Г. Смирнов (делегат от 6-й дивизии) и др. — пали смертью храбрых в борьбе за красный Кронштадт.

Беспримерную храбрость проявили красные курсанты. При штурме форта № 6 от одного из батальонов курсантов северной группы осталось в живых лишь 20—25 человек, остальные были убиты, ранены и контужены.

Исключительную роль в организации штурма Кронштадта сыграл Клим Ворошилов. Прибыв на фронт во главе делегатов X партийного съезда, он был назначен комиссаром южной группы войск 7-й армии. Вся тяжесть героического штурма Кронштадта легла на южную группу войск. Ворошилов непосредственно руководил всей работой по подготовке и организации штурма.

Его авторитет и влияние в красноармейских частях, штурмовавших Кронштадт, были непререкаемы. Был случай, когда части 27-й омской дивизии отказались выступить на фронт и были обезоружены. За восстановление боеспособности дивизии взялся сам Ворошилов. Участник ликвидации мятежа рассказывает об этом эпизоде:

«Бойцы решаются просить тов. Ворошилова дать возможность искупить свою вину перед революцией. Тов. Ворошилов идет навстречу бойцам. Полки выстроены около тех же казарм, все с тем же позорным пятном—безоружные. Ждем тов. Ворошилова: он сам будет вручать обратно оружие, он сам скажет нам несколько «теплых слов». Тишина, абсолютная тишина: решается судьба революционной части.

После выступления начальника дивизии Путна, выразившего раскаяние от имени бойцов, говорит тов. Ворошилов. Каждое его слово жжет каленым железом революционные сердца бойцов. Вся сила воли, энергии, веры в победу из уст лучшего пролетария Ворошилова обрушивается на голову испытанных бойцов. Но не успел он еще закончить свою речь, как гулкой широкой волной, преисполненной боевого революционного энтузиазма, раздался мощный призыв: «Даешь Кронштадт!»

Оружие, пролетарское оружие, опять в руках омцев. Они должны доказать свою преданность революции.

Они первыми перешагнули стены Кронштадта»¹.

Во время штурма Кронштадта Ворошилов находился в передовой цепи, среди бойцов 80-й бригады, вместе с ними он вошел в город. В мятежном

¹ С. Рабинович «История гражданской войны», стр. 194—196. Соцэкгиз. 1935.

Кронштадте он сам руководил улицными боями.

А. Седякин пишет о роли Ворошилова в подавлении кронштадтского мятежа:

«В упорных и кровопролитных боях на улицах Кронштадта К. Е. Ворошилов был в первых рядах бойцов и воодушевлял их своим личным примером. Ему пришлось неоднократно вести в бой атакующую пехоту. Мятежники были выбиты из Кронштадта. Кронштадт вновь стал честной советской крепостью. Этой победой над последней и опасной вылазкой контрреволюции советская власть во многом обязана тов. Ворошилову»².

Так, под руководством будущих маршалов Советского союза К. Ворошилова и М. Тухачевского Кронштадт опять стал непобедимой крепостью Великой социалистической революции.

* * *

Кронштадтский мятеж как в капле воды отражал тот общий кризис, который переживала страна при переходе к новой экономической политике. Победа над кронштадтским мятежом была вместе с тем первой победой на путях преодоления огромных трудностей социалистического строительства периода перехода к новой экономической политике.

В дни кронштадтского мятежа вождем народов великий Ленин развернул на X съезде большевистской партии свою гениальную программу социалистического строительства на основе нэпа.

Прошли годы жестокой борьбы под руководством великого Сталина, и партия целиком осуществила гениальный ленинский план: Россия нэповская стала Россией социалистической!

² Цит. по книге С. Орловского «Рабочий вождем Красной армии Климент Ефремович Ворошилов», стр. 32. Партиздат. 1932.

Н. Цапов

КРЫМСКАЯ ВОЙНА

1853—1856 гг.

1

Крымская война 1853—1856 гг. между Россией с одной стороны и Англией, Францией, Турцией и Сардинией—с другой, имела огромное значение не только для России, но и для Западной Европы.

Международное положение России до Крымской войны было иным чем в последующие годы, в особенности в период империализма: в первой половине XIX в., до восточной войны, русский царизм не только не был в зависимости от западноевропейских капиталистов, но претендовал на решающую роль в Европе и совершенно независимую внешнюю политику.

Опираясь на величайшую в Европе сухопутную армию, русское самодержавие вкупе с помещиками и нарождавшейся буржуазией проводило решительную аннексионистско-колониаторскую политику и выступало в роли международного жандарма, душиателя революционных движений не только у себя, но и в других странах.

Поражение в восточной войне, особенно на решающем ее этапе—в Крымской войне, положило конец этому военному могуществу России как первоклассной сухопутной военной державы¹.

Восточная война подточила силы России, ослабила ее реакционное влия-

ние на европейские дела. В этом было ее прогрессивное значение, на которое указывали Маркс и Энгельс.

Основоположники марксизма уделяли Крымской войне большое внимание. Их отношение к войне определялось интересами европейской революции. Использовать столкновение англо-французских капиталистов с крепостнической Россией для развязывания сил европейской революции, ослабить «международного жандарма» — Россию — такова цель революционеров Европы. Поэтому симпатии Маркса и Энгельса в этой войне были на стороне Турции, так как русский царизм был главным врагом европейской революции, контрреволюционной силой, «голова которой в Петербурге, а руки — в каждом кабинете Европы».

Но наряду с этим Маркс и Энгельс вскрывали реакционный характер правительств Англии и Франции, выступивших якобы «на поддержку» Турции, в действительности же стремившихся воспрепятствовать невыгодному для них чрезмерному усилению России. При этом Англия и Франция не шли и не могли идти на полный разгром России, являвшейся главным «оплотом порядка в Европе», тем более в такой момент, когда в Европе вновь нарастала революционная волна. Буржуазные правительства Англии и Франции, конечно, не были той силой, которая способна была последовательно бороться с царской Россией. Сделать это могла только революция на континенте, которой царизм чрезвычайно боялся.

Энгельс писал, что царская Россия боится революции на континенте больше, чем султан нападения царя. «Революция, которая низложит западный Рим, победит также демоническое влияние восточного Рима»².

Поэтому вся предшествующая внешняя политика России, начиная со второй половины царствования Екатерины II, преследовала цель: задушить буржуазную революцию во Франции, которая могла, распространяясь на другие страны, докатиться до России

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. IX, стр. 441.

¹ Ее могущество оказалось дутым: первый же год восточной войны показал, что Россия, самое большое, может быть причислена к второклассным военным державам, да и то под большим сомнением.

и послужить сигналом для крестьянского бунта против помещичье-крепостнического строя.

Расправляясь с революционными восстаниями в Европе, русский царизм никогда не упускал случая для осуществления своих захватнических планов, пользуясь затруднительным положением соседних стран.

Политика николаевской России, как внутренняя, так и внешняя, определялась стремлением помещиков-крепостников сохранить и укрепить свое господство, удержать в своих руках землю и подавлять нарастающее крестьянское движение.

К началу восточной войны обстановка в России была очень напряженная. Крестьянство бурлило и стихийно поднималось на борьбу против крепостнического гнета. Нарождающаяся промышленная буржуазия была недовольна крепостническими отношениями, которые связывали ее деятельность: ей нужны были новые рынки сбыта. Новых колоний и расширения рынков сбыта требовали и помещики в связи с ростом товарности сельского хозяйства. Промышленный переворот в Европе и рост промышленности внутри России расширяли как внутренний, так и внешний рынок для сельскохозяйственных продуктов и, в первую очередь, для продуктов крепостнических имений. Наряду с производством хлеба растет производство сельскохозяйственного сырья, растет товарность сельского хозяйства и вывоз его продукции за границу. В Европу из России идет сельскохозяйственное сырье и хлеб, в Азию — продукты обрабатывающей промышленности: текстиль, кожи, железные изделия и т. п. Все больше расширяются связи помещиков и промышленного капитала с внешними рынками: так, вывоз хлеба за границу составлял в 1851 г. — 5137 тыс. четвертей, в 1859 г. — 10600 тыс. четвертей.

Для продуктов обрабатывающей промышленности, особенно для продуктов легкой индустрии, главным рынком сбыта являлась передняя Азия и Персия. Вывоз в эти страны рос с каждым годом: так, на Кяхтинском рынке было реализовано русского сукна в 1826—1830 гг. на 246700 руб. серебром, в 1836—1840 гг. — на

933900 руб. серебром, в 1846—1850 гг. — на 2939000 руб. серебром. Всего на азиатском рынке реализовано сукна: в 1820—1821 гг. 105000 аршин, в 1851—1853 гг. — 1429963 аршина; бумажной ткани: в 1820—1821 гг. реализовано 30369 аршин, а в 1851—1855 гг. — 2615518 аршин.

Как видим, стремления помещиков, промышленной буржуазии и торгового капитала к завоеванию новых рынков, колоний и торговых путей имело под собой очень реальную экономическую почву.

Самодержавие шло навстречу этим стремлениям помещиков и буржуазии, надеясь внешними завоеваниями укрепить господство помещиков внутри страны. Этим определялась внешняя политика самодержавия, оружием пролагавшего пути русской торговле и колонизации на Востоке. В первой половине XIX в. проводится завоевание Кавказа, являвшегося богатой колонией и торговой дорогой на рынки Персии; завоевывается и колонизируется Средняя Азия. В 1849 г. широко развивается колонизация Дальнего Востока и ставится задача захватить Приамурье и Сахалин.

Особое место в этих устремлениях помещиков и торгово-промышленного капитала занимал Константинополь, являвшийся воротами на главном торговом пути для экспорта хлеба из южной России на западноевропейские рынки и важнейшим стратегическим пунктом для господства на Черном море, в Малой Азии, на Кавказе и Балканах. Здесь-то и сталкивались интересы России с интересами английского и французского капитализма.

Победоносной войной против Турции Николай I надеялся сохранить и укрепить решающую роль царской России в Европе. Благодаря этой войне Николай I рассчитывал удовлетворить стремления помещиков и торгового капитала, компенсировать новыми внешними рынками промышленную буржуазию, стесняемую крепостническими порядками внутри страны, и под гром побед обрушиться на своего главного врага — крестьянское движение.

Однако надеждам этим не суждено было осуществиться. Выросший в Ан-

глии и Франции промышленный капитализм развивал энергичную захватническую деятельность во всех частях света, стремясь к завоеванию новых рынков и колоний. И естественно, что в своей аннексионистско-колониаторской политике в Азии Россия сталкивалась с интересами западноевропейских капиталистов, главным образом английских. Английская промышленность была особо заинтересована судьбами Черноморского побережья и Константинополя с проливами, соединяющими Средиземное и Черное моря, обладание которыми являлось центральным пунктом захватнических планов русского царизма.

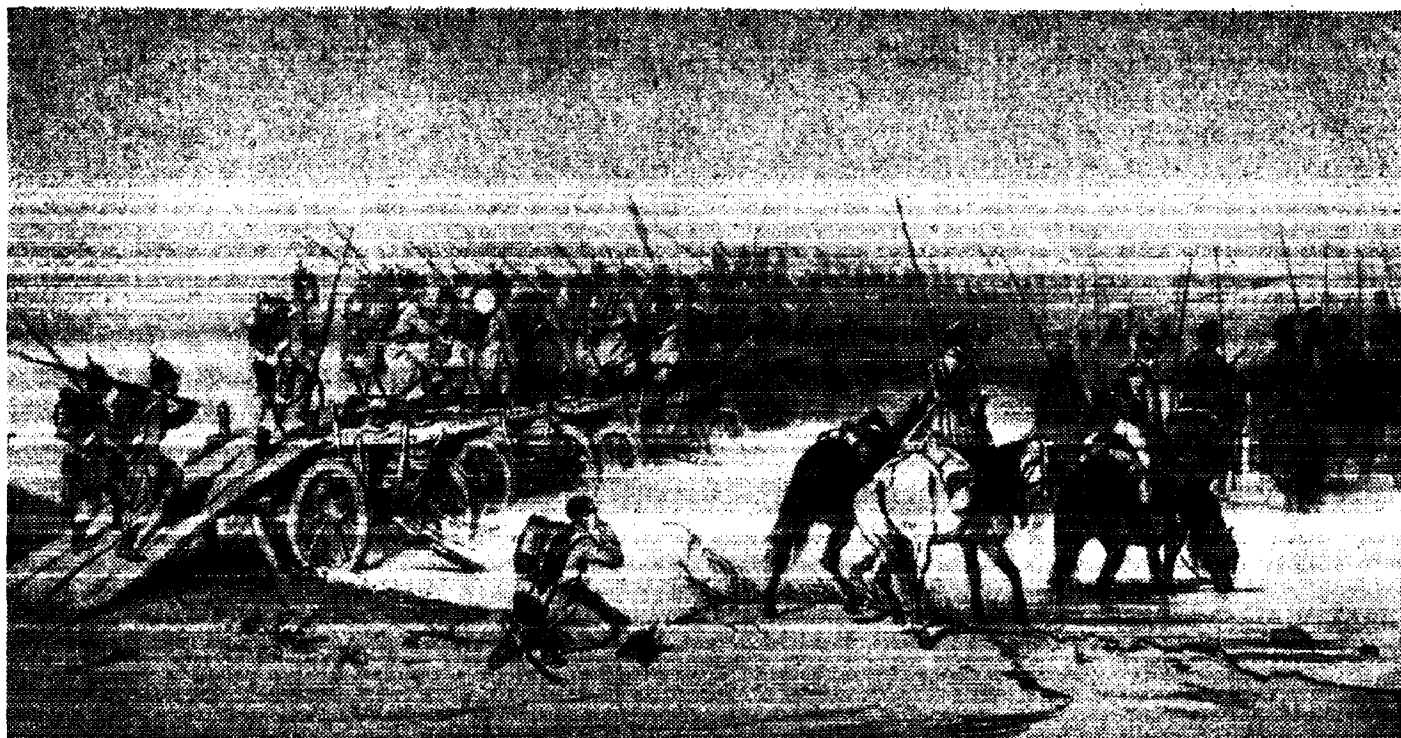
Поэтому в связи с развитием капитализма и буржуазных отношений изменилось и отношение к России со стороны передовых капиталистиче-

ских стран Западной Европы. Это не учел в своей надменной самоуверенности Николай I, когда начал восточную войну. Он не понял исторической эволюции западноевропейских государств, не учел новой враждебной ему силы в лице народившейся буржуазно-демократической общественности этих государств, оказывавшей давление на свои правительства. «Слишком поспешил с выступлением против Константинополя и вызвал Крымскую войну. Англия и Франция «пришли на помощь Турции», а Австрия горела желанием «удивить величием своей неблагодарности»¹.

В статье «Взгляды царя» Маркс приводит беседу Николая I с «зна-

¹ Ф. Энгельс «Иностранная политика русского царства».

Русская армия в походе в Валахии. 1854 г.

Художественный листок Тимма.

2

ным» англичанином, во время которой царь заявил, что «...он не был подготовлен к войне — ведь он был совершенно убежден, что достигнет всего желаемого простыми угрозами»¹.

Он рассчитывал на трусость государственных людей Запада, но не учел роли революционной демократии, которая заставляла их быть более храбрыми. Он рассчитывал, что Турция неспособна оказать ему сопротивление, а на деле она очень скоро заставила русских на Дунае перейти к обороне. Он рассчитывал на дружественный нейтралитет Австрии, а она заняла позицию враждебного вооруженного нейтралитета и поддерживала союзников.

Даже Пруссия, наиболее стойко старавшаяся соблюдать нейтралитет, вынуждена была под нажимом буржуазной общественности и союзников повести политику в ущерб России. Николай I особенно рассчитывал на попустительство Англии. Англия же оказалась в лагере противников России.

Николай I переоценил и военную мощь России. В действительности он сумел противопоставить передовым капиталистическим странам лишь отсталую армию, которая была так построена, снабжена и руководима, что могла быть только разгромлена.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. IX, стр. 617.

«Восточная война» 1853—1856 гг. (так ее называли англо-французы) происходила на трех военных театрах: Дунайском, Крымском и Кавказском.

Под предлогом защиты православных христиан, подданных Турции, 2 июля 1853 г. русские войска переходят через реку Прут и начинают оккупацию дунайских княжеств, находящихся под протекторатом Турции. Они быстро занимают Молдавию и Валахию и беспрепятственно выходят на линию Дуная.

Нерешительность Турции и союзников облегчила русским эту операцию. Турция объявила войну России только 10 октября, т. е. через три с лишним месяца после начала оккупации дунайских княжеств, а Англия и Франция вступили в войну лишь 27 марта 1854 года.

Россия имела на Дунайском театре всего 80 тыс. войск при 196 орудиях, причем из этих войск до 25 тыс. человек было сосредоточено у устья реки Дуная.

Турки имели на правом берегу Дуная, в Болгарии и Добрудже, до 130 тыс. войск, причем вооружены они были лучше русских. В качестве опорных баз они имели ряд крепостей: Шумлу, Рушук, Силистрию и Варну. Четырехугольник, образуемый

этими крепостями, был недоступен для малочисленной и плохо вооруженной русской армии. Поэтому русские не могли вести наступательную войну и вынуждены были придерживаться оборонительной тактики.

28 октября турки начинают активные действия. Они переправляются через Дунай и 2 ноября занимают Калафат и Ольтеницу и укрепляют их. Попытки русских занять эти пункты кончаются неудачей. Под Ольтеницей русские потерпели серьезное поражение, потеряв до 2 тыс. убитыми.

Через некоторое время, вследствие наступившей распутицы, турки без какого-либо нажима русских отступили за Дунай.

6 января 1854 г. русские вновь потерпели поражение в бою при Четаре.

23—25 марта русские пытались наступать, переправившись через Дунай у Браилова, Галаца и Измаила, но дальше Силистрии они не двинулись, так как не могли взять эту крепость. Неудачная осада Силистрии и победа русского флота при Синопе имели большое военное и особенно политическое значение.

30 ноября 1853 г. русская эскадра под командой адмирала Нахимова разгромила турецкий флот в Синопской бухте. Это был удар не только по Турции, но и по Англии и Франции, которые обязались «защищать Кон-

стантинополь, либо всякую местность Турции, как в Европе, так и в Азии, подверженную нападению»¹.

Победа при Синопе давала большие преимущества русским над турками: русский флот становился господствующим на Черном море. Но эти военные выгоды лишались своего практического смысла благодаря тем политическим последствиям, к которым привела синопская победа. Она ускорила оформление военного соглашения Франции и Англии и выступление их против России. 30 ноября русский флот одержал победу, а 3 декабря союзный флот вошел в Черное море—и недавний победитель становится беспомощным перед превосходными морскими силами противника.

Удар русской армии на Силистрию стратегически был правильно рассчитан, так как обладание Добруджей и Силистрией давало господство на Дунае. Но при выполнении его, при осаде Силистрии русское командование наделало ряд грубейших ошибок, стоивших больших жертв армии.

Значение Силистрии понимала и Австрия. Поэтому не случайно в разгар осады австрийское правительство пред'являет России требование о немедленной эвакуации из дунайских

¹ Цитируется по Богдановичу «Восточная война 1853—1856 годов», стр. 141.

Синопский бой 18 ноября 1853 г.

Художественный листок Тимма.

Привал русских войск в Силистрии. Май 1854 года.

Художественный листок Тимма.

княжеств. Неудачная, затянувшаяся осада и давление Австрии принудили Россию снять осаду Силистрии.

Судьба Силистрии решила судьбу всей Дунайской кампании: русские, отступив от нее, потеряли всю область, завоеванную ими с начала войны. 22 июня они снимают осаду Силистрии, а 26 июля уже начинают эвакуировать дунайские княжества.

В Дунайской кампании русская политика на Востоке потерпела поражение. О захвате Константинополя не приходилось даже думать. План на 1854 г., намеченный Николаем I, когда уже явно рушились надежды захватить Константинополь, овладеть Силистрией, а «может быть Рушуком», был также не выполнен.

Дунайская кампания показала, что слава о непобедимости русского оружия является дутой и не имеющей под собой базы. Неподготовленность к войне, плохая организация армии, грубейшие ошибки высшего командования, отсталость вооружения и обучения, плохие пути сообщения показали неспособность России одержать победу даже над турками.

Все это способствовало решению Англии и Франции открыто выступить

против России. Рухнули надежды не только на поддержку, но хотя бы на нейтралитет Австрии и Пруссии. Россия выступила в одиночестве против всей Европы: все крупные государства воевали с ней или сохраняли враждебный нейтралитет. Балканские народы тоже не поддерживали русских «освободителей». Вместо захвата Константинополя приходилось обороняться от противника на своей территории. Военные действия переносятся в Крым.

* * *

Крымский театр — основной в восточной войне 1853—1856 годов. Союзники намечают главный удар на Севастополь — морскую крепость и военный порт, стоянку и базу Черноморского флота, опорный пункт России на Черном море в борьбе за раздел Турции. В случае захвата Севастополя союзники подрывали господство России на Черном море и ее влияние в Турции и на Балканах.

Англо-французские эскадры производят демонстрации по всей границе, чтобы рассосредоточить силы русских и по возможности отвлечь их от места предполагаемого десанта. Этой

цели они добились, и 14—17 сентября 1854 г. на южном берегу Крыма, в Евпатории, почти беспрепятственно высаживается шестидесятитысячный десант.

19 сентября начинается наступление на Севастополь.

Русское командование решило дать бой союзникам на р. Альме, расположенной на пути из Евпатории в Севастополь. Заранее была выбрана хорошая позиция на левом, высоком берегу реки. Однако несмотря на эти преимущества русская армия потерпела поражение и отступила к Бахчисараю, потеряв до 6 тыс. человек убитыми и ранеными.

Битва на р. Альме — первое крупное столкновение с союзниками, в котором сказалось их явное преимущество в вооружении и тактике над отсталой русской армией. Вооружение русских состояло из гладкоствольных кремневых и ударных ружей, они имели только 2 тыс. штуцеров на 35 тыс. войск, тогда как у союзников было 30 тыс. штуцеров на 50—60 тыс. войск.

Поражение на р. Альме открывало союзникам свободный путь на Сева-

стополь. Но они медлили, теряли время, совершая ненужный обходной марш от р. Альмы, минуя Севастополь, к Балаклаве, и уже оттуда подошли к городу с южной стороны, считая ее более доступной для атаки. Только к 3 октября они обложили Севастополь, а огонь открыли 17 октября. У русских, таким образом, был почти месяц для укрепления города.

К началу осады Севастополя соотношение сил было следующее: русская полевая армия под командой князя Меншикова насчитывала 30—35 тыс. человек, стянутых в Бахчисарай; позиции ее были расположены на северной стороне большой Севастопольской бухты и на высотах по правой стороне р. Черной, откуда армия имела постоянную связь с осажденными в Севастополе. В городе гарнизон вырос во внушительную силу, получив подкрепление из 17 тыс. моряков Черноморского флота. Артиллерией, снятой с судов, была усилена крепостная артиллерия. Черноморский флот дал крепости хорошие кадры в лице адмиралов Корнилова и Нахимова, которые вместе с инженером Тотлебенем справились с задачей организации оборо-

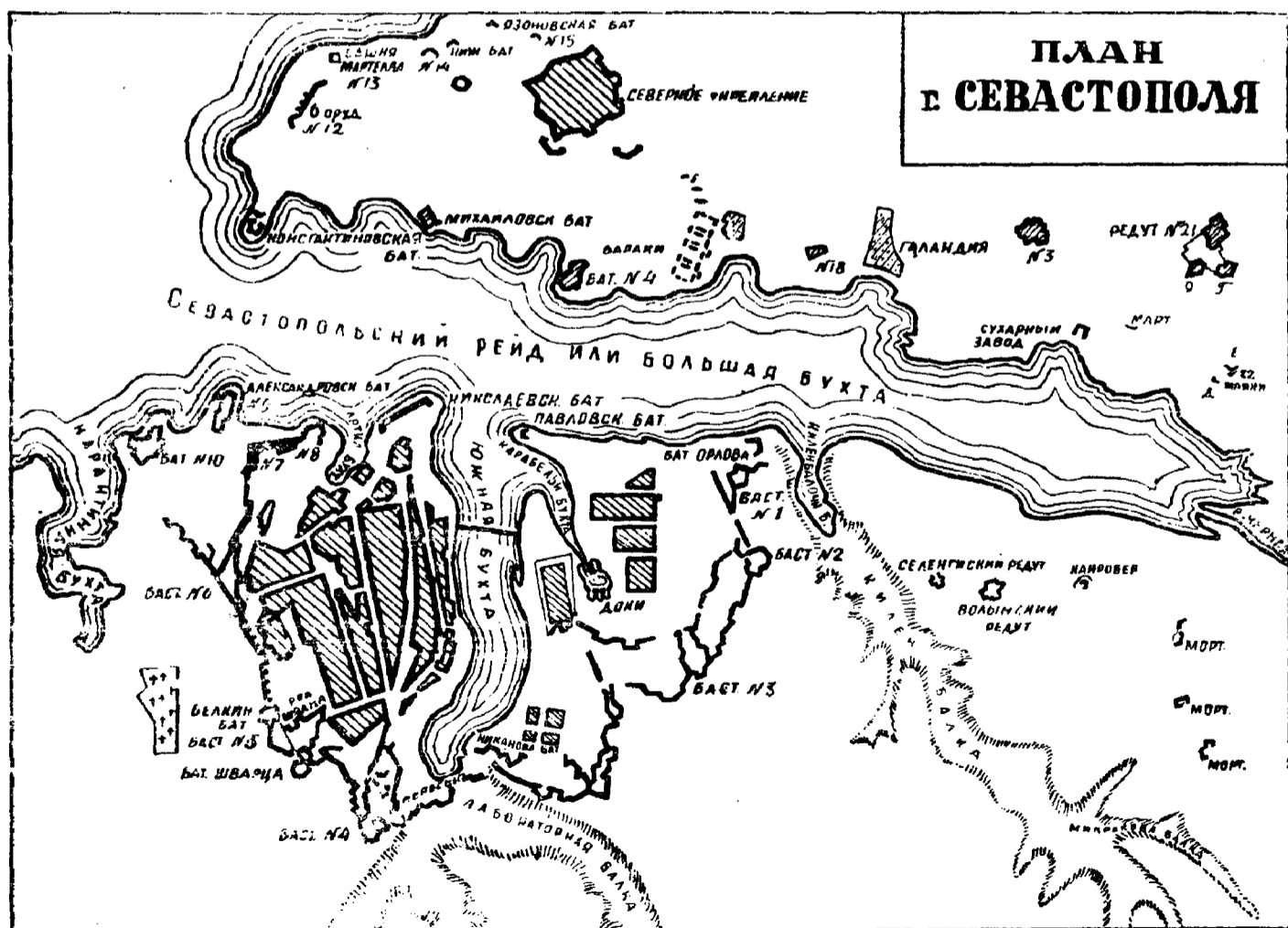

Схема севастопольских укреплений. 1854 г.

Англо-французские войска на Востоке, 1854 г.

Художественный листок Тимма.

ны города. Под их руководством в течение месяца обе части Севастополя, городская и корабельная, от Карантинной бухты до оконечности южной бухты и до Киленбухты, были окружены земляными укреплениями.

У союзников под Севастополем имелось 50—60 тыс. сухопутных войск и сильный флот¹. Однако сил этих было мало, чтобы обложить город со всех сторон. Северная сторона ими не была занята, и осажденные постоянно получали оттуда помощь людьми и припасами.

Оторванность от своих баз и угроза тылу со стороны армии Меншикова создавали для союзников большие трудности. Первое время артиллерия русских была сильнее и заставила замолчать ряд батарей союзников². Разрушенные земляные укрепления русские быстро восстанавливали.

Таким образом, перевес сил союзников над осажденными был очень незначителен; их расчеты строились на скором получении подкреплений, которые и начали постепенно прибывать.

В это время Меншиков, тоже по-

¹ Преобладали паровые и винтовые суда в отличие от русского флота, состоявшего почти сплошь из парусных судов.

² 200—300 орудий, а у союзников—126 орудий.

лучив подкрепления и имея некоторый перевес сил, готовился ударить в тыл союзникам и заставить их снять осаду Севастополя. Это была совершенно правильная стратегия, но реализовало ее русское командование из рук вон плохо. Первая такая попытка, вошедшая в историю под названием «битва под Балаклавой», была сделана 25 октября 1854 г. и окончилась неудачей для русских. Через 10 дней—5 ноября—русские делают вторую попытку освободить Севастополь, нанося удар по правому флангу осаждавших, который состоял из английских войск. Для выполнения этой задачи Меншиков сосредоточил огромные силы, около 40 тыс. пехоты, против 16 тыс. англичан. Произошло инкерманское сражение, в котором русская армия и ее командование показали себя полными банкротами.

В инкерманском сражении русские понесли невиданный с начала кампании урон, потеряв в одном сражении до 12 тыс. убитыми. Сражение это имело большое военное и политическое значение: оно явилось переломным моментом для всего хода Крымской войны. После поражения при Инкермане русские уже не делали в таком широком масштабе попыток освободить Севастополь.

Главная причина поражения русских при Инкермане заключается в том,

Английское военное судно, обстреливающее русское побережье. 1855 г.
Художественный листок Тимма.

«что русский способ войны не устоял против европейского способа»,—писал Энгельс¹. «Слава русской пехоты блекнет. Она показывает, что какие бы успехи ни делала Россия, Запад продвигается вперед, по крайней мере, вдвое быстрее»².

После инкерманского сражения обе борющиеся стороны находились в тяжелом положении. Активность русских усилила осторожность союзников, а наступившая зима приостановила серьезные военные действия. Союзники подтягивали подкрепления, силы их росли. Франция выставила на Крымский театр 110 тыс. войск, Англия— 50 тысяч. России объявляет войну Сардиния и посылает свои войска в Крым. Австрия решительно склоняется на сторону противников России, но объявить войну все же не решается.

Русские стянули в Крым половину своих вооруженных сил. Осада Севастополя затягивалась.

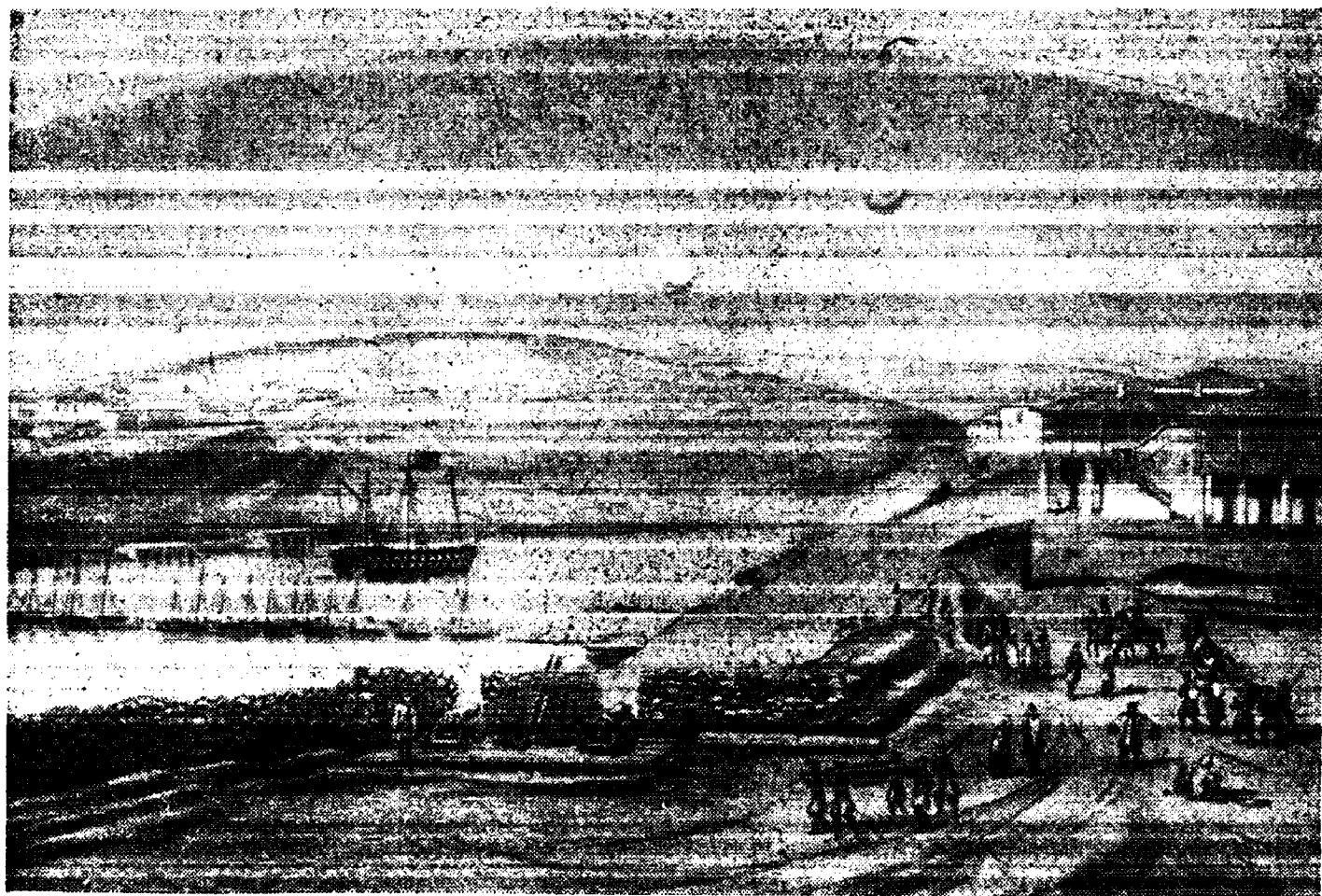
Казалось бы, что все преимущества на русской стороне: они на своей территории, тогда как союзники находятся на неприятельской территории, в

непривычных условиях и далеко от баз. Но экономическая отсталость страны и негодность военной машины так велики, что положение русской армии с каждым днем ухудшалось: эпидемии опустошают ряды войск, не хватает самого необходимого для обеспечения армии, нет теплой одежды, происходят перебои в доставке питания. Особенно больно бьет отсутствие железнодорожного транспорта. Отсталая Россия не в силах угнаться за передовыми странами Западной Европы, и постепенно создается перевес сил на стороне союзников.

В такой тяжелой обстановке обороняется севастопольский гарнизон, доведенный до 60 тыс. человек. Главные удары союзников вначале направлены против русского четвертого бастиона. Затем их усилия переносятся на Малахов курган, который является ключом обороны, так как командует над всеми укреплениями Корабельной стороны. Русские, учтя значение Малахова кургана, укрепили возвышенности впереди него и соседнего бастиона № 2: соорудили Волынский и Селенгинский редуты и Камчатский люнет. Особое значение имело последнее укрепление, расположенное

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. X. стр. 209.

² Там же, стр. 210.

Севастополь. Береговые укрепления. 1855 г.

Художественный листок Тимма.

на возвышенности, командующей даже над Малаховым курганом.

До весны 1855 г. союзники не решаются взять штурмом сева­стопольские укрепления; они ведут тщательную подготовку, постепенно приближая свои траншеи к русским укреплениям и разрушая их артиллерийским огнем.

7 июня четыре французских дивизии под командой генерала Боске овладевают Камчатским люнетом и Во­лынским и Селенгинским редутами.

Это переломный момент в обороне Севастополя, дальше... «положение начинает делаться отчаянным»¹.

Союзники готовятся к новому штурму. Силы их превосходят в полтора раза гарнизон Севастополя и полевую армию вместе взятые и достигают 170—200 тыс. человек. У них обилие снарядов — 400—500 штук в сутки на орудие, а у русских — 150 снарядов. Накануне атаки усиленным артиллерийским обстрелом они нанесли серьезное повреждение укреплениям, в то время как русские ве-

ли слабый, ответный огонь ввиду недостатка пороха.

Но союзники не сумели замаскировать подготовку к штурму, и русские ночью успели исправить разрушенные укрепления, стянуть значительные силы на Корабельную сторону и подготовиться к бою. Штурм 18 июня они отбили, нанеся огромные потери союзникам.

Перевес сил оставался все же на стороне союзников. Они разворачивают еще более энергичную деятельность по подготовке к новому штурму. Кольцо траншей вокруг Севастополя все суживается: в июне они были от русских укреплений в 240 метрах, а в августе — в 110. Во всем городе нет пункта, который бы не обстреливался артиллерийским огнем, и не было укреплений, куда бы не достигал штуцерный огонь. Севастополь превратился в своеобразную мясорубку, в которую высшее командование непрерывно подбрасывало тысячи людей, идущих почти на верную смерть. Ежедневно русские несут урон в 500—700 убитых.

В течение трех дней: 5, 6 и 7 сентября—беспрерывным артиллерийским огнем разрушены почти все укрепления; у русских вышло из строя 7500

¹ Из письма князя Горчакова, сменившего князя Меншикова, императору Александру II. Император Николай I умер, а по некоторым данным, отравился 2 марта 1855 года.

человек. Свои траншеи союзники подвели на 40 — 50 шагов к оборонительным укреплениям русских. 8 сентября, в 12 часов дня, союзники провели внезапно общий штурм укреплений. Малахов курган взят дивизией французского генерала Мак-Магона, на других пунктах штурм отбит. На другой день союзники готовятся продолжать штурм, но русские уже оставили Севастополь, перейдя по мосту на северную сторону Большой бухты. Предварительно они взорвали и сожгли запасы, портовые сооружения и потопили остатки флота.

Со взятием Севастополя, хотя официально и не было заключено перемирия, установился перерыв военных действий. Союзники добились осуществления своей цели; в глубь страны наступать они не думали, а на других участках границы вообще ничего серьезного не предпринимали. Летом 1854 г. они уничтожили русские укрепления на Аландских островах, летом 1855 г. разрушили Свеаборг, а осенью взяли крепость Кинбурн¹.

Несколько дольше затянулись военные действия на Кавказском театре, но и там, после падения Севастополя, дело шло к развязке.

* * *

Первые военные столкновения на Кавказском театре начались 27—28 ноября 1853 г., когда турками был взят форт св. Николая.

К началу восточной войны русские уже имели опорные базы на Кавказе: они крепко обосновались в Осетии, Ингушетии и Кабарде, проложили Военно-грузинскую и Военно-осетинскую дороги. Центром их колонизационной политики был Тифлис. Но за пределами этих районов, в тылу, на северо-западной части Кавказского хребта — в Черкесии, на юговосточной — Чечне и Дагестане, широкой волной разливается вооруженная освободительная борьба горских народов.

Эти враждебные для русских районы отделялись от их основной базы обширной гористой, труднопроходимой местностью, поэтому горцы, ото-

рванные от Черноморского побережья и не получая достаточной помощи от турок, с военной точки зрения не могли представлять серьезной угрозы тылам действующей русской армии.

Русских войск на Кавказе было мало, но по боевым качествам они были лучше и Дунайской и даже Крымской армий и значительно выше турецкой армии в Закавказье.

В начале военных действий турки пытаются взять инициативу в свои руки и развивают наступательные действия, но все время терпят поражения. Так, они были разбиты 26 ноября 1853 г. под Ахалцыхом и вынуждены были отступить. Под Баш-Кадыкларом 1 декабря 1853 г. русские снова наносят поражение туркам и забирают инициативу в свои руки. 27 июня 1854 г. под Кюрюк-Даром они разбивают главную турецкую армию, которая укрывается за укреплениями Карса.

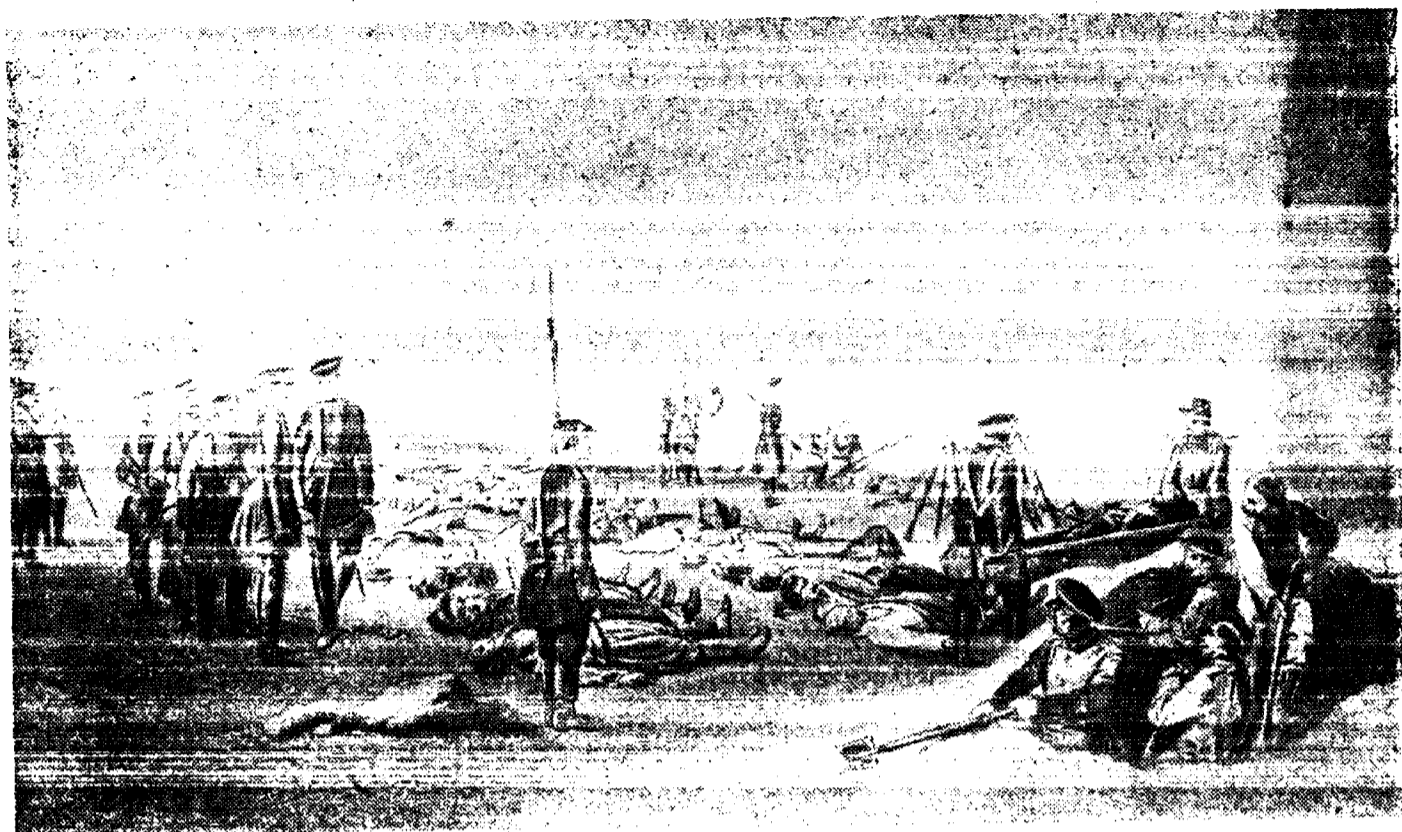
Весной 1855 г. создается перевес русских сил — они развивают наступление и запирают турок в крепости Карс. Борьба вступает в свою решительную стадию, так как Карс — ключ к Эрзеруму, а Эрзерум — ключ к Константинополю и центральный пункт стратегических и торговых путей Анатолии.

29 сентября 1855 г. русские пытаются штурмом взять Карс, но, убедившись, что эту задачу они выполнить не в состоянии, переходят к осаде. 28 ноября 1855 г. обессиленный и вымирающий от голода карский гарнизон сдал крепость.

Кавказский театр войны играл второстепенную роль; поэтому победы там русских не имели решающего значения и не прибавили славы русскому оружию, показавшему свою несостоятельность в Дунайской и Крымской кампаниях. Победы эти объясняются главным образом тем, что здесь русские имели дело только с турецкими войсками, причем не лучшими, а худшими частями, наполовину состоящими из нерегулярных войск. Союзники, считая Кавказский театр второстепенным, не направляли туда своих войск, ограничившись посылкой инструкторов-офицеров.

Победы русских в Закавказье не изменили общих результатов войны, из

¹ Против Очакова, у входа в Днепровско-Бугский лиман.

Феленгинский редут (Севастополь) после штурма союзников 12 февраля 1855 г. Уборка трупов.
Художественный листок Тимма.

которой Россия вышла побежденной, так как центром борьбы был Крым, а не Закавказье.

* * *

С падением Севастополя не было смысла продолжать войну ни русским, ни союзникам. Первые потерпели серьезное поражение и потратили слишком много сил и средств, чтобы решиться дальше продолжать войну со своими более сильными противниками. Союзникам же «идти из Крыма внутрь России было бы стратегическим безумием» (Энгельс).

25 февраля 1856 г. открывается Парижский мирный конгресс, а 30 марта подписывается парижский мирный договор. По этому договору Россия потеряла право держать флот в Черном море и признала фактически нейтрализацию не только Дарданелл, но и Черного моря. Это был особенно спорный пункт, против которого настойчиво возражала Россия. Она принуждена была отказаться от исключительного права покровительства христианам на Востоке и от протектората над дунайскими княжествами, которым обеспечивалось конституционное устройство.

Россия обязалась «уважать» независимость и целостность Турции. По Дунаю была установлена свобода плавания.

Для обеспечения этого—устья Дуная с прилегающей к ним территорией отторгаются от России и передаются молдавскому княжеству.

Занятые Россией турецкие крепости и территории идут безвозмездно в обмен на Севастополь с прилегающей к нему территорией, занятой союзниками.

По условиям парижского мира мы видим, что союзники выдержали до конца свою линию—мощь России они не уничтожили, но сильно ее подорвали. В результате восточной войны Россия потеряла ореол непобедимости: «международный жандарм» получил серьезный удар.

3

Гнилость и бессилие крепостной России, ее экономическая отсталость и внутренняя политическая слабость явились причиной поражения в Крымской войне.

Крымская война являлась безнадежной борьбой нации с отсталыми способами производства против наций с новейшими ее формами.

Старую Россию «...били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все—за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государ-

ственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно»¹.

Лучшим показателем технико-экономической отсталости России является развитие тяжелой промышленности, базой которой является добыча чугуна. Так, среднегодовая выплавка чугуна в России за вторую четверть XIX в. представляется в следующем виде: за 1826—1830 гг.—10,2 миллиона пудов, а в 1856—1860 гг.—16,6 миллиона пудов, или рост за 30 лет в 1,6 раза. В Англии в 1826 г. выплавлено 37 миллионов пудов, а в 1859 г.—234 миллиона пудов, или рост в 6,3 раза. Накануне Крымской войны Англия превосходила Россию по выплавке чугуна почти в 15 раз, Франция—в 3 раза.

Перед Крымской войной и в период самой войны политическое положение России было неустойчиво в связи с бурным ростом крестьянского движения. Так, за восемь лет (1826—1834 гг.) было 148 крестьянских волнений, за десятилетие (1835—1844 гг.)—216 волнений, и на десятилетие перед Крымской войной приходится наибольшее количество волнений—348, или 48,8% всех волнений, имевших место за 28 лет.

С началом Крымской войны крестьянское движение растет, и при всем разнообразии поводов для выступлений общим характерным моментом движения является его массовость, быстрое распространение на большие территории и то, что почти все волнения были связаны со стремлением крестьян к «воле».

В 1854—1855 гг. развертывается широкое движение в связи со слухом, что за службу в морском ополчении дают свободу. Крестьяне бросают работу и самовольно уходят из селений для записи в ополчение. Движение быстро принимает массовый характер и охватывает десять губерний: Рязанскую, Тамбовскую, Владимирскую, Пензенскую, Новгородскую и др. Против крестьян были двинуты военные силы, и движение было подавлено.

Весной и летом 1855 г. производился призыв в государственное ополче-

ние в семи губерниях. Опять распространяются слухи о «воле», которую дадут за службу в ополчении. Толпы крестьян устремляются для записи добровольцами в ополчение. Правительство, испугавшись такого проявления «патриотизма», штыками останавливает крестьян. Особенно широко и резко проявилось движение в Киевской губернии, куда для подавления были двинуты солидные воинские силы: 16 эскадронов, 2 роты сапер, один батальон и один дивизион. Крестьяне оказывали сопротивление войскам, а местами сами нападали на воинские команды.

В 1856 г. начинается массовое передвижение крестьян в Крым. Поводом к этому послужили слухи о том, что переселенцам в разоренные войной места дается пособие, казенная работа, а помещичьим крестьянам—свобода. Под влиянием этих слухов крестьяне южной России в разгар полевых работ весной 1856 г. двинулись к Перекопу. Движение начали одиночки, а затем оно охватило целые селения. Крестьяне двигались к югу России с имуществом и семьями, большими толпами, достигающими иногда 3 тыс. человек. Насколько широко было это движение, показывают следующие данные: по двум уездам: Екатеринославскому и Верхнеднепровскому—в июне ушли 9 тыс. крестьян. Попытки задержать движение привели к нескольким кровавым столкновениям.

Интересные события во время войны развертываются в Крыму, где своеобразное переплетение классового и национального гнета наложило свой отпечаток на движение. Началось оно под влиянием мусульманского духовенства и зажиточных элементов туземного населения² как национальное движение против русских, но очень скоро приобрело классовый характер. Это обуславливается тем, что массой крымских помещиков являлась русская дворянская знать, которой принадлежало более половины всей земли. Против них-то главным образом и было направлено движение.

Волнения среди крымских татар начались задолго до высадки десанта со-

¹ И. Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 445. Партиздат. 1934.

² Работу здесь вела агентура союзников.

юзников. Появление союзного флота в Черном море, по донесению Меншикова царю 27 января 1854 г., произвело на татар большое впечатление. Меншиков принимает меры на случай волнения среди жителей: 1 июня 1854 г. с прибытием в Евпаторию казачьего Донского полка он расположил его кордонами по берегу моря, а для наблюдения за населением и убеждения его в многочисленности войск были составлены две подвижные колонны, каждая из двух рот, которые и посылались на военную прогулку по южному берегу Крыма.

После высадки союзников движение разрастается и активизируется. Почти половина Крыма охвачена волнениями. В ряде мест восставшие громят помещичьи имения, расправляются с помещиками и государственными чиновниками, происходят вооруженные столкновения с казаками и нападения на пограничные кордоны. На отдельных участках командование вынуждено снять пограничную охрану, опасаясь, что она будет сброшена в море повстанцами.

Помещики не на шутку напуганы и спасаются в города. Представители власти в панике. Таврический гражданский губернатор генерал-лейтенант Пестель эвакуирует Симферополь.

Таким образом, если тылу союзников в Крыму во время осады Севастополя угрожала армия Меншикова, то и у русских тыл был не безопасен благодаря массовым выступлениям крестьян, не только татар, но и русских.

Татары, особенно Евпаторийского уезда, помогли союзникам несением службы проводников, разведчиков и наблюдателей. В Евпатории до 800 человек вступило добровольцами в милицию. А на территории, занятой русскими, волнения докатились до Перекопа. Татары нередко объединяются в отряды по 200 — 300 человек и угрожают передвижению войск. Это заставило Меншикова издать приказ, чтобы при походном движении соблюдали особую осторожность, «дабы не подвергнуться нечаянному нападению со стороны как неприятеля, так и жителей».

Политическая неустойчивость в стране, массовые крестьянские волнения как в глубоком тылу, так и не-

посредственно в районе военных действий подтачивали политическую и моральную крепость войск.

Отсталый феодально-крепостнический способ производства России не устоял в борьбе против передовых наций с капиталистическим способом производства. Решающую роль в этом поражении играла сама армия.

Отражая на себе все черты гнилого и бессильного помещичье-крепостнического строя, она терпела поражение за поражением, неся урон людьми в два—три раза больше чем союзники. Потери русских в Крымской войне достигают 676 110 убитых и умерших¹.

4

Поражение в Крымской войне имело огромное значение для дальнейшего развития России. «Крымская война,— пишет Ленин, — показала гнилость и бессилие крепостной России»². В Крымской войне помещики-крепостники показали свою неспособность защищать свое отечество, основанное на отсталой экономике и подневольном труде крепостного крестьянства.

Результатом войны был бурный рост крестьянского движения. Так, число крестьянских волнений с 1855 по 1861 г., т. е. за первые шесть лет после Крымской войны, составляет 40% общего числа волнений, имевших место за 35 лет, предшествовавших крестьянской реформе. Массовыми крестьянскими волнениями были охвачены почти все районы России.

Рост крестьянского движения в период Крымской войны и после нее сильно напугал помещиков-крепостников, и даже наиболее ярые приверженцы крепостнических порядков склоняются к тому, что надо разделаться с крепостным правом.

А. И. Кошелев указывает, что под влиянием страха перед народным восстанием в 1854—1855 гг. ярые крепостники готовы были на самые невыгодные условия освобождения кре-

¹ Подробнее о состоянии царской армии в Крымской войне см. статью Селезнева «Армия царизма в Крымской войне» в настоящем номере «Борьбы классов».

² Ленин. Т. XV, стр. 143.

стьян¹. Департамент полиции в отчете за 1858 г. пишет, что движение 1855 и 1856 гг., как признак возбужденного настроения народа, заставляет опасаться за спокойствие крепостных².

«Но торопитесь, — пишет Герцен, обращаясь к дворянству, — время страдное, ни одного часа терять нельзя». «Если вы не сумеете ничего сделать, они все-таки будут свободны, по царской милости или по милости пугачевщины»³.

Под влиянием событий, связанных с поражением в Крымской войне, поднимает свой голос нарождающаяся буржуазия. Выразителем этого голоса являлся в частности историк Погодин. В своих письмах он говорит, что политика России по борьбе с «духом времени» (революцией.—Н. Ц.) на Западе была ошибочной: бороться с ним бесполезно и невозможно: надо приспособиться добровольно к этому «духу времени»⁴.

Письма Погодина — проявление новой, буржуазной идеологии, идущей на смену старой, дворянско-крепостнической идеологии — отражают экономический переворот в крепостнической России первой половины XIX века.

Забитое и отсталое крепостное крестьянство в результате кровавых уроков Крымской войны не хотело вернуться к прежнему, пассивному и бессознательному повиновению.

«...мы получили союзника в русском крепостном. Борьба, которая разгорелась теперь в России между господствующим классом и поработанным

классом сельского населения, уже теперь подрывает основы всей системы русской внешней политики. Эта система была возможна только до тех пор, пока в России не было внутреннего политического развития. Но это время прошло. Созданное совместными усилиями правительства и дворянства сельскохозяйственное и промышленное развитие достигло такой степени, при которой существующие социальные отношения продолжаться больше не могут. Устранение их, с одной стороны, необходимо, а с другой — невозможно без насильственного изменения»⁵.

Так писал Энгельс за год до крестьянской реформы, показав редкую наблюдательность и глубокое знание положения России. Обострение классовой борьбы крепостных крестьян с помещиками подрывает всю систему помещичье-крепостнической политики, говорит Энгельс. Однако эта система была мыслима лишь до тех пор, пока в России не замечалось никаких процессов внутреннего развития. Но ход исторического развития выдвинул на арену новую силу — «российскую революцию».

Эти процессы во внутреннем развитии России видели и представители господствующего помещичье-крепостнического класса. Крымская война открыла им глаза на внутреннее состояние России, а бурно растущее крестьянское движение заставляло торопиться с выводами. «Крестьянские бунты», возрастая с каждым десятилетием перед освобождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить сверху, чем ждать, пока свергнут снизу»⁶.

¹ И. И. Игнатович «Помещичьи крестьяне накануне освобождения», стр. 313—314.

² Там же, стр. 351.

³ Там же, стр. 351—352.

⁴ М. Н. Покровский. Сборник «Дипломатия и войны царской России в XIX столетии», стр. 175—177.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XII. Ч. I, стр. 246.

⁶ Ленин. Т. XVI, стр. 143.

ЦАРСКАЯ АРМИЯ В КРЫМСКОЙ ВОЙНЕ

Состав и организация армии

Вся гниль и гнусность крепостничества, вся его свирепая полицейская личина, его хилость и дряблость, проявившиеся с потрясающей силой в Крымской войне, нашли свое особенно яркое выражение в состоянии царской армии.

Касаясь вопроса о причинах поражения царизма в восточной войне, Маркс писал в 1855 г.: «Не меч и выстрел неприятеля, не болезни, от которых нельзя избавиться во многих частях Южной России, не необходимость длинных переходов, столь опустошающих русскую армию, — а те особые условия, при которых русский солдат вербуются, муштруется, марширует, обучается, кормится, одевается, расквартировывается, управляется и сражается, обуславливают тот ужасный факт, что почти вся русская армия, имевшаяся налицо в 1853 г., уже исчезла с лица земли, вызвав у своих противников не более трети ее потерь»¹.

Военная сила самодержавия в середине XIX столетия представляла собой гигантскую, почти миллионную армию, рассеянную по необъятной стране.

Личной воинской повинности не существовало. Помещик имел право послать в рекруты по своему усмотрению любого крепостного человека за «провинности». Только в 1854 г. эта система была заменена жеребьевкой. Общество представляло рекрута и «подставного» к нему (на случай непригодности рекрута, его болезни или

бегства), снабжало его деньгами на обмундирование, кормовыми деньгами на срок до 10 месяцев, жалованьем — по 9 копеек серебром, «проездными» — на дорогу и «наградными» — по 3 рубля на брата.

В течение 15 лет жизни (с 20 до 35 лет) крестьяне ожидали решения своей участи: идти ли им в армию или оставаться дома. Рекрутам брили лбы и бороды, водили их под конвоем как арестантов. Главным, если не единственным, критерием пригодности был рост. «Представляемые в рекруты должны быть не ниже 2 аршин 3 вершков» — гласил закон. За представление людей «неуказного роста» общество платилось крупным штрафом; только для лиц, «особенно способных к военной службе», устанавливалась льгота: они могли быть на $\frac{1}{2}$ вершка ниже ростом. Люди побогаче имели право послать за себя «наемщика» по выкупной квитанции. Из 100 тыс. чел. ежегодного набора 10—12 тыс. чел. состояли из подобных наемщиков, 13—15 тыс. — «бродяг и преступников», посылаемых в армию для удешевления их содержания.

Другим источником комплектования армии служили военнообязанные кантонисты — сыновья солдат, посаженных на землю. Почти 10% набора давала эта потомственная, полукрепостная каста «профессионалов».

Организация войск была скопирована с наполеоновской армии; высшей боевой единицей фактически являлся батальон. По числу действующих полков русская армия сильно уступала армиям Франции, Австрии, Пруссии. Резервные и запасные войска не имели ни комплекта людей, ни нужных войсковых и хозяйственных управлений. Непомерно большое место занимал небоевой, административный персонал. Централизованное хозяйственное снабжение армии почти отсутствовало, так же как и санитарная служба. Кавалерия была сведена в громоздкие полки, артиллерия — в громоздкие двенадцатипушечные батареи.

Основным огнестрельным оружием пехоты являлось совершенно устаревшее кремневое ружье с дальностью боя в 600 шагов. Оно заряжалось с дула и давало едва один выстрел в минуту. После каждого выстрела солдат

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. X, стр. 546.

Проводы рекрутов.

Художественный листок Тимма. 1860 год.

должен был, чтобы зарядить снова, встать во весь рост. Зарядение производилось в 11 приемов. В дождливую погоду ружье вообще не действовало и пехота, как пишет один военный историк, «могла надеяться только на свою стойкость и штык». Ружье имело несколько бесполезных, устроенных для красоты, медных частей: начищая их для блеска песком, солдаты засоряли ствол. Вообще, ружье рассматривалось не столько как боевое средство, сколько как инструмент для ружейных приемов на парадах.

Артиллерия мало изменилась со времени войны 1812 г.: заряжавшаяся с дула шести-двенадцатифунтовая пушка, установленная на деревянном лафете, стреляла картечью на 300 шагов, ядром—на 600 шагов; 15% попадания считалось крупным успехом.

Солдат был одет в узкий мундир с глухим стоячим воротником, заставляющим держать голову неподвижно. Карманов на мундире и брюках не полагалось—трубку, мыло и щетку солдат набивал в кивер и все это водружал на голову; кивер с султаном достигал 16,5 вершков в высоту и весил до 3,5 килограмма.

Никакого стрелкового обучения солдаты не проходили. Люди, находившие-

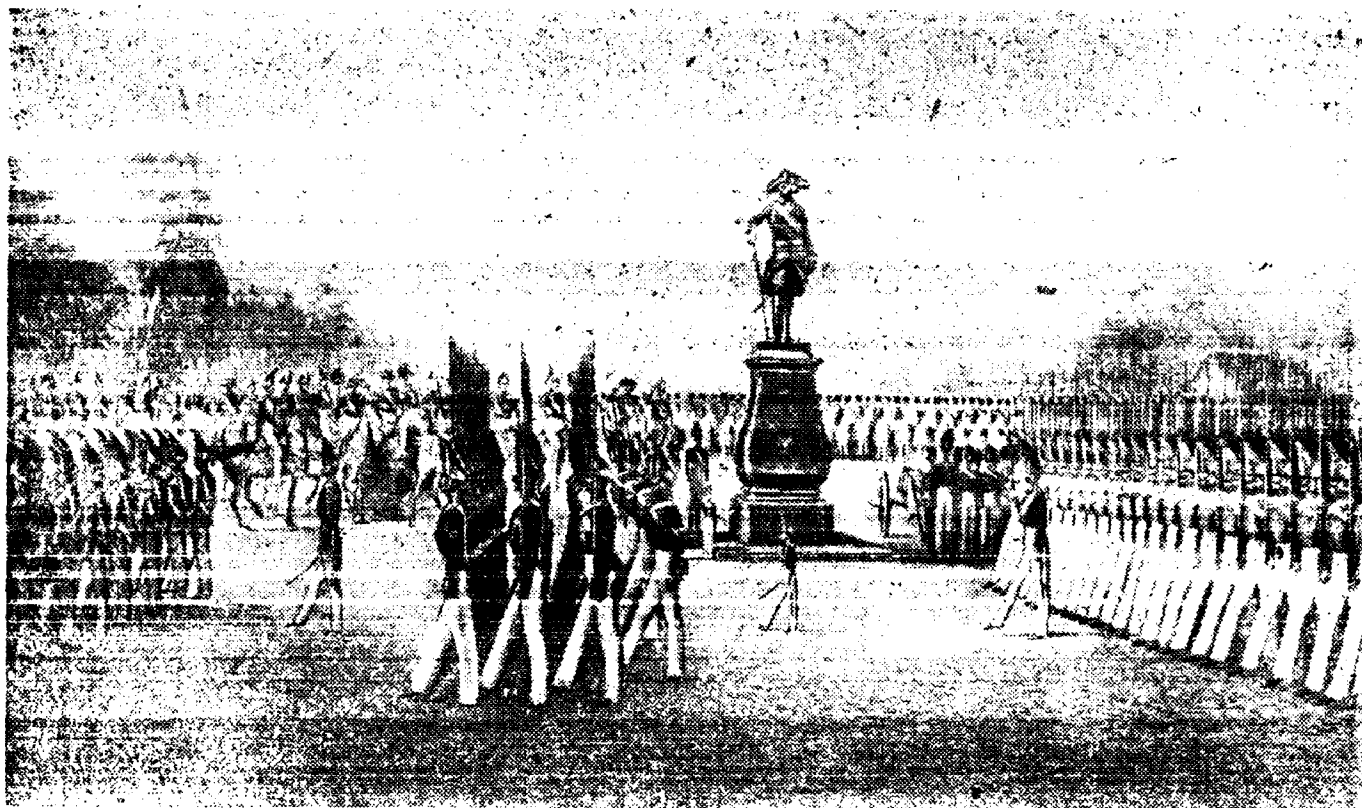
ся в армии в течение многих лет, ни разу не стреляли боевым зарядом.

Обучение сводилось к маршировке, повторению ружейных приемов, строевым упражнениям. «От армии требовалось,—писал Денис Давыдов,—глубокое изучение ремешков, правил выпячивания носков, равнения шеренг, выделывания ружейных приемов»¹. От кавалерии требовалась лихость на церемониальном марше.

Не лучшую картину представлял собой и военный флот. Основную массу судов Черноморского флота составляли парусные суда. Первый и единственный винтовой фрегат «Архимед», построенный в 1848 г., разбился в 1850 году. Половина флота состояла из гребных судов и транспортов. «Канонерские лодки,—замечает один придворный историк,—были гребными и давно почитались бесполезными». В морской артиллерии состояли на вооружении медные и чугунные орудия, военные суда были снабжены пеньковыми якорными канатами, деревянными водяными бочками, каменным балластом.

Большая часть нижних чинов не умела плавать.

¹ Цит. по книге Свечина «Эволюция военного искусства». Т. II, стр. 19.

Парад гвардейских частей в Гатчине.

Художественный листок Тимма. 1851 год.

Когда в 1825 г. был основан «Комитет образования флота» и к его работе был привлечен адмирал Лазарев, то первым пунктом порядка дня был поставлен вопрос о том, «какие кивера должно дать морякам».

Насыщенность армии офицерским составом была ничтожной; вдобавок она систематически снижалась из года в год: в 1829 г.—32 чел. на 1000; в 1840 г.—27; в 1853 г.—25 человек. Да и имеющийся состав был очень неквалифицирован. Даже в 1867 г., т. е. спустя 12 лет после Крымской войны, из 21 908 офицеров 8223, или 37,5%, не имели никакого образования. Командующий крымской армией кн. Меншиков «принципиально» обходился вовсе без штаба.

Военный бюджет доходил до 140—150 млн. руб. в год. Он включал такие статьи, как приобретение бриллиантовых орденов и подарков, награды офицерам, издание газеты «Русский инвалид», призы для офицерской стрельбы, содержание Сергиевского собора и т. п. 6,5 млн. руб. съедал непомерно раздутый аппарат военного ведомства; 12 миллионов оставалось на содержание нижних чинов... На каждого солдата расходовалось в год (в 40-х годах) от 48 р. 38 к. до 53 р. 72 к.

Служба в армии продолжалась 25 лет. Лишь после 15 лет службы пре-

доставлялся отпуск. $\frac{2}{3}$ призываемых рекрутов умирало на службе. Не удивительно, что побег молодых рекрутов и солдат были неизбежным явлением и количество их возрастало из года в год. За 32 года (1826—1858) из призванных в армию 3269 тыс. чел. бежало с места призыва 183 463, или 5700 в год; 1281 были отправлены в арестные роты, на каторгу и поселение.

Правительство не жалело средств на создание карательной системы в армии. 16 военно-исправительных рот, Акатуевский рудник и Шлиссельбургская военная тюрьма были рассчитаны на 7300 чел. и никогда не пустовали. Заключение солдат привлекалось к принудительным работам, которые «организованы при всеобщем молчании и продолжаются до 12 часов в сутки», как сообщает официальный отчет.

Солдат забит, замучен, придавлен.

«Поседел под шум военный...

А сквозь полк как проведут,

Только ком окровавленный

На тележке увезут!»—

говорится в поэме неизвестного автора, напечатанной Герценом в «Полярной звезде».

Еще в 1867 г. 92% солдат были совершенно неграмотны, остальные умели только читать, да и то по складам.

Офицеры даже не стремились приобрести популярность среди солдат, внушить им доверие к себе. Солдат звали презрительно «присягой», давали им унижительные клички. Князь Меншиков за весь период Крымской кампании ни разу не произнес ни слова перед солдатским строем: «не мог себя принудить». За ничтожные провинности рассвирепевшие офицеры уродовали солдат, забивали их досмерти.

Измученные непрерывными экзерцициями, скученные в грязных казармах, солдаты становились жертвами эпидемий. В 1841—1850 гг. из каждой тысячи нижних чинов заболело 655 человек. Смертность достигала 38 случаев на тысячу, втрое выше уровня смертности среди прочего населения России соответствующих возрастов. Из 100 тыс. чел. ежегодно призываемых новобранцев 44,5 тыс. умирало в армии.

Л. Толстой в «Рубке леса» описывает тип русского солдата 40-х годов: «Ограниченность умственных способностей, соединенная с бесцельным трудолюбием и усердием»—вот идеальный образец послушного солдата; «простота и упрямство», «кротость, набожность, терпение и преданность воле божией—вот тип покорного вообще». Это именно и есть та ставка на «неподвижного солдата», на «заскорюзлого крестьянина», о которой говорит Энгельс: сила русского солдата—это «...бой сомкнутыми колоннами—построение, при котором промахи командующих офицеров вызывают возможно меньше беспорядка и замешательства в общем ходе сражений и при котором инстинкт сцепления храброй, но бездушной массы может компенсировать эти промахи»¹.

Но неподвижная, безынициативная армия миллионной численности неспособна была победить армии передовых капиталистических стран.

Подготовка к Крымской войне

В начале 40-х годов XIX в. царизм, остановленный лондонской конференцией 5 держав² в своем движении на

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. X, стр. 547—548.

² Конвенция Англии, Австрии, Пруссии, России и Франции 13 июля 1841 года.

Восток, начинает усиленно готовить войну за проливы, за раздел Турции.

Возводятся укрепления в Севастополе, намечается усиление Черноморского флота. В 1846 г. якорные пеньковые канаты стали заменяться цепными, водяные бочки—цистернами, каменный балласт—чугунным, устроена вентиляция.

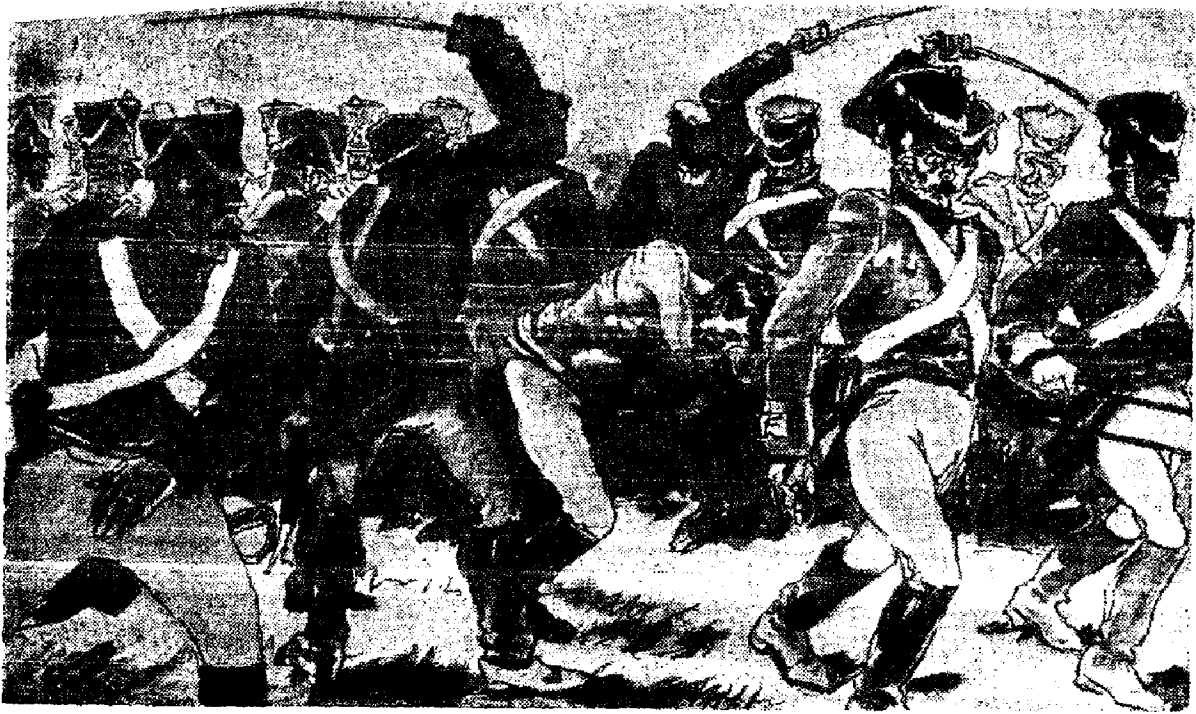
Морское ведомство предпринимает первые попытки создания парового флота. Еще в 1837—1840 гг. несколько офицеров было командировано за границу для осмотра паровых судов. В 1841 г. прибыл первый колесный фрегат «Камчатка», купленный в Нью-Йорке; в 1848 г. — фрегат «Архимед». Начали строить 2 винтовых фрегата и переделывать в винтовые 3 парусных корабля. Механизмы были заказаны в Англии, но только 2 из них успели доставить в Россию, остальные были конфискованы Англией в самом начале войны.

В нарезных штуцерах, появившихся с 1842 г., в начале 50-х годов, сферическая пуля была заменена цилиндрикоконической с двумя выступами; это увеличило дальность боя с 600—700 шагов до 1200. Но штуцера были даны армии в ничтожном количестве: по 26 штук на батальон. Кроме того переделка кремневых замков у ружей и превращение кавалерийских штуцеров в ударные, начатое в конце 40-х годов, шли крайне медленно.

Наряду с техническим перевооружением армии происходит военная и политическая подготовка театра войны.

В 1847—1849 гг. офицеры Черноморского флота составляют подробные лоции (описания) русских черноморских берегов, берегов Румелии и Болгарии, от Босфора до Дуная.

Адмирал Лазарев сооружает «Черноморскую береговую линию» из 12 укреплений, от Анапы до Сухума. Торговым судам решено «в ограждение от хищничества» выдавать из казны оружие и военные снаряды. Всячески поощряется заселение пограничных и прибрежных районов надежными людьми. В 1846 г. купцы, желающие поселиться в Анапе и других пунктах, освобождены на 30 лет от гильдийских повинностей; им дано право вести внутреннюю и внешнюю торговлю, завести фабрики и заводы. Мещане, тор-

«Сквозь строй».

Рис. В. Сварога.

гующие с горцами на Кавказе, приобретают права купцов 3-й гильдии и освобождаются от рекрутства.

Эти местные жители и колонисты рассматриваются как прямой армейский резерв. Набор во флот решено производить из рыбаков, приморских жителей. Учреждаются так называемые Вольные матросские общества, освобождаемые от подати, военного постоя и рекрутской повинности.

Величайшая техническая отсталость, крепостнические оковы связывали по рукам и ногам русскую промышленность, а вместе с ней техническую подготовку к войне. Построенный в 1845 г. в Керчи завод для вылавки руд на донском антраците «не дал результатов».

Правительство обставляло постройку частных заводов множеством полицейских рогаток. В 1849 г. было, например, запрещено учреждение в Москве чугунолитейных заводов и «таких, которые производят горючие химические предметы (!) для безопасности от пожарных случаев и в отвращение дороговизны дров».

Постенский пороховой завод работал на конных приводах. Ни один каменный и частный завод, как и самое иррациональное, не умели строить ни

винтовых судов, ни паровых машин. Каменский завод на Урале оказался не в состоянии произвести ни одной доброкачественной пушки. Обе выпущенные им 36-фунтовые пушки разорвались при первой пороховой пробе в 1854 году. Та же участь постигла две бомбовые пушки. Заказ на 60-фунтовые пушки так и не был выполнен: все образцы разрывались на части при испытании.

Упомянутые выше оборонительные сооружения в Севастополе также оказались лишенными серьезного боевого значения. Начальник Севастопольского гарнизона князь Васильчиков убийственным образом отзывался о них. «На протяжении от Кулен-Балки до Артиллерийской бухты,—писал он,—были возведены в мирное время только три оборонительные казармы небольшого размера и три башни самой странной конструкции. На правом фланге были сооружены 5-й и 6-й бастионы слабой профили, а между ними тянулась изящная по своей постройке оборонительная стенка, не представлявшая, однако, никакой обороны по своей тонкости и непрочности. Как средство обороны все это, в сущности, не годилось ни к чему. Башни разваливались впоследствии от сотрясения, производимого поставленными на них нашими же орудиями, казармы

плохо выдерживали действие падавших на них неприятельских бомб, стенка разрушалась от каждого попадавшего в нее ядра»¹.

Известно, что ни одной железной дороги на юге Россия не имела; телеграф начали проводить только в 1853 году.

Не лучше обстояло дело и со стратегическими планами войны. Николай I в январе 1853 г. наметил стратегический план войны исходя из задачи захвата Константинополя.

«...Сильная экспедиция с помощью флота прямо в Босфор и Царьград,— писал он,— может все решить весьма скоро.

Ежели флот в состоянии поднять в один раз 16 тыс. человек с 32 полевыми орудиями, с необходимым числом лошадей, при двух сотнях казаков, то сего достаточно, чтобы при неожиданном появлении не только овладеть Босфором, но и самим Царьградом...» Этот план даже не был начат осуществлением, так очевидна оказалась его фантастичность.

Совершенно так же обстояло дело и с оперативно-тактическими нормами. Высочайше одобренное «Руководство для боя против турок» характерно стремлением дать твердые нормы для всевозможных боевых случаев; в соответствии с принципами Фридриха Великого боевой порядок, например, должен был строиться непременно в три линии, расстояния между которыми были определены заранее с курьезной точностью. Предписывалось «избегать боя рассыпным строем, строить кучу или каре». При действии ружейным огнем офицерам предписывалось обращать главное внимание на то, чтобы люди приклады вались в пояс и чтобы никто не стрелял в верх. «Чего же ждать от армии (русской.—Н. С.),— указывал Маркс, — которая совсем неспособна развернуть строй или же, развернув строй с большим трудом, не может вновь свернуться в колонны, не вызвав всеобщего замешательства?»².

Одновременно последовало издание морского устава (1853 г.). Началась мобилизация, стягивание войск к границе. Имея по штатам мирного времени армию в 860 тыс. чел., Россия предполагала по военным штатам довести ее численность до 1,4 млн. чел., но обученный запас к началу войны составлял лишь 212 тыс. чел., остальные 328 тыс. чел. должны были быть призваны из новобранцев. 38 тыс. чел. было вызвано из отпуска и был объявлен рекрутский набор.

К началу войны армия насчитывала 953 тыс. солдат и 28 тыс. офицеров; действующая армия располагала 1178 орудиями, 108 тыс. лошадей. На южной границе было предназначено к сосредоточению 138 тыс. солдат.

Накануне военных действий началась широкая агитационная кампания, разжигание патриотических чувств, инсценировка всенародного подъема. Гигантский аппарат духовного ведомства проклинал с амвонов бусурман, посягнувших на ключи от Вифлеемского храма; печать открыла сборы пожертвований; 122 дворянина, повинувшись голосу отечества, поступили добровольцами в армию («под влиянием отчасти патриотизма, отчасти честолюбия», — как едко замечает молодой Толстой). «Демидов представляет все свое имение, двадцать миллионов рублей», — восторгается Погодин. Остальная помещичье-дворянская верхушка тоже не отставала.

«Ручаюсь, — пишет Николай I Наполеону III, — что в 1854 г. Россия явится такой же, какой была в 1812 году»³. «На ты, господи, уповахом, да не постыдимся во веки!» — вещает манифест 19 октября 1853 года.

Армия в действии

На следующий же день после объявления войны турки заняли без боя форт святого Николая и затопили стоявший на рейде русский корабль. Так началась эта кровавая трехлетняя война, стоившая жизни 450 тыс. человек и миллиардов рублей, приведшая к неисчислимым потерям материальных ценностей, война, нанесшая глу-

¹ Цит. по сборнику «Крым», стр. 93.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. X, стр. 548.

³ Бухаров «Россия и Турция», стр. 159.

Муштровка в царской армии.

С французской гравюры.

бокий удар по экспансии царизма, ставшая историческим рубежом в борьбе двух систем.

Чуть ли не на другой же день после начала войны стала обнаруживаться неподготовленность России к большой войне.

На каждый русский снаряд союзники отвечали двумя, и для поражения одного иностранного солдата русские батареи расходовали в среднем не менее 40 снарядов, в то время как союзнические—25. В дни бомбардировки Севастополя (28/III—7/IV 1855 г.) союзники выпускали в день по 30 тыс. снарядов, русские же—10—11 тысяч. И это при условии, что против 130 союзнических орудий действовали 341 орудие с русской стороны! Один из артиллеристов—участник обороны—рассказывает в своих воспоминаниях с подкупающей откровенностью: «Часть артиллерийская была у нас очень плохая; подняли в дело такие орудия, которые, если бы не этот случай, верно лежали бы до второго пришествия в арсенале. Бывало, привезут ядра—и пошла пригонка, годно или не годно, а если и есть зазор в $\frac{1}{8}$

вершка, то моряки-артиллеристы говорили: «Ничего, сойдет». И правда, что ничего: как стукнет, бывало, так в ушах зазвенит; но наносили ли они вред неприятелю—нам известно не было...»¹.

Нужно, вдобавок учесть, что русским пушкам, бившим на 300—600 шагов, противостояли войска, вооруженные штуцерами, т. е. открывавшие меткий огонь на расстоянии 800 шагов. Это обстоятельство еще более подрывало боевое значение русской полевой артиллерии.

Что касается русских ружей, состояния которых мы уже касались выше, то яркое описание их работы в бою дает один из участников кампании. Он пишет: «Пули после двух или трех выстрелов не входили в дуло. Солдаты загоняли пулю, ударяя камнем по шомполу: шомпол гнется в дугу, а пуля не поддается. Колотили, как в кузнице. Солдаты приносили сальные огарки, смазывали пулю, но все не помогало. Ружья, переделанные на нарезные, раздирались по нарезам»².

¹ Цит. по сборнику «Крым», стр. 92.

² Там же.

Шанцевый инструмент для саперных работ отличался красотой и изяществом, но не годился в полевых условиях—солдаты искали у местных жителей тагарские железные топоры. В разгар сооружения севастопольских укреплений, когда остались считанные дни до боев, обнаружилось, что и этого шанцевого инструмента не хватит. Тогда начальник инженеров, генерал Павловский, подал рапорт по инстанции: «...так как сумма на заготовку инструмента весьма значительна, то по статье 505 части IV книги 1 Св. воен. пост. следует произвести торги, а по смыслу ст. 506 той же части и книги вызов к торгам должен быть сделан не раньше, как за полтора месяца до производства торгов, а посему как же быть?»¹.

Русский флот, запертый в Севастопольской бухте, был, как известно, затоплен русским же командованием ввиду его явной бесполезности и угрозы захода в бухту эскадры союзников. Изобретенные Якоби и расставленные в северных водах минные заграждения оказались неудачными и не причинили никакого серьезного вреда неприятельским судам.

Адмиралтейство безостановочно строило новые корабли: за 2 года было построено 14 корветов, несколько канонерских лодок, заложено 8 винтовых кораблей, 3 фрегата и 6 клиперов, но все они были спущены на воду уже после окончания войны...

Снабжение армии и транспорта уже с первых дней стало «узким местом» и обрекало действующую армию на тяжчайшие поражения. «Вы хотите сшить мундирную одежду,—жаловался военный министр князь Долгорукий князю Горчакову (23/XII 1854 г.),—нет рабочих, вы хотите продвинуть ваши грузы—нет обоза, вы хотите фабриковать ружья точного боя—а вам поставляют ружья, которые ничего не стоят или очень посредственные».

На транспортировке грузов было занято 130 тыс. подвод. В Каховке, за 290 км. от Симферополя, вскоре возникла «пробка», которую не удавалось устранить. 30 тыс. полушубков для армии были отправлены в

Крым по почте и дошли до места чуть-ли не в январе. Вместо теплой одежды солдаты кутались в рогожи от сухарных кулей. Цена перевозки доходила до 1—2 коп. с пудо-версты. Распутица сделала дороги непроезжими. Транспорт с продовольствием, вышедший из Перекопа, прошел 134 версты за 34 дня, делая по 4 версты в сутки!

Что же представляли собой военные силы союзников, навстречу которым двигались вооруженные кремневыми ружьями батальоны николаевских крепостных солдат под командой статских генералов Свистуновых и Долгоруких?

Франция, Англия и Турция располагали миллионной армией.

На первом месте в отношении военной подготовки стояли, несомненно, французы. Превосходство найденного Наполеоном и французской армией «единственно правильного тактического и стратегического применения колоссальных вооруженных масс» (Энгельс) в сочетании с новой техникой превращало французскую армию в грозную силу.

Боевой флот союзников, сосредоточенный в Черном море, состоял из 36 пароходов, вооруженных 2449 орудиями, и 27 парусных боевых кораблей, среди которых часть составляли гигантские 2- и 3-палубные суда с 60—100 пушками.

Пользуясь собственным флотом, союзники в течение войны доставили морем за 2 тысячи верст 8—9 млн. пудов артиллерийских и инженерных грузов, не считая продовольствия. Дальность огня судовой артиллерии значительно превосходила дальность русского огня. Когда 10 апреля 1854 г. 8-колесные паровые фрегаты союзников обстреливали Одессу, русские батареи (№№ 4 и 5) не принимали участия в бою ввиду явной недосягаемости противника.

К услугам союзников были все новейшие средства связи: от Балаклавы до Варны был проложен телеграфный кабель, связывавший армию с европейскими столицами. Обосновавшись в Крыму, англичане провели от Балаклавы к лагерю узкоколейную железную дорогу.

Не следует, разумеется, представ-

¹ Свечин «Эволюция военного искусства», стр. 55.

лять армию союзников непобедимой силой. Она имела немало слабых сторон: коалиционный ее характер приводил к трениям и разнобою. Политические соображения нередко вынуждали ее к бесцельному топтанию на месте, обрекали на губительную пассивность. Ее солдаты жестоко страдали от холода и болезней. Но она была сильнее русской армии.

Что касается турецкой армии, то и она несмотря на крайнюю техническую отсталость в сравнении с армиями европейских держав представляла собой серьезную силу. В 1836 г. она подверглась коренной реорганизации по современному образцу на основе плана, разработанного Мольтке. Турция выставила для участия в войне 217 тыс. человек. Правда, обративший внимание только на внешний вид солдат, маршал Сент-Арно нашел после парада армии Омер-Паши у Шумлы, что войска дурно вооружены, дурно одеты и в особенности дурно обуты. Но военные специалисты единодушно указывают, что по своей боеспособности турецкая армия стояла на довольно высоком уровне. Особое значение имело появление турецких войск в Крыму и их соприкосновение с местным татарским населением, что вызвало переход угнетенных царизмом татар на сторону турок. За время осады Севастополя около 30 тыс. татар перешло на сторону союзников.

Бездарность царских генералов — участников Крымской войны — вошла в историю.

16 марта 1854 г. осажденная русскими Силистрия ждала неизбежной гибели, но князь Паскевич приказал «приостановиться до выяснения обстоятельств». 8 июня, за два часа до штурма, он приказал немедленно снять осаду и перейти на левый берег Дуная. «За что мы здесь боремся?» — спрашивал один солдат другого, рассказывает Тотлебен. «Какой ты дурак! — отвечает тот. — Паша хочет сдать Силистрию, а фельдмаршал не хочет ее взять!»

Не лучше велось дело и на Кавказе. 2 ноября 1853 г. отряд генерала Орбелиани двинулся вперед без малейших мер предосторожности и неожиданно наткнулся у села Баяндур на главные силы турецкой армии. Отряд с

Унтер-офицер кавказского саперного батальона.
Художественный листок Тимма. 1856 год.

трудом избежал разгрома и поспешно отступил к Александрополю.

Подобными эпизодами, рисующими полную непригодность командного состава царской армии, полна вся история этой войны.

На фоне этих поражений лживые, казенные реляции об успехах русского оружия даже у правящей верхушки вызвали недовольство. «Отчеты содержат похвалу удивительному порядку и благоустройству», — сердился великий князь Константин Николаевич, управляющий Морским ведомством.

«Как восьмого сентября мы за веру и царя от француз ушли и так храбро отступали, что всех раненых бросали умирать в степи», — ядовито сказано в одной из песен крымских сол-

дат у Герцена. «Требую, чтобы в рапортах ко мне была писана одна правда, как есть, без романов и пропусков»,—приказывал Николай. Высшее военное командование, проникнутое глубоким неверием в силы армии, было неспособно сколько-нибудь широко использовать даже имевшиеся налицо силы и средства. Князь Горчаков писал Меншикову: «Недостаток в способных людях приводит меня прямо в безумие. Без приказанья ни один из моих подчиненных не двинет и мизинцем... Но что такое наши генералы? Призовите одного из них и решительно прикажите ему штурмовать небо, он ответит «слушаю», передаст этот приказ своим подчиненным, сам уляжется в постель, а войска не овладеют и кротовой норкой. Но если вы спросите его мнение о способе выполнения в 15 верст в дождливую погоду, то он вам представит тысячу соображений, чтобы доказать невозможность столь сверхчеловеческого усилия»¹.

В ближайших тылах скоплялась армия поставщиков, спекулянтов, наживал. Интендантские чины и строевые офицеры соперничали в погоне за «выгодными» сделками, брали взятки, торговали краденым казенным имуществом, обсчитывали солдат. Шел, говоря словами Герцена, «систематический грабеж, от которого солдаты гибли более, чем от неприятельского оружия».

Нищенский солдатский рацион рыхлился, и солдаты получали моченые сухари с салом или просто заплесневевшие сухари. Союзники выдавали своим солдатам для борьбы с цынгой апельсины — русские получали хрен.

При осаде Севастополя осажденные вопреки опыту всей военной истории теряли ежегодно гораздо больше людей чем нападающие. В начале июля 1855 г. гибло ежедневно 250 чел., в начале августа—500—700 чел., в день бомбардировки, 25 августа,—25 тыс. чел. За 11 месяцев осады русские потеряли 102 тыс. чел., т. е. больше трети всего числа участвовавших в обороне войск.

Но еще большие потери чем бои приносили эпидемические болезни и

почти полное отсутствие медицинской помощи, превращавшее чуть ли не кажное ранение в смертельное. Из 340 тыс. чел., потерянных русской армией, 220 тыс. умерло от болезней. В 1855 г. на 32 тыс. убитых пришлось 96 тыс., умерших от болезней и ран, или 62 чел. на 1000 солдат в строю. «Приемная зала госпиталя, — пишет проф. Гюббенет, — была набита битком. Лежали не только один подле другого, но даже отчасти и друг на друге. Эта зала была не что иное, как огромный амбар, почти совершенно темный. Несколько темных сальных свечей, дымящихся в руках прислуги, не давали почти никакого света. Со всех сторон раздавались глухие стоны и крики раненых, просивших воды. Но и воды трудно было подать, потому что нельзя было разобрать, кто кричит: чтобы добраться до зовущего, приходилось наступать на множество других раненых»². «Солдаты, — пишет кн. Васильчиков, — сидели и лежали под открытым небом, прикрывая свою наготу окровавленной, твердой, как лубок шинелью, потому что рубахи, а частью и портки были изрезаны на бинты или истрепаны на корпию»³.

Гигантская убыль живой силы вынуждает правительство проводить один рекрутский набор за другим. Характерна при этом неравномерность тяжести набора, падавшей на различные губернии империи. В этом, несомненно, сказывалась линия царизма, гнавшего на убой в первую очередь «инородцев» с западной окраины империи. Несмотря на то что рекруты Прибалтики, Литвы и Польши отличались, по данным медицинских осмотров, наибольшей болезненностью, они призывались в большей мере чем военнo-обязанные внутренних губерний.

Не удивительно, что рекруты-крестьяне «Царства Польского» отвечали на этот свирепый нажим побегам и бунтами. По официальной статистике, Ковенская, Виленская и Минская губернии давали наибольшее число побегов (2—5 чел. из тысячи в местах призыва против 0,7—1,19 в среднем по стране). Из каждых 50 бежавших 47 чел. приходилось на долю крестьян

¹ Свечин «Эволюция военного искусства». Т. II, стр. 29.

² Цит. по сборнику «Крым», стр. 94.

³ Там же.

из губернии западной полосы и 3 чел.—на восточную.

Рекрутские наборы вызывали глухое недовольство и ропот крестьян, доходившие в ряде случаев до открытого неповиновения начальству и даже до восстаний. В Бобровском и Павловском уездах, Воронежской губ., «толпа возмутителей бросилась на солдат», сообщает отчет III отделения за 1855 год. В Нижегородской губернии татары отказывались от поставки ратников в ополчение. В Новоалександровском уезде, Ковенской губ., крестьяне отбивались дубинами и камнями, избили понятого, стреляли в станового пристава. 32 чел. успели скрыться. Штаб-офицер корпуса жандармов задержал их и «довел до сознания в преступлении». При этом дознано, что на них нет рекрутской недоимки и волнение происходило от «невразумлениями правил жеребьевой системы».

Поставленные таким путем в армию, ополченцы были, разумеется, мало боеспособны. Из общего числа бежавших из армии 58% приходилось на долю ополченцев. Дезертирство быстро росло. С 1853 г. по 1855 г., т. е. за два года, количество дезертировавших увеличилось в восемь раз!

Так действовал «новый союзник в лице русских крепостных», о котором писал Энгельс: «Борьба, которая разгорелась теперь в России между господствующим классом и поработенным классом сельского населения, уже теперь подрывает основы всей системы русской внешней политики»¹.

Разгром армии царизма

Бесперывные пополнения и переформирования разрушили даже ту призрачную организацию, которая существовала в армии в начале войны. Корпуса раздробились, действующие войска перемешались с резервными, запасными и ополчениями, армии и дивизии приняли характер сборных отрядов — Россия не имела больше сил для войны.

«Если бы мы продолжали борьбу,— писал кн. Горчаков, — мы лишились бы Финляндии, Остзейских губерний, Царства Польского, западных губер-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XII, ч. 1-я, стр. 246.

Ополченец.
Художественный листок Тимма. 1855 год.

ний, Кавказа, Грузии и ограничились бы тем, что некогда называлось княжеством Московским».

Резервы правительства быстро таяли. Но несмотря на это лучшие части посылались в первую очередь не на фронт, а сохранялись для борьбы с «внутренним врагом». Так например гренадерскую дивизию передвинули сначала из Новгорода в Польшу и лишь затем — на Перекоп. Тем не менее новые штуцера были посланы не на фронт, а в гвардию. «Штуцеров мы поджидаем, да гвардейцы их забрали, видно, им нужней», — говорит песня крымских солдат.

Новое оружие союзников заставило Россию выдвинуть на театр воен-

ных действий до 2 млн. человек. К началу 1856 г. в армии состояло 1770 тыс. солдат, 170 тыс. регулярных войск, 370 тыс. ополчения и 80 тыс. во флоте. Это был переход к массовой армии нового времени. Но такую массовую армию нельзя было поставить на ноги при рекрутской системе и 25-летнем сроке службы. Нужна была полная перестройка всей военной системы. Более того: «Россия не может, — писал Энгельс, — поднять своей военной силы с 2,3% до 5%, не произведя предварительно полного переворота во всей своей внутренней социальной и политической организации и, особенно, в своем производстве...»¹.

Если для Николая и высшего военного командования было недоступно понимание подлинных причин поражения, то отдельные, наиболее дальновзоркие представители господствующего класса догадывались о них. Один из таких «думающих» дворян, адмирал Нахимов, говорил в беседе с молодыми офицерами: «Пора нам перестать считать себя помещиками, а матросов — крепостными людьми. Матрос есть главный двигатель на военном корабле, а мы только пружины, которые на него действуют. Страх подчас хорошее дело, но согласитесь, что ненатуральная вещь — несколько лет работать напропалую ради страха»². «Вольнодумство» Нахимова очень невелико: он имел в виду воссоздание во флоте «отеческих», патриархальных отношений, а не осуществление демократических свобод, но и в его предостережении насчет крепостных звучит понимание той истины, что «эмансипация (крестьянства. — К. С.) от феодальных и цеховых пут является необходимым условием для возникновения нынешних колоссальных армий»³.

Парижский конгресс в марте 1856 г. положил конец трехлетней войне. Россия вынуждена была подписать позорный мир.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VIII, стр. 462.

² См. статью Зарудного «Фрегат Бальчик» в «Морском сборнике» за 1856 год.

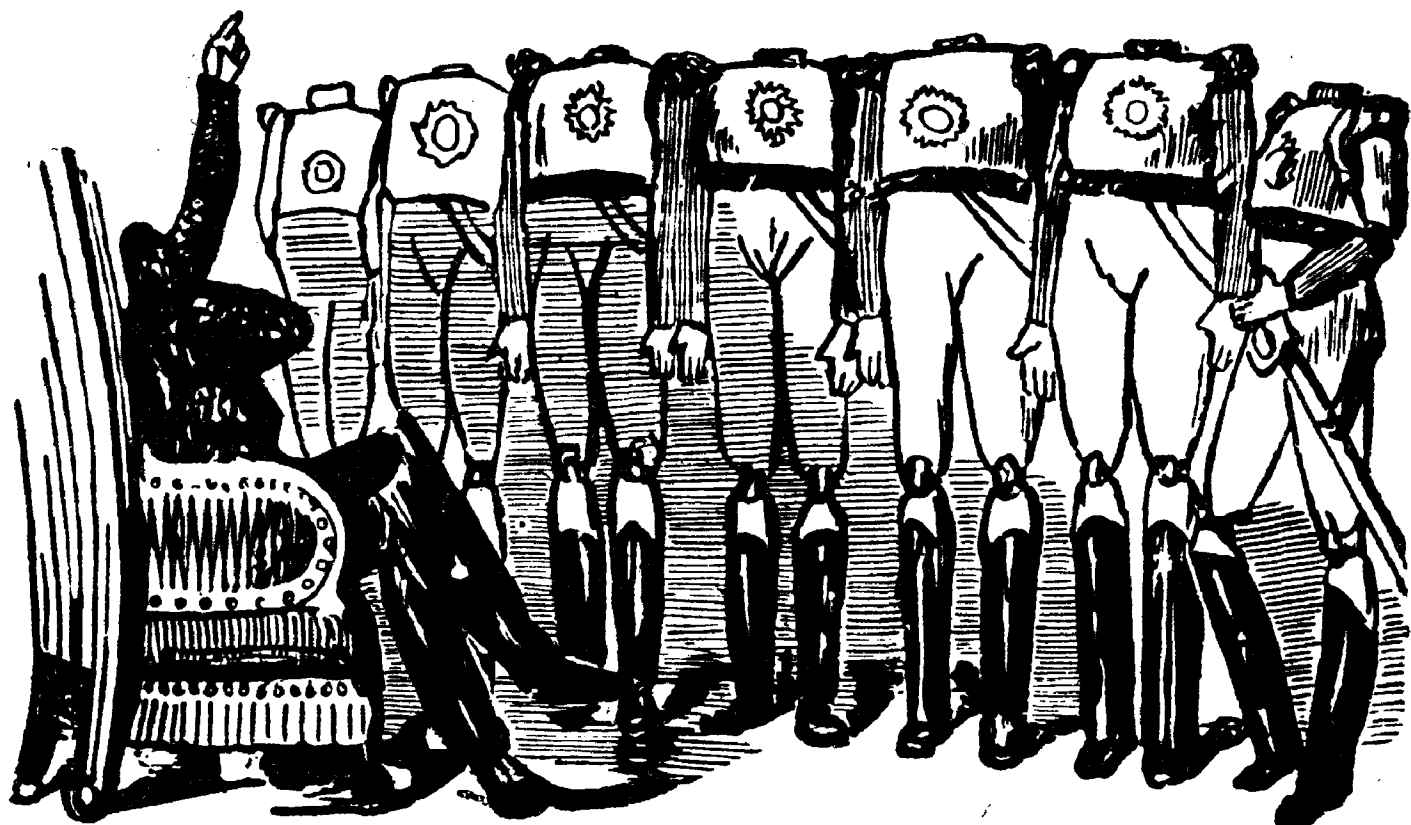
³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VIII, стр. 456.

Недешево обошлась ей эта война — 12 млрд. руб. прямых военных расходов, не считая полумиллиардных убытков натурой. Сюда нужно прибавить убытки от «моральной амортизации» вооружений. Достаточно, например, указать, что за 30 лет царствования Николая I построено 844 военных корабля и на морское ведомство израсходовано 646,4 млн. руб.; первые же столкновения с союзническим паровым флотом показали непригодность парусных судов в современном бою, и если затопленные на Севастопольском рейде фрегаты нашли себе могилу на морском дне, то остальные корветы, шхуны и бриги — эта гордость русского флота — скоротали свой век на приколе, в старых бухтах, у ржавых чугунных колец.

Война нанесла тяжелый удар внешней торговле России: вывоз за годы войны упал со 147 млн. руб. до 39 млн. Торговый баланс, сведенный в 1853 г. с активом в 45 млн. руб., резко ухудшился. В 1854 г. пассив составил 3 млн. руб., в 1855 — 33 млн.

Человеческие потери явились наибольшими во всей истории России. Самая кровопролитная война — Северная — стоила 120 тыс. убитых, за весь XVIII в. было потеряно 346 тыс. чел., а за два с половиной года Крымской войны потеряно 340 тыс. убитыми, больными, ранеными и безвестно пропавшими. В войне последовательно участвовало свыше 1,3 млн. человек.

Военный крах не мог не оказаться началом глубокого политического кризиса. Война передовых стран с отсталой сыграла и на этот раз, говоря словами Ленина, «великую революционную роль». Поражение в Крымской войне, помимо изменений в политике (реформы 1861 г.), толкнуло царское правительство на поиски лучших форм организации войска, его технического перевооружения. Уже в 1856 г. была введена ударная шестилинейная винтовка с конической пулей Минье. С лихорадочной поспешностью были начаты закупки американского дуба, ценного леса, винтовых механизмов и оружия для постройки пароходов. В 1866 г. в Черном море насчитывалось уже 12 пароходов. Солдат одели в длиннопольные мундиры и кепи по французскому образцу. Началась уси-

Николай I и его гвардия.

Карикатура Гюстава Доре. 1854 год.

ленная «преобразовательная» деятельность.

Приступили к широкому строительству железных дорог. «Армия погибла, — говорит Энгельс, — от гигантских размеров страны, от продолжительных переходов до театра войны; необходимо было уничтожить колоссальные расстояния, построив сеть железных дорог, отвечающую стратегическим целям». «Поражения во время Крымской войны показали необходимость быстрого промышленного развития для России»¹.

Но полная перестройка всей военной системы неизменно откладывалась. Ряд выступлений видных военных деятелей (например командира гвардейских и гренадерских корпусов генерал-адъютанта Редигера с докладной запиской Александру II о необходимости реформ в армии) оставался безрезультатным. Половинчатый характер буржуазных реформ 1861 г. и сохранение политической власти в руках помещиков определили топтание самодержавия на месте в вопросе о реорганизации военной системы.

Крымское поражение уничтожило ореол непобедимости, окружавший грозные полчища николаевской России. Армия царизма перестала играть в расчетах наиболее дальновидных по-

литических деятелей Европы роль международной жандармерии, способной «восстановить равновесие» в любом уголке Европы. «Европа, — пишет генерал Жомини, — утратила знамя, около которого она группировалась в течение 40 лет ради защиты принципов порядка против революции»².

Через 50 лет царизм потерпел новое поражение в столкновении с японским империализмом. Ленин писал тогда: «Бюрократия гражданская и военная оказалась такой же тунеядствующей и продажной, как и во времена крепостного права. Офицерство оказалось необразованным, неразвитым, неподготовленным, лишенным тесной связи с солдатами и не пользующимся их доверием. Темнота, невежество, безграмотность, забитость крестьянской массы выступили с ужасающей откровенностью при столкновении с прогрессивным народом в современной войне, которая так же необходимо требует высококачественного человеческого материала, как и современная техника. Без инициативного, сознательного солдата и матроса невозможен успех в современной войне. Никакая выносливость, никакая физическая сила, никакая стадность и сплоченность массовой борьбы не могут дать

¹ Ф. Энгельс «О России», стр. 36, 33. Изд. «Пролетарий». 1924.

² Жомини «Россия и Европа в эпоху Крымской войны». «Вестник Европы» №№ 1—10 за 1886 год.

перевеса в эпоху скорострельных малокалиберных ружей, машинных пушек, сложных технических устройств на судах, рассыпного строя в сухопутных сражениях.

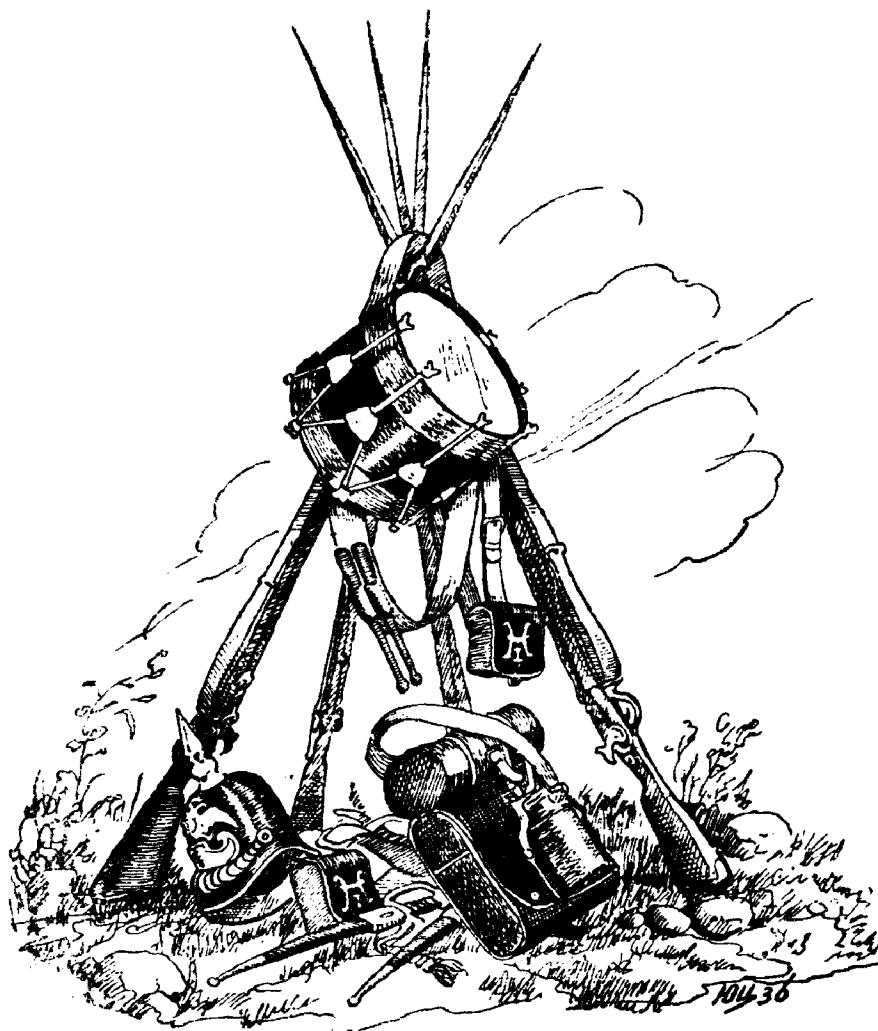
Военное могущество самодержавной России оказалось мишурным. Царизм оказался помехой современной, на высоте новейших требований стоящей, организации военного дела...»¹.

Царизм, приведший Россию к поражению в Крымской войне и в столкно-

¹ Ленин. Т. VII, стр. 47. (Разрядка моя. — К. С.).

вении с японским империализмом, поставивший англо-французским капиталистам солдат в годы мировой империалистической войны 1914—1917 гг., привел Россию на грань хозяйственной катастрофы, распада и потери национальной независимости.

Пролетариат, взявший под руководством партии Ленина—Сталина власть в октябре 1917 года, спас страну от прозившей гибели и создал на обломках царской России неприступную твердыню социализма, защищенную непобедимой, лучшей в мире Рабоче-крестьянской Красной армией.

АФРИКАНСКАЯ АВАНТЮРА ЦАРИЗМА* (1888—1889)

1

Поражение России в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. приводит в 80-х годах к краху монархического русско-австро-германского союза и глубоко обостряет отношения России с Австрией. Германия еще несколько лет маневрирует в отношении России, но в начале 1887 г. демонстративно публикует свой секретный «оборонительный» договор 1879 г. с Австрией против России.

Многолетняя русско-германская дружба окончилась. Для России стал вопрос о новом союзнике. На роль такого союзника, широко развертывая финансовую помощь, охотно идет Франция, но Россия еще колеблется. Однако ее изолированность становится все более опасной. Самый мощный враг России — Англия — попрежнему грозно преграждает путь в Средиземное море и Среднюю Азию. Отношения с Англией делаются все более напряженными: Россия продвигается к подступам Индии, Англия развертывает большую активность против России в Персии.

В борьбе против Англии, своего главного врага, царизм был готов использовать любые возможности. Александр III самым серьезным образом рассматривал даже такие нелепые проекты, как предложение какого-то таинственного субъекта засыпать Суэцкий канал, отвести пресную воду от

столицы Египта и прочую чушь. Неудивительно, что предложение забрать в Абиссинию и сделать ее базой для борьбы против Англии с тыла, на участке, наиболее для нее чувствительном, нашло у царя благосклонный прием.

Первые шаги России к обоснованию в Абиссинии относятся еще к 50—60-м годам XIX века. Колонизаторская деятельность царского правительства в Абиссинии началась с посылки туда церковных миссий и монахов для «обращения абиссинцев в православных». Проводилось это при посредстве архимандрита Порфирия, бывшего в 50—60-х годах начальником русской миссии в Иерусалиме. Порфирий получал от царского правительства крупные суммы денег для «распространения православной веры среди эфиопов» и посылал в Абиссинию царских агентов под маской «монахов».

Однако эта деятельность Порфирия оказалась неудачной, и дело заглохло. Позднее, в 1877—1878 гг., по инициативе абиссинского церковного министра при короле Менелике предпринимались шаги к тому, чтобы на освободившийся епископский престол в Абиссинии посадить представителя русского духовенства. Но на этот раз царизм активности не проявил, и предложение это успеха не имело.

Спустя несколько лет абиссинский вопрос был поднят в новой форме.

В 1885 г. русский поверенный в делах в Берлине граф Муравьев сообщал в секретной телеграмме:

«Под большим секретом Бисмарк¹ обращает внимание на то, что в случае нарушения Италией трактата 1857 г. Россия могла бы, может быть, этим воспользоваться и занять, если бы Массуа уже не была свободной, какой-либо другой пункт на Красном море, близ Абиссинии»².

Но тогда царизм на это дело не пошел, справедливо подозревая, что задняя мысль Бисмарка, специалиста по использованию противоречий между другими странами в своих интересах, была направлена к тому, чтобы, толк-

* Статья написана на основе документов, хранящихся в ленинградском отделении Центрархива, в фондах «святейшего» синода, морского министерства и министерства юстиции.

¹ Бисмарк — канцлер Германии с 1871 по 1890 год.

² «Дневник В. Н. Ламздорфа», стр. 132. ГИЗ. 1926 г.

нув Россию в африканские дела, выгадать что-нибудь для Германии в европейских делах.

В 1886 г. с новым предложением пробраться в Абиссинию выступает известный русскому правительству авантюрист Н. И. Ашинов.

Необходимо дать краткие биографические сведения об этом «государственном деятеле». Секретные материалы министерства внутренних дел, юстиции и иностранных дел рисуют его в следующем виде.

Уроженец Терской области, сын царицынского купца, Ашинов в 1886 г. был, в возрасте 30 лет. Уже в юношеские годы в Царицыне он проявлял довольно воинственные наклонности, захватив спорный между ним и городским самоуправлением островок, лежащий на Волге, против города. Затем, в 70-х годах, Ашинов самовольно оставил Россию и удрал в Турцию. Там он нашел ранее бежавших из России соотечественников, живших на положении вольных казаков, и, устроившись у них есаулом «гулевой сотни», сопровождал и конвоировал караваны.

В начале 80-х годов Ашинов с небольшим отрядом пробирается обратно в Россию и в 1883 г. предлагает главнокомандующему на Кавказе князю Дундукову-Корсакову свои услуги по организации поселений из вольных казаков близ границы для защиты ее от врагов. Князь принял предложение Ашинова и сделал начальнику края соответствующие указания.

Весной 1884 г. в Кутаисский округ начали прибывать переселенцы, набранные Ашиновым из крестьян Полтавской губернии. Из них Ашинов организовал станицу, назвал ее Николаевской и объявил поселенцев «вольными казаками», а себя — их «атаманом». Никакого другого начальства он приказал не признавать. Эти действия приводят Ашинова к конфликту с местными властями. Ко всему этому Ашинов присвоил полученные им для впавших в нищету поселян ссуду в размере 1750 рублей и 200 пудов муки. В результате ему пришлось бежать.

В 1885 г. Ашинов появляется в Петербурге и Москве, где с ним знакомится тайный английский агент и

предлагает поступить на службу к английскому правительству. От Ашинова требовалось набрать отряд и организовать порчу Закаспийской железной дороги и провезти оружие из Турции к кавказским горцам. Ашинов с разрешения поставленных им в известность русских властей соглашается и, получив от английского агента 1 тыс. ф. ст. в Петербурге, 2 тыс. ф. ст. в Москве и 1 тыс. ф. ст. в Одессе, выезжает с англичанином в Константинополь. Там он получил еще 10 тыс. ф. ст., набрал несколько человек и вместо Закаспийского края осенью 1885 г. уехал в Абиссинию. Точных сведений о количестве ашиновских спутников в Абиссинию не имеется.

Вскоре после этого в русской и иностранной печати начали появляться сообщения о том, что в Абиссинии Ашинов основал русское поселение.

Царизму представлялся теперь более удобный предлог организовать колониальную авантюру в Абиссинии. Поэтому, когда Ашинов собрался в Россию в 1886 г., где он подлежал, по закону, немедленному аресту, Александр III отдает личное распоряжение, по которому дело об Ашинове изымается, и он свободно приезжает в Петербург.

2

Начинает разрабатываться проект снаряжения экспедиции с целью захвата какого-либо из не занятых еще европейцами портов на Красном море, чтобы устроить там стоянку русского флота и завязать оттуда торговые и политические сношения с Абиссинией.

Все это должно было проходить под флагом установления связи с «единоверными» абиссинцами.

За кулисами этой новой авантюры царизма становятся такие видные лица, как оберпрокурор святейшего синода К. П. Победоносцев, морской министр И. А. Шестаков, командующий императорской главной квартирой генерал-адъютант О. Б. Рихтер, известный нижегородский генерал-губернатор Н. М. Баранов и сам Александр III.

В 1887 г. Ашинов едет на весеннюю нижегородскую ярмарку и при содействии генерала Баранова ведет с ку-

печеством переговоры, раскрывая перед ними заманчивые перспективы открытия для русских товаров рынков в Абиссинии. Для организации экспедиции успешно собираются средства. Один только московский купец А. Г. Кузнецов ассигновал 25 тыс. рублей.

Русская церковь, всегда игравшая активную роль в колониальных предприятиях царизма, оказывает и абиссинскому делу всяческое содействие. «Смиренный» Исидор, «митрополит новгородский, с.-петербургский и финляндский», 15 июля 1887 г. выдал Ашинову «храмосданную грамоту», в которой писал:

«...Благословляю достопочтенному атаману Николаю Ивановичу Ашинову с состоящему при нем обществу русских казаков соорудить на занимаемом ими в Абиссинии месте святую православную церковь»¹.

Дальше события рисуются в следующем виде. 24 марта 1888 г. из Одессы отправляется пароход Добровольного флота «Кострома» со специальным заданием морского министерства подыскать подходящий для занятия свободный еще порт на Красном море, вблизи Абиссинии. В Константинополе «Кострома» забрала на борт Ашинова с навербованными им 14 «колонистами» и взяла путь на Владивосток. В ночь на 6 апреля тайком, с притушенными огнями, «Кострома» проскользнула из Красного моря в Теджурский залив и днем 6 апреля высадила Ашинова с его спутниками у поселка Теджури.

По произведенном на месте обследовании капитан «Костромы» лейтенант Ивановский установил как прекрасные качества бухты, так и то, что она еще не захвачена никаким европейским государством. В своем официальном рапорте и письме, написанных по возвращении из плавания, лейтенант Ивановский писал о Теджури как о бухте, «находящейся под самостоятельным управлением своего султана» (из рапорта).

«Султан Магомет-Сабех и его народ, — сообщал Ивановский, — независимы и принадлежат к одному из кровожаднейших и свирепых племен и

наводят на окружающих ужас» (из письма).

«Владения его (султана. — Д. Ч.) тянутся от Обока почти до Абиссинии на запад и, огибая залив Теджурек, идут к югу и врезаются во внутрь Центральной Африки. Сбоку — владения племени самаули. Я тотчас заключил с султаном дружественный словесный договор о покровительстве русским, подарил ему наш добровольный флаг... старый зонтик, кусочек ковровой дорожки, японский деревянный веер и мое старое теплое одеяло; угощение состояло из лимонада.

Он обещал за 1 тыс. реалов снарядить Ашинову караван из 12 верблюдов, дать караван-баши... и поклялся и подал мне руку в том, что не причинит до границы Шоа, в пределах своих владений, никакого вреда каравану» (из рапорта)².

Спустя некоторое время газеты возвестили о том, что на берегу Красного моря ашиновскими казаками основана колония «Новая Москва» и что на празднование 900-летия крещения Руси из Абиссинии едут посланные негусом 2 монаха.

Получив секретную депешу от русского посла в Константинополе А. И. Нелидова от 2/14 июня 1888 г. о следовании в Россию абиссинских монахов, министр иностранных дел Гирс 8 июня сообщает об этом К. П. Победоносцеву, по указанию которого с необычайной быстротой, уже 11 июня, состоялось определение синода о допущении монахов в Россию.

Монахи привезли послание, датированное 15 мая 1888 г., в котором на арабском языке архимандрит абиссинского монастыря в Иерусалиме Георгий Мемхер Валюдесемнец писал Победоносцеву:

«Генерал из генералов!

Великий человек и близкий советник православного великого царя, вельможа Константин Петрович! Поддай тебе много лет здравия! Трижды поклон! Духом единсверия Абиссиния желает быть вместе. Под вашу сению жить желаем. Желаем, чтобы ваш царь был нам защитником»³.

¹ Фонд канцелярии синода. Секретный отдел. Д. № 334, л. 4, гл. I. 1887.

² Фонд канцелярии синода. Секретный отдел. Д. № 334, л. 38—42, гл. II. 1888.

³ Фонд канцелярии синода. Д. № 180, л. 11. 1888.

«Царское правительство не принимает никакого участия в «частных» предприятиях атамана Ашинова».

Абиссинские монахи были «удостоены высочайшего приема», и каждому из них Александр III приказал выдать по 500 рублей.

Начинается еще более энергичная подготовка экспедиций. По секретному распоряжению морского министра Шестакова, для Ашинова на канонерской лодке «Уралец» из арсенала в Николаеве доставляется в Одессу 97 ящиков оружия, среди которого — 5 скорострелок «гатлинг». Для доставки в Теджури экспедиции и грузов (уголь и товары) готовится специальный пароход Добровольного флота «Москва».

Но нужен еще и другой авантюрист — в рясе, который должен прикрывать все это дело церковным крестом, поскольку экспедиция снаряжается под видом «духовной миссии». Ашинов быстро находит такого «подходящего человека» — монаха Паисия, подвизавшегося до этого в Констан-

тинополе. По соглашению с синодом он был доставлен Ашиновым в Петербург и немедленно причислен к местной епархии. 13 августа в Александро-Невской лавре Паисий был торжественно посвящен в архимандриты.

Чтобы ясно представить себе, как нетребователен был синод к этой фигуре, которая предназначалась для специальных целей, приведем выдержку из секретного отношения товарища министра внутренних дел генерала Шебеко, переданного оберпрокурору синода за 2 дня до посвящения Паисия в архимандриты. Характеризуя Ашинова как жулика, генерал Шебеко пишет о Паисии:

«...обманам Ашинова содействует находящийся ныне на Афоне бывший эконом Пантелеймоновского подворья в Константинополе, монах Паисий, который, по тем же сведениям, оказался беглым скопцом, присужденным 12 лет тому назад симферопольским окружным судом вместе со 140 другими скопцами к ссылке в Сибирь на поселение и бежавшим затем в Турцию с чужими документами»¹.

Дополним сведения о Паисии еще одной деталью: он был абсолютно неграмотен, не умел ни читать, ни писать.

Как видим, фигура «архимандрита» Паисия оказалась вполне подходящей для «просветительской» миссии.

¹ Так авантюрист-разбойник и авантюрист-церковник возглавили абиссинское предприятие царизма.

3

Нужно указать, что абиссинская затея с самого начала встретила сопротивление со стороны министерства

¹ Фонд канцелярии синода. Д. № 180. л. 23. 1888.

иностранных дел, возглавлявшегося Гирсом, который, являясь сторонником более осторожной политики, боялся этой опасной авантюры. Возможную новую войну он рассматривал как роковую угрозу для существования монархии, опасаясь в случае неудачной войны революции.

Военный же министр П. С. Ванновский рассматривал внешние авантюры как выход из внутренних затруднений. Его точку зрения разделяли и упомянутые выше генерал Рихтер, генерал Баранов и др. Генерал Баранов, например, писал Победоносцеву 20 сентября 1888 года:

«Примите к сердцу дело двух разбойников: Ашинова и Баранова (о себе.—Д. Ч.). Крепко уверен в том, что при помощи божией много путного выйдет для России.

Прилагаю записку на имя государя. Не откажите послать ее его величеству и помогите успеху. Хорошо зная Н. К. Гирса или, вернее, его осторожность, граничащую с трусостью, и его бездарного советника космополита Миртенса, я, против воли моей, проектирую начать дело овладения Телжурским заливом под маской и фирмой частной компании. Конечно, не боясь я влияния всего боящихся наших дипломатов, я много предпочел бы роль командира-губернатора, посланного царем, роли управляющего частной компанией, посылаемого купцами»¹.

Здесь перед нами вскрывается типичный для всех колонизаторов метод маскировок — захват чужих территорий под видом торговой компании. За торговыми компаниями обычно следуют войска.

Сам Ашинов в более позднем письме Александру III (от 21 ноября 1888 г.), испрашивая оружия и 5 тыс. золотых «для охраны будущей русской угольной станции на Индийском океане», давал заманчивое для царя обещание:

«...За все тебе, великий государь, отслужим, и умрем с честью за тебя и Россию, и не посраим имени русского, и, бог даст, твоя царская корона увенчается еще драгоценным африкан-

ским камнем и жемчугом для славы России».

В другом письме (Победоносцеву, от 18 декабря 1888 г.) Ашинов делает любопытные обоснования необходимости захвата Абиссинии и приобретения порта на Красном море:

«...Порт этот нужен для России, и из него всегда можно англичан и других врагов уважать (в смысле военного нападения.—Д. Ч.). Кто был в этом порте (речь идет о Теджури.—Д. Ч.), тот может судить о нем по его военному положению. Не даром все европейцы стараются, чуть не в драку, занимать на этом всемирном пути места. Почему же России не занять? Нам еще нужнее, если мы развиваем торговлю с Востоком, как с Владивостоком. А Абиссиния—это ключ всего Египта и Африки, и кто будет владеть Абиссинией, тот будет владеть и всемирным путем. И политическую тяжесть, без нашей, конечно, дипломатии, можно всегда перенести вместо Балканского полуострова на африканскую сторону»².

Начиная с августа 1888 г. к вышеупомянутым организаторам абиссинского предприятия через министерства внутренних и иностранных дел поступают предупреждения о том, что для официальной экспедиции в Абиссинию почва еще не подготовлена и потому дело может провалиться.

В уже процитированном выше секретном отношении генерала Шебеко от 11 августа оберпрокурору синода сообщается, что проживающий в Константинополе доктор Сергей Кантемир, сопровождавший Ашинова во время первой его экспедиции в Абиссинию, прислал на имя одесского градоначальника заявление, в котором утверждает, что сообщенные Ашиновым сведения об основании им в Абиссинии станицы «Москва» «есть вымысел, сочиненный с целью побудить московское купечество доставить ему денежные средства»³.

9 сентября товарищ министра иностранных дел препровождает прокурору синода более подробные сведения.

В секретном донесении от 11 авгу-

¹ Фонд канцелярии синода. Д. № 334, л. 5, гл. II.

² Там же, л. 10.

³ Там же. Д. № 180, л. 23.

Для чернокожих единоверцев сойдет и такой архимандрит.

ста 1888 г. управляющего дипломатическим агентством в Египте, коллежского асессора Щеглова, сообщалось о прибытии из Абиссинии в Каир доктора Паризиса, который при свидании с Щегловым указал, что газетные статьи представляют деяния Ашинова в Абиссинии в совершенно искаженном виде:

«Д-р Паризис, находившийся в 1886 г. во время поездки Ашинова в Абиссинию при короле Иоанне, утверждает, что последний не принял казака (Ашинова. — Д. Ч.) и... приказал, не пуская его далее Адуа, выпроводить вон из Абиссинии... Что же касается Рас-Аллула, то он будто бы отнесся к Ашинову как русскому ласково, принял подарки, но никаких почестей не оказывал и вскоре предложил, исполняя приказание короля, покинуть страну, что Ашинов и сделал...

Затронув затем вопрос о духовной миссии, посланной в Россию, будто бы самим негусом по поводу недавнего киевского торжества (900-летия крещения Руси.—Д. Ч.), доктор выразил убеждение, что монахи эти действуют помимо воли и без ведома короля Иоанна... К тому же в невежестве своем он (негус.—Д. Ч.) не мог знать о значении готовящегося в Киеве торжества, да и лишен был ввиду итальянской блокады возможности иметь какие-либо сношения с абиссинским подворьем в Иерусалиме, откуда выехали монахи. Следовательно, последние не могли получить на то его приказания. Г. Паризис полагает, что во всем этом кроется какая-то мистификация, изобретенная Ашиновым»¹.

Аналогичные предупреждения поступают и через другие источники. Эти предупреждения замедляют подготовку экспедиции, но не приостанавливают ее. Что Ашинов жулик, — это правительству было известно давно и достаточно хорошо. Тот же генерал Баранов в письме к Победоносцеву от 2 октября 1888 г. характеризует Ашинова таким образом:

«Ашинова я хорошо знаю. Это из числа людей, которыми можно, в известной степени, пользоваться, но которым верить было бы делом рискованным»².

Но царизм не избегал пользоваться услугами таких личностей.

Что же касается поселения в самой Абиссинии, то пусть даже существование его сомнительно, зато правительство хорошо помнит о занятии ашиновцами территории в Теджури.

Однако скоро наносится удар и по этой позиции. В секретном донесении посла в Константинополе Нелидова от 7 ноября за № 651 на имя Гирса сообщалось, что апрельское предприятие с учреждением Ашиновым казачьей станицы в Теджури провалилось. Те немногие люди (русских 7 человек), которые были туда завезены на «Костроме» и оставлены Ашиновым без средств к существованию, разбежались. К донесению были приложены

¹ Фонд канцелярии синода. Д. № 334, гл. II, л. 26—27.

² Там же, л. 54.

протоколы допроса двух таких беглецов — Самусеева и Шелепенко.

Сообщение Нелидова докладывается царю. Резолюция царя: «Сообщите все это Чихачеву¹ и Победоносцеву»².

Ознакомившись с материалами министерства иностранных дел, инспектор Добровольного флота полковник Вахтин, занимавшийся снаряжением экспедиции по линии Добровольного флота, пишет 16 ноября Победоносцеву:

«В том виде, в каком представляется дело, по сведениям министерства иностранных дел, оно не оправдывает предположенных мер. Быть может, вопрос стоял бы иначе, если бы Ашинов, согласно своему обещанию, своевременно вернулся в колонию с новым контингентом колонистов и прочно утвердился в Теджури. В настоящее же время, как видно, разбежались и те немногие пассажиры, которые были ранее высажены там, и возвещенного как Ашиновым, так и газетами русского поселения в Теджури в действительности не существует.

При подобных условиях не высадка пассажиров в попутном порту, как это было в апрельский рейс парохода «Кострома», а специальная посылка парохода в Теджури и притом с грузом угля для учреждения там склада была бы равносильна попытке к завладению чужой территорией, что, очевидно, не может быть исполнено без особого о том распоряжения высших властей»³.

Принимается решение придать экспедиции характер исключительно частного предприятия Ашинова, устранив от этого дела правительство. Это решение очень четко сформулировано в записке генерал-адъютанта Рихтера:

«Какой там нинаесть Ашинов, а дело само стоит того, чтобы его не бросать. Донесение командира «Костромы» прямо указывает на превосходные качества бухты. Вопрос в том, как и кем заселить побережье, кому разрешено будет клич кинуть, чтобы собрать буйные элементы, не находя-

щие себе места дома, а там могущие сослужить важную службу матушке России.

Ашинов уверяет, что он может легко набрать человек 2 тыс., но не врет ли он? Весь вопрос именно кроется в том, можно ли ему доверять или нет. До сих пор он более на словах действовал; какая гарантия, что он исполнит обещание?

Оружие, кажется, приказано выдать, недостает только денег. Признаюсь, я бы решился рискнуть 3 тыс. золотых. Выгорит — и слава богу, пропадут — ну что ж, где наше не пропадало...

Только этим путем, т. е. поддерживавши взвремя кучку флибустьеров, оставляя правительство в стороне, можно достигнуть результата... Вот, дяденька⁴, мой взгляд.

О. Р.»⁵.

Специальный (прямо в Теджури) рейс парохода «Россия» (сначала был назначен пароход «Москва») отменяется. Погруженное на «Россию» имущество экспедиции сгружается. Намечаются другие пароходы, которые должны доставить ашиновцев только до Порт-Саида (попутно, как частных пассажиров).

По прямым указаниям Победоносцева, Паисия обстоятельно инструктируют в соответствии с «новыми» установками экспедиции. Газеты замолкают. Но организаторы абиссинского предприятия недовольны тем оборотом, которое дело получило в связи с материалами министерства иностранных дел. Генерал Баранов, например, в письме к Победоносцеву от 30 ноября писал по этому вопросу:

«Простите, что снова возвращаюсь к Ашинову. Жалобы на него Нелидова и Гирса меня несколько не удивляют. Слишком хорошо знаю манеру наших великих деятелей никогда не относиться к делу по существу его, а лишь обсуждать его с анекдотической стороны. Быть может, началом моих действий в Абиссинии была бы постановка виселицы для Ашинова. Что

¹ Морской министр Шестаков в ноябре умер, на его место был назначен Н. М. Чихачев.

² Фонд канцелярии синода. Д. № 334, л. 43 — 45.

³ Там же, л. 25.

⁴ Записка находится в делах Победоносцева, но указания о том, кому она адресована, не имеется. Можно только догадываться, что «дяденькой» Рихтер называет Победоносцева.

⁵ Фонд канцелярии синода. Д. № 334, ч. II, л. 58 — 59.

Ашинов плут,—это многие знают, но из-за этого странно не воспользоваться берегом Черного моря и не завязать сношений с Абиссинией. Самая безгливость к плутам и злодеям становится сомнительной с момента назначения Чихачева министром. Плоды же неподкупных и прозорливых мужей все более и более окружают Россию»¹.

Сам царь, видимо, не доверял материалам министерства иностранных дел и приказал послать в Теджурский залив канонерскую лодку и пароход Добровольного флота для проверки донесения константинопольского посла на месте².

4

10 декабря 1888 г. на пароходе Добровольного флота «Корнилов» ашиновская экспедиция отплыла из Одессы по своему маршруту. Об отплытии экспедиции, совершенном при торжественном богослужении в присутствии самого градоначальника, в русской печати не было почти никаких сообщений. Но это было слишком наивно. Мирская печать широко сообщает о каждом шаге «атамана вольных казаков». И маска незаинтересованности в «частном» предприятии Ашинова, неуклюже надетая русским правительством, никого не обманывала, затрудняя лишь дела экспедиции. В Константинополе пароход чуть ли не арестовали (было хорошо известно, что он везет оружие), а в дальнейшем ашиновцы продвигаются под бдительным наблюдением иностранных агентов, английских и итальянских в первую очередь.

В Порт-Саиде экспедицию высадили, и Ашинов несколько дней ожидал попутного иностранного парохода. Расположенный на двух баржах ашиновский отряд представлял довольно пестрое зрелище: было здесь несколько дворян, офицеров, монахов, были мещане, крестьяне. Часть этих людей искала приключений и славы, часть отправлялась «за счастьем», бежала от дикой нужды и бесправия. Но подавляющее большинство составляли люди без определенных занятий: во-

¹ Фонд канцелярии синода. Д. № 334, гл. II, л. 57.

² Фонд морского министерства. Д. № 28, л. 17 и 22, 1888.

ры, жулики и другие темные личности.

Естественно поэтому, что городок наполнился пьяными песнями и драками ашиновской вольницы, бродившей по улице в монашеских рясах. Картина была довольно оригинальной.

Лишь через несколько дней Ашинову удалось зафрахтовать австрийский пароход «Амфитриду», и 24 декабря он отправляется дальше. Начиная от Порт-Саида «Амфитриду» сопровождает итальянская канонерка «Барбариго» с довольно очевидными намерениями. На «Амфитриду» для непосредственного наблюдения и сопровождения ашиновцев инкогнито садится итальянский майор Маниатели. Но личность его спустя несколько дней разгадывается очень просто. По указанию Ашинова, один из его «спецов» вытаскивает из кармана полковника все документы и после ознакомления с ними Ашинова возвращает обратно ничего не подозревавшему полковнику. Ашинову становится известно, что итальянская канонерка намеревается оказать препятствие высадке его на побережье Красного моря и, пользуясь существующими договорами между странами о контрабандном оружии, арестовать пароход в удобном для этого порте.

По распоряжению Ашинова, отряд сбрасывает монашеские рясы, в которые он рядился для «маскировки», и спешно вооружается. «Амфитрида», нарушая расписание, берет курс прямо на Теджури. За пароходом устраивается погоня итальянской канонеркой. Позорный конец ашиновской экспедиции отодвинулся только благодаря случаю: поднялась буря, и «Барбариго» село на рифы. Ашиновцы благополучно достигли Теджури, где и высадились 6 января 1889 года.

В ответ на требования французских властей о сдаче привезенного оружия ашиновский отряд 11—15 января занял, по договору, заключенному Ашиновым с местным султаном Магомет-Лейта, старую заброшенную крепость Сагалло, в 30 верстах от Теджури. Здесь Ашинов объявляет об основании станицы «Москва».

Для туземного населения образование нового поселения ознаменовалось похищением коров и коз у мирных жителей, изнасилованием в лесу моло-

дой абиссинки и обраблением старухи. Ашинов старается поддерживать с туземцами мирные отношения и за все неприятности, причиняемые его людьми, расплачивается деньгами.

О дальнейшем следовании в Абиссинию Ашинов пока не помышляет, ограничившись посылкой туда абиссинских монахов, прихваченных по пути.

Французский министр иностранных дел Гобле запрашивает русского поверенного в Париже Коцебу о позиции, которую занимает русское правительство по отношению к ашиновскому отряду. На запрос Коцебу Гирс, по «высочайшему указанию», отвечает:

«...императорское правительство не принимает никакого участия в предприятых Ашинова, который действует на свой собственный страх, нам ничего неизвестно о заключении будто бы означенным лицом соглашения с местным туземным начальником, и если Сагалло находится в пределах французского протектората, то, как само собою разумеется, Ашинов обязан подчиниться существующим в этой местности правилам»¹.

Ответ русского министерства иностранных дел, понятно, не удовлетворил французское правительство, на которое к тому же нажимала Англия. 2 февраля Коцебу отправляет в Петербург следующую шифрованную телеграмму (на французском языке):

«Ашинов продолжает сопротивляться. Французское правительство не решается применить силу, но должно будет на это решиться, сожалея, что религиозная миссия осложнилась военной авантюрой. Пароход «Царица», позвидимому, пружит для него еще оружие и продовольствие. Французский крейсер воспрепятствует разгрузке. Не запрашивая этой услуги официально, Гобле сообщил мне, что был бы счастлив, если бы императорское правительство взяло на себя прямо предложить Ашинову подчиниться. Если он сдаст излишнее оружие и признает французскую власть в Сагалло, его оставят в покое»².

¹ Цитируем по секретному отношению Гирса Чихачеву от 27 января 1889 г. за № 25. Д. № 28, л. 36.

² Там же, л. 44.

В Париж телеграфируется о решении русского правительства послать в Теджури специального человека с поручением предложить Ашинову подчиниться.

Однако реализовать это свое решение русское правительство не успело: 8 марта морское министерство получило следующую краткую шифрованную телеграмму от командира канонерки «Манджур», находившейся в это время в Адене:

«Получил официально известие. Пятого французы силою взяли Ашинова. Раненых 22. Ожидаю приказания. Уходить или будет другое распоряжение.

Чухнин»³.

При бомбардировке Сагалло французским крейсером было убито 6 человек, среди которых две женщины и трое детей, и около двадцати человек было ранено.

Александр III струсил — надо было заметать следы. И уже 12 февраля публикуется правительственное сообщение, в котором вся ашиновская история передается так, что виновен в ней оказался только один Ашинов, правительство к делу отношения не имело. Основное положение этого сообщения можно сформулировать следующими его строчками:

«Императорское правительство полагает, что не представляется основания возлагать на французские власти в Обоке ответственность за происшедшее в Сагалло кровопролитие и что ответственность эта должна всецело пасть на Николая Ашинова, решившегося нарушить спокойствие в пределах территории, подведомственной державе, находящейся в дружественных отношениях с Россией...

Происшедшие в Сагалло замешательства останутся без влияния на существующие между Россией и Францией отношения»⁴.

Идти на конфликт с Францией из-за инцидента в Сагалло царская Россия в то время не могла. Нужно вспомнить, что к январю 1889 г. русский «новый заем» был подписан во Франции уже на 1100 млн. франков.

³ Там же, л. 65.

⁴ «Правительственный вестник» от 12 февраля 1889 года.

Русская духовная миссия на африканском побережье.

Карикатура Цпшевского.

Подписка продолжалась. По выражению газет:

«Это открывает для будущего новые горизонты. Соединение богатства русской земли в людях и французской земли в деньгах создает такую политическую силу, о которую обломают свои крепкие зубы германцы даже при помощи австрийских попрошаек и итальянских фигляров»¹.

Это и явилось решающим в ликвидации инцидента в Сагалло. Здесь нет возможности остановиться подробно на вопросе о том, почему французское правительство пошло на такие крутые меры по отношению к Ашинову. Скажем коротко: решение о бомбардировке Сагалло было принято французским правительством по требованию английского кабинета.

Так с треском провалилась африканская авантюра. Теперь забота инициаторов и вдохновителей ашиновского предприятия направляется на то, чтобы по возможности быстрее ликвидировать это дело. Всякие разоблачения подоплеки абиссинского предприятия были сугубо нежелательны. Нужно было всех ашиновцев поскорее убрать из зоны европейского наблюдения.

¹ «Новое время» № 4589 от 6/18 декабря 1888 года.

Секретная телеграмма министру иностранных дел действительного статского советника Кояндера от 11 февраля из Каира требует решительных мер:

«Доставка русских из Суэца до Порт-Саида представит крайние затруднения. К тому же египетской полиции в Суэце мало, и русские могут разбежаться. По-моему, необходимо выслать в Суэц или «Забияку» или, по меньшей мере, русский пароход. Иначе может выйти крупный скандал»².

На этой телеграмме Александр III сделал выразительную резолюцию:

«Действительно, это было бы лучше, и в особенности нельзя выпустить Ашинова»³.

Клипер «Забияка» 19 февраля принимает в Суэце всех ашиновцев и их имущество. В Порт-Саиде 23 февраля большая часть их (140 человек) передается на пароход «Лазарев», замененный в Александрии пароходом «Чихачев», который и прибыл в Одессу 4 марта.

На «Забияке» Ашинов был немедленно арестован и вместе со своим

² Там же. Д. № 28, л. 79.

³ Там же, л. 80.

активом в количестве 36 человек передан в Дарданеллах на шхуну «Псезуапэ», которая, согласно распоряжению морского министра, должна была прибыть в Севастополь без захода в Одессу и без сношения с берегом. 4 марта 1889 г. «Псезуапэ» прибыла в Севастополь и Ашинов поступил в руки специально выехавшего в Севастополь следователя Цукальского.

Устраивать какой-нибудь суд над Ашиновым было невозможно, и, по указанию Александра III, его в административном порядке сослали в Са-

ратовскую губернию под гласный надзор полиции сроком на 3 года.

Так позорно для царизма закончилась ашиновская экспедиция. Печать, по указанию свыше, прекратила обсуждение «африканских» событий, и дело об абиссинской аванюре было погребено в секретных фондах царского правительства.

Царизм на этом не успокоился. Мы знаем уже более осторожные и успешные попытки русского самодержавия обосноваться в Абиссинии (экспедиции Машкова, Леонтьева), но это не входит в тему нашей статьи.

Ф. Бергман

КЛАРА ЦЕТКИН

Имя Клары Цеткин, этого крупнейшего вождя германского рабочего класса, связано с более чем полустолетней полосой рабочего движения и классовой борьбы в Германии. В начале революционной деятельности молодой Клары стоит 1878 год, с которого начался один из славнейших этапов истории германской социал-демократии — ее борьба в условиях бисмаркова закона против социалистов; в конце — 1933 год, знаменующий собой начало героической борьбы германских коммунистов против фашистской диктатуры.

В промежутке между этими двумя датами лежат годы упорной борьбы внутри рабочего движения Германии, годы, в течение которых произошли такие события, как упадок и предательство германской социал-демократии, война и создание коммунистической партии, борьба последней с оппортунизмом в ее собственных рядах и ее большевизация.

1

Клара Цеткин родилась 5 июня 1857 года в бедной среднегерманской деревушке, населенной ткачами. Ее мысли с ранних лет направлены были на разрешение вопроса о том, как «помочь беднякам». При этом вначале эти мысли сопровождались романтическими идеями о «хождении в народ» подобно русским народникам 70-х годов.

Для характеристики ее тогдашних установок и ее мужества типичен следующий случай: поспорив однажды с крупным фабрикантом, детям которого она давала уроки, 19-летняя

Клара крикнула ему: «Когда вооруженные рабочие возьмут власть и за ваше жестокосердие и высокомерие захотят вас повесить на ближайшем фонаре, я не заступлюсь за вас!»

В этих словах сказалась ее вера в победу рабочего класса, воодушевлявшая эту революционерку в течение всей ее жизни и деятельности.

В Лейпциге, где Клара училась в учительской семинарии, ей удалось связаться с кругами русских революционеров-марксистов. Там она работала вместе со своим мужем Иосифом Цеткиным, который в то же время был ее учителем в вопросах политики. После введения закона против социалистов она последовала за ним в Швейцарию и Париж.

Годы парижской жизни, проведенные в большой нужде, с двумя детьми и парализованным мужем на руках, дали Кларе закалку для всей дальнейшей жизни и работы в пролетарском движении. Здесь она познала нужду трудящихся женщин и матерей, и это выработало в ней умение подходить к этим женщинам, как к близким ей, как к пролетаркам, подобным ей. В то же время Париж был для Клары и прекрасной школой, подготовившей ее к дальнейшей деятельности в духе марксизма. В своей работе она тесно соприкасалась со многими руководителями французского рабочего движения. В числе ее друзей были Жюль Гед¹ и Лафарг, зять Карла Маркса.

Уже в этот период в Париже, где Клара с воодушевлением окунулась в революционную работу французского пролетариата, она дала образец интернационализма, которым отличалась вся ее последующая деятельность.

На I конгрессе II интернационала, собравшемся в 1889 году, Клара, сотрудничавшая в органе германской партии «Социал-демократ», принимала участие в качестве делегатки от германских товарищей.

¹ Гед, один из основоположников и лидеров французской социалистической партии, до войны активно боролся против ревизионизма, но с 1914 года стал социал-шовинистом и министром.

90-е годы застали Клару Цеткин, которая после отмены закона о социалистах и после смерти мужа вернулась в Германию, в рядах самых активных революционных борцов. Мероприятия «железного канцлера» не только не ослабили влияния германской социал-демократии, а, наоборот, вызвали бурный подъем революционного движения.

Но участие женщин в политической борьбе сильно отставало от общего подъема рабочего движения. На съезде партии в Готе в 1896 году Клара (которая с 1892 года была редактором социал-демократической женской газеты «Равенство») сообщает, что за период с 1892 по 1895 год из 700 тыс. индустриальных работниц вовлечено в профсоюзы всего 7 тыс. Эти данные чрезвычайно ярко обнаруживали отставание работы партии на этом участке и подчеркивали серьезность задачи вовлечения женщин в классовую борьбу — задачу, которую Клара взяла на себя и которой оставалась верна всю жизнь.

В 90-х годах в Германии значительную роль играло буржуазное движение женщин за эмансипацию. Лозунг его — свобода, равенство, братство — должен был покрыть все классовые противоречия и провозгласить всеобщее право женщин на труд. Клара Цеткин вскрыла непроходимую пропасть, лежащую между стремлениями буржуазных женщин и классовой борьбой трудящихся женщин. В своем докладе об избирательном праве для женщин, сделанном на съезде партии в Мангейме в 1906 году, она говорила:

«Буржуазные женщины хотят в последнюю минуту добиться избирательной реформы, так как они поддерживают буржуазный порядок и хотят его сохранить. Что же касается пролетарки, то она воспользуется избирательным правом не только в своих экономических и политических интересах и не для борьбы с мужской частью своего класса, а прежде всего для борьбы против класса капиталистов. Она хочет социальной реформы не для того, чтобы ею поддержать

Клара Цеткин. 1905 год.

буржуазное общество и капиталистическое хозяйство. Нет! Мы требуем равных политических прав с мужчиной, чтобы уничтожить, разбить вдребезги это общество!»

«У нас нет специальной женской агитации, — говорила Клара Цеткин на съезде партии в Готе в 1898 г., — мы должны вести социалистическую агитацию среди женщин. Агитация среди женщин должна быть связана со всеми основными и важными вопросами рабочего движения. Ибо главная задача — пробудить у женщин классовое сознание и вовлечь их в классовую борьбу».

Клара Цеткин была организатором и руководителем первого международного женского секретариата. На Копенгагенской конференции в 1910 году она внесла предложение о введении ежегодного международного женского дня и организовала его проведение. 8 марта 1914 года, когда в России вторично проводился женский день, она послала следующее приветствие русским большевикам: «Приветствую Ваше смелое решение о проведении международного женского дня, приветствую Вас за то, что Вы не теряете мужества и не складываете рук... Мы с Вами телом и душой!»

Клара Цеткин своей работой показывала, как надо связывать борьбу за освобождение женщины с классовой борьбой. Ее имя в истории тесно связано с именами левых в Германии: Люксембург, Либкнехта, Меринга, с которыми ее объединяли узы тесной дружбы и совместной борьбы. Это боевое единство возникло на грани двух столетий, когда в германской социал-демократической партии развернулась борьба с оппортунизмом.

Участвуя на всех социал-демократических съездах, начиная с 1892 года, будучи с 1895 года членом контрольной комиссии, Клара Цеткин повела беспощадную борьбу против оппортунизма в германской партии, против Бернштейна, Давида, Гейне, Вольмара, Шиппеля и др.,—так же как в начале своей политической деятельности в Париже она боролась в рядах гедистов против поппуристов.

В германской социал-демократии в связи с историей ее образования имелись разные мелкобуржуазные течения, против которых в свое время вели упорную борьбу Маркс и Энгельс. В условиях закона против социалистов «нытики и филистеры», как их называл Маркс, исчезли и в движение втянулись массы промышленных рабочих. Но после отмены этого закона, когда социал-демократическая политика получила возможность развернуться на широкой легальной основе, оппортунистические течения нашли себе новую пищу. С развитием империализма, с появлением рабочей аристократии в Германии эти течения оформились в виде бернштейновского ревизионизма, который фальсифицировал учение Маркса, стремясь поставить его на службу буржуазии. Эта фальсификация марксизма оказалась в позиции партии по вопросам борьбы против милитаризма, против империалистической войны, по вопросам колониальной политики, массовой стачки, в голосовании за бюджет и т. д.

Во время борьбы с этим возрастающим оппортунизмом Клара Цеткин все время находилась в рядах крайней левой и упорно отстаивала свою линию во время различных колебаний Бебеля и Либкнехта, так же как и по-

сле перехода Каутского на сторону оппортунизма.

Об этом свидетельствует и Ленин в своей брошюре «Шаг вперед, два шага назад», в которой он указывает на насмешливое замечание Клары Цеткин по адресу Бебеля и Либкнехта в 1895 году: «Горько у меня на душе, что я вижу тебя — т.-е. Бебеля — в такой компании...»¹,—которым она бичевала примиренческую позицию обоих вождей партии к оппортунизму. В 1898 году, на партийном съезде в Штутгарте, она активно выступала против Бернштейна и К^о, бросив им в лицо свое осуждение их позиции.

И все последующие годы Клара Цеткин активно боролась за правильную линию партии, но так же, как и Роза Люксембург, она не понимала ленинского положения о том, что необходим полный разрыв с оппортунистами. В этой роковой ошибке немецких левых кроется одна из причин того, что позднее, в 1918 году, в период решающих битв рабочий класс Германии был лишен руководства большевистской партии.

Русская революция 1905 года нашла в лице Клары Цеткин восторженную сторонницу. Вопреки совершенно определенному запрету со стороны руководства социал-демократической партии Клара провела по всей стране собрания в честь революционных событий в России. На примере русских товарищей она показала значение массовой стачки как орудия революционной борьбы; совместно с Розой Люксембург в острой борьбе с Центральным комитетом партии она пропагандировала свою точку зрения. Газета «Равенство» стала рупором революционной политики, центром воспитания молодых товарищей. В качестве члена центральной партийной комиссии по просвещению Клара Цеткин отдавала все свои силы и время воспитанию молодежи.

Во всех повторявшихся спорах о массовой стачке все яснее обнаруживалось разложение германской социал-демократии. В то время как правые «поправляли» учение Маркса об обострении классовых противоречий, о пролетарской революции и

¹ Ленин. Т. VI, стр. 227.

свержении буржуазии, а Каутский занимал место «золотой середины», левые, и среди них Клара Цеткин, боролись за чистоту теории и практики марксизма. При этом несмотря на совершенные ими крупные ошибки они все же имели большие заслуги в деле распространения марксизма в германском рабочем движении. Клара заклеила оппортунистическое пере рождение социал-демократических вождей, написав в 1905 году, что социал-демократия «хочет превратиться в ручную комнатную собачку национал-социалистической или социал-либеральной породы, в собачку, которая послушно подает лапку любому буржуазному мошеннику».

4

Довоенные годы все более омрачались грозившей катастрофой войны. Еще задолго до войны наметился раскол партии II интернационала на два враждебных лагеря: лагерь пролетарской международной классовой борьбы и лагерь социал-шовинистического предательства. Клара Цеткин неутомимо борется против грозившей военной опасности. За три месяца до начала мировой войны Клара против воли партийного руководства созвала большой интернациональный митинг против военной опасности. На страницах своей газеты «Равенство», с редактирования которой она была впоследствии снята партийным руководством, Клара выступила против мировой бойни.

Вюртембергский областной партийный съезд в Эссментене, состоявшийся под председательством Клары Цеткин 25—26 июля 1914 года, единогласно принял ее предложение — дать обязательство «организовать и воспитать массы на почве революционной классовой борьбы, чтобы сделать их способными употребить всю свою экономическую и политическую силу для сохранения мира». В то же время она приветствовала «героический революционный пролетариат России, который снова применил оружие массовой стачки в борьбе за экономические и политические права эксплуатируемых».

Когда загремели пушки и рабочие благодаря измене II интернационала

были загнаны в империалистические армии, Клара Цеткин, Роза Люксембург и Меринг опубликовали в заграничной социалистической печати письмо с протестом против социал-патриотов. Они не прекратили борьбы против империалистической войны. Наоборот! Борьба немецких левых во время мировой войны — это славная страница в истории международного рабочего движения, это борьба за превращение империалистической войны в войну гражданскую.

Отмечая это, нельзя ни в какой мере затушевывать допущенные ими в этой борьбе ошибки, которые Ленин подвергал критике, полностью признавая в то же время действительные заслуги левых.

Женская социалистическая конференция в Берне в 1915 году, на которой участвовали 25 делегаток из различных стран (Англии, Германии, Голландии, Франции, Швейцарии, Италии, России, Польши и т. д.) и которая, по предложению Ленина, была созвана находившимся за границей ЦК большевиков, поставила вопрос о «международном выступлении женщин-социалисток для борьбы за мир». Подавляющее большинство участников конференции не было последовательными революционерками. Хотя конференция в своей резолюции и объявила себя противником империалистической войны и защиты отечества, которую она охарактеризовала как защиту прибылей капитала, хотя она и призвала рабочих «к борьбе за мир», но ее критика поведения социал-демократии и измены II интернационала была далеко не достаточной. Против этой резолюции была выдвинута четкая и последовательная резолюция большевистской делегации, которая указывала без прикрас, что так называемое большинство в социалистических партиях «совершило прямое предательство по отношению к социализму и заменило его национализмом» и требовало от женщин «покончить с системой капитализма, окончательно свергнуть капитализм».

Но эта резолюция небольшого революционно-последовательного меньшинства конференции была отвергнута в пользу компромиссной резолюции большинства. Немецкая делегация из

страха перед расколом заняла явно примиренческую линию. «Немецкая делегация, придерживавшаяся точки зрения т. Клары Цеткин, фактически сыграла на этой конференции роль «центра»¹.

Такова оценка Ленина позиции германской женской делегации и таким образом и германских левых.

Они не понимали того, о чем писал Ленин: «...социал-шовинизм есть оппортунизм, настолько созревший, настолько окрепнувший и обнаглевший за длинную эпоху сравнительно «мирного» капитализма, настолько определившийся идейно-политически, настолько тесно сблизившийся с буржуазией и правительством, что нельзя мириться с нахождением такого течения внутри социал-демократических рабочих партий»².

Активная борьба и пропаганда Клары Цеткин за мир были причиной ее ареста правительством военной диктатуры. Но тотчас же по выходе из тюрьмы она снова бросается в водоворот революционной работы. В те самые дни, когда социал-демократия все более разоблачала себя как телохранитель буржуазии, германские левые создают ядро группы «Интернационал», этот зародыш союза «Спартак», зародыш будущей коммунистической партии Германии.

Огненные слова, брошенные Либкнехтом фронту империализма, отказ от голосования за кредиты, борьба германских левых—Люксембург, Либкнехта, Меринга, Клары Цеткин—укрепили у всех лучших и активнейших элементов международного рабочего класса убеждение в исторической миссии пролетариата, укрепили их волю к борьбе под руководством таких вождей. Когда перед самым выходом журнала «Интернационал» Роза Люксембург была арестована, а Либкнехт сидел в тюрьме, Цеткин, Меринг и Лео Иогихес продолжали начатое дело.

Первый номер журнала, который тут же был запрещен, вышел 15 апреля 1915 года. В марте произошло первое совещание группы, а в январе

1916 года — вторая конференция, которая выработала программный документ — «Основные положения о задачах международной социал-демократии» и постановила издавать регулярный информационный орган «Письма спартаковцев».

В апреле 1917 года союз спартаковцев вступил в независимую социал-демократическую партию Германии, сохранив, однако, за собой самостоятельность и свободу действий. НС-ДП образовалась под давлением революционирующихся масс и опубликовала пацифистскую программу. Во главе ее стояли Каутский, Бернштейн, Криспин, Дитман, Гаазе и др.

В своей критике по поводу брошюры Юниуса Ленин целиком признает заслуги немецких левых в борьбе против империалистической войны, но в то же время критикует ошибки и слабости в их работе, которые прежде всего основывались на отсутствии нелегальной крепкой организации. «В брошюре Юниуса чувствуется одиночка, у которого нет товарищей по нелегальной организации, привыкшей додумывать до конца революционные лозунги и систематически воспитывать массу в их духе. Но такой недостаток — было бы глубоко неправильно забывать это — не есть личный недостаток Юниуса, а результат слабости всех немецких левых, опутанных со всех сторон гнусной сетью каутскианского лицемерия, педантства, «дружелобия» к оппортунистам. Сторонники Юниуса сумели, несмотря на свое одиночество, приступить к изданию нелегальных листов и к войне с каутскианством. Они сумеют пойти и дальше вперед по верному пути»³.

5

Хотя Клара Цеткин вплоть до 1917 года во всех вопросах безусловно была единомышленна с Розой Люксембург, ее большим другом, она сумела освободиться от люксембургских ошибок в вопросе об Октябрьской революции 1917 года, и в то время когда Роза еще колебалась, она всецело признала тактику большевиков.

¹ Ленин. Т. XVIII, стр. 215.

² Там же, стр. 272—273.

³ Ленин. Т. XIX, стр. 189—190.

В результате этого признания она в начале 1918 года написала восторженное письмо Ленину, в котором солидаризировалась с большевиками. Ленин ей ответил, что большевики гордятся поддержкой таких борцов.

Через несколько лет после убийства Розы Люксембург Клара выступила в печати против ренегата Пауля Леви, который повел кампанию травли против Ленина, большевиков, Коминтерна и компартии Германии. При этом он спекулировал отношением Розы Люксембург к русской революции, которое вначале было ошибочным, но впоследствии ею же было исправлено. С октября 1917 года Клара является горячей сторонницей молодой советской власти, которую она стремится популяризовать в Германии среди масс устно и в печати. Много сил отдавала она борьбе за Советский союз, против врагов отечества пролетариата.

Наступили ноябрьские дни 1918 года в Германии. Открылись тюрьмы, выпуская революционеров. Рабочие с оружием в руках овладели улицами. В те дни, когда социал-демократическая партия отбросила последнее прикрытие и вместе с офицерской камарильей открыто выступила против рабочих, организовалась коммунистическая партия Германии.

Эберт Шейдеман и Носке предают революцию, чтобы спасти буржуазную диктатуру. Убийство из-за угла становится методом политической борьбы. Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Лео Йогихес падают от удара наемных убийц.

Клара Цеткин всем сердцем, словом и делом участвовала в создании коммунистической партии, оставаясь с согласия последней еще некоторое время в рядах независимой социал-демократической партии. На берлинской партийной конференции независимых в марте 1919 года она выступила с большой речью, в которой доказывала необходимость разрыва с центризмом, создания революционной партии и объявила о своем вступлении в молодую коммунистическую партию Германии. Так она подготовляла почву для раскола, происшедшего через полтора года в независимой социал-демократической партии в г. Галле.

К. Цеткин и Р. Люксембург в период до империалистической войны.

В результате этого раскола в КПГ пришли массы революционных рабочих.

6

Дальнейшая жизнь Клары тесно связана с историей германской компартии, со всеми ее боями и внутрипартийными процессами.

Клара не была свободна от колебаний, которые объяснялись прошлым германских левых. Но когда Пауль Леви со своими сторонниками после мартовского выступления 1921 года стал ренегатом, она твердо порвала со своим прежним другом и на III конгрессе Коминтерна полностью поддерживала линию Коминтерна.

Клара Цеткин обладала величием большевички, не боявшейся критики и самокритики, она училась на своих ошибках и не упускала случая выступить против них. В своих воспоминаниях о Ленине она пишет об одной из своих ошибок, имевшей место в период мартовского выступления по вопросу о кризисе партии в Италии:

«Колебания германского партруководства, при обсуждении вопроса о

Клара Цеткин. Рисунок И. Бродского.

конгрессе итальянской социал-демократии в Ливорно и о тактике исполкома побудили меня неожиданно выйти из ЦК.

Тяжело, очень тяжело было мне сознавать, что этим нарушением дисциплины я поставила себя в резкое противоречие с теми, кто политически и лично были мне ближе всего, — к русским товарищам».

При помощи Ленина, Клара вскоре исправила это нарушение дисциплины. Несмотря на свой возраст она продолжала стоять в передовых рядах активных борцов за генеральную линию партии, играя выдающуюся роль в международном движении после войны.

С 1921 года Клара Цеткин становится членом ЦК и членом президиума ИККИ. Она руководит международным женским секретариатом ИККИ. В качестве представительницы Коминтерна она ездила во Францию на конгресс социалистической партии и с заражающим красноречием доказала большинству делегатов правильность линии Коминтерна. 18 октября 1921 года, через 10 месяцев после раскола итальянской партии, Клара Цеткин вопреки стараниям итальянской полиции, желавшей во что бы то ни стало помешать ее выступлению, держала пламенную обвинительную речь против реформизма

на конгрессе итальянской социалистической партии в Милане.

Клара никогда не прекращала борьбы против реформизма, против предательства II интернационала, против троцкизма и всех ренегатов революции. В 1923 году и в последующие годы она вместе с Исполкомом Коминтерна боролась с ультралевым мелкобуржуазным руководством Рут Фишер—Маслова. Она не поддавалась повторным попыткам правых—Брандлера, Тальгеймера и К° — совлечь ее с линии Коминтерна в ряды оппортунистов.

В 1925 году она пишет в статье «Гельфанд — Парвус»:

«Парвус типичен. Его жизненная судьба — это воплощение в плоть и кровь развития II интернационала, с тех пор как при внешнем ярком цветении началось его разрушение, дошедшее до полного гниения и распада».

На конгрессах и съездах, в речах и статьях старая революционерка вела непримиримую борьбу против социал-демократических вождей—изменников пролетарской революции.

Незадолго до смерти она писала: «II интернационал должен заявить: все потеряно, и прежде всего честь бороться за освобождение пролетариев-трудящихся от капитализма».

На V конгрессе Коммунистического интернационала, в 1924 году, она с огромной убедительностью говорила об единственном пути, на котором возможно организовать массы для борьбы с буржуазной и фашистской опасностью: «В чем теперь главное? В том, чтобы мы уяснили себе, что единый фронт означает боевой союз всех рабочих, без различия их принадлежности к партии, профсоюзу, без различия организованных или неорганизованных; боевой союз рабочих, которые как таковые борются против капиталистического хозяйства и против капиталистического государства и потому должны объединиться».

«К этому единому фронту принадлежат, — сказала она в своей последней речи в рейхстаге в 1932 году, — миллионы женщин, которые все еще несут цепи рабства своего пола и поэтому обречены и на жесточайшее классовое порабощение».

Подобно тому как это было 50 лет назад с молодой Кларой, так и теперь заботы старой большевички были посвящены вопросам организации женских масс для революционной борьбы. И тут она была вполне единодушна со своим любимым учителем и вождем Лениным, который всегда давал направление и цель ее работе среди масс эксплуатируемых женщин. В своих воспоминаниях о Ленине Клара Цеткин приводит следующие его слова: «Мы можем гордиться тем, что имеем в партии и в Коммунистическом интернационале отборных революционных женщин. Но не это решающее. Мы должны завоевать миллионы трудящихся женщин в городе и деревне для нашей борьбы... Без женщин нет настоящего массового движения... Я имею в виду не только пролетарок: будь они на фабрике или у домашнего очага. Я думаю и о крестьянках и различных группах мелкобуржуазных женщин. И они являются добычей капитала и со времени войны больше, чем когда бы то ни было... Нам нужны собственные органы для работы с ними, особенные методы агитации и организации. Это не феминизм, это практическая, революционная целесообразность».

7

Крупнейшим событием в жизни Клары, всегда боровшейся за освобождение женщины, было увидеть воочию освобождение женщин при диктатуре пролетариата. Она путешествовала по самым различным областям нашей великой страны, изучая отечество пролетариата, которое она защищала с пламенным красноречием от всех врагов. В своей книге «Освобожденный Кавказ» она пишет о своих впечатлениях во время поездки в Грузию в 1924 году:

«Исторически изжившие себя классы и партии так же мало способны чему-нибудь научиться, как и свергнутые династии. Легкомысленный и в то же время преступный фарс мятежа, который они разыграли в Грузии, — не исключение, а скорее типичное для них поведение». Указывая на необходимость величайшей бдительности, так как классовый враг еще не

Клара Цеткин перед своим выступлением на открытом заседании германского рейхстага.

добит, она в то же время всегда подчеркивала, что любая попытка свержения советской власти разобьется и должна разбиться об единую волю освобожденных трудящихся масс Союза.

Всю свою жизнь она вела непримиримую борьбу против интервенции и войны. В своем докладе на расширенном пленуме ИККИ в 1922 году «О борьбе секций КИ против опасности войны» она говорит: «Только свержение капитала может спасти человечество от войны. Только мировая революция ведет человечество к миру. Будем действовать, бороться, вооружать массы для этой борьбы!» Последняя брошюра, которую ей удалось закончить — «Война против трудящихся — трудящиеся против войны», — была новым призывом к борьбе против бича империализма, против великой бойни народов.

Пока билось ее сердце, Клара Цеткин отдавала все свои силы, свои дарования и революционный опыт на службу жертвам белого террора в Германии и во всем мире. Героический борец, всю жизнь смотревший прямо в лицо палачам революции и много раз только чудом уходивший от рук сыщиков, потерявший благодаря убийственному террору почти всех близких друзей и соратников, она сохранила горячее сочувствие ко всем жертвам капиталистических палачей и к их близким и активно уча-

И. Сталин у гроба К. Цеткин. 1933 год.

ствовала почти во всех кампаниях и выступлениях МОПР, оставаясь до своей смерти на посту председателем его. Имя Клары Цеткин мобилизовало на борьбу трудящиеся массы всего мира, прибавляло огня равнодушным, колеблющимся — силы.

Имя Клары Цеткин означает выполненный до конца долг солдата революции, концентрацию всех сил для дела революции. Смертельно больная, почти уже ослепшая, она совершила невероятное: в августе 1932 года невзирая на свою болезнь она отправилась из Москвы в Берлин, чтобы швырнуть в лицо фашистам обвинение революционного пролетариата. Под травлю этой своры 75-летняя больная взошла на трибуну рейхстага и сказала свою последнюю обвинительную речь против классового врага. Во враждебную тишину упали ее слова, к которым прислушивался весь мир: «Разжигаемый на Востоке мировой пожар войны, всячески поощряемый с Запада, пожар, пламя которого должно поглотить Советский союз с его социалистическим строительством, создает и в Германии страх и ужас, перед которым бледнеют смерть и разрушение предыдущей войны». Но

выход есть: «задача данной минуты — создание единого фронта всех трудящихся для того, чтобы отбросить фашизм, чтобы угнетенным и эксплуатируемым отстоять силу и мощь всей организации и даже свое физическое существование. Перед этой исторической необходимостью должны отступить все различия во взглядах как по вопросам политики, так и по вопросам профсоюзной борьбы и религиозных убеждений, различие мировоззрений. Все, кто под угрозой, все, кто страдает, все угнетенное и эксплуатируемое человечество — в единый фронт против фашизма и его агентов в правительстве! Быть на высоте в борьбе с фашизмом — значит создать условия для единого фронта против кризиса, империалистической войны и вызывающей ее причины — капиталистического способа производства».

* *
*

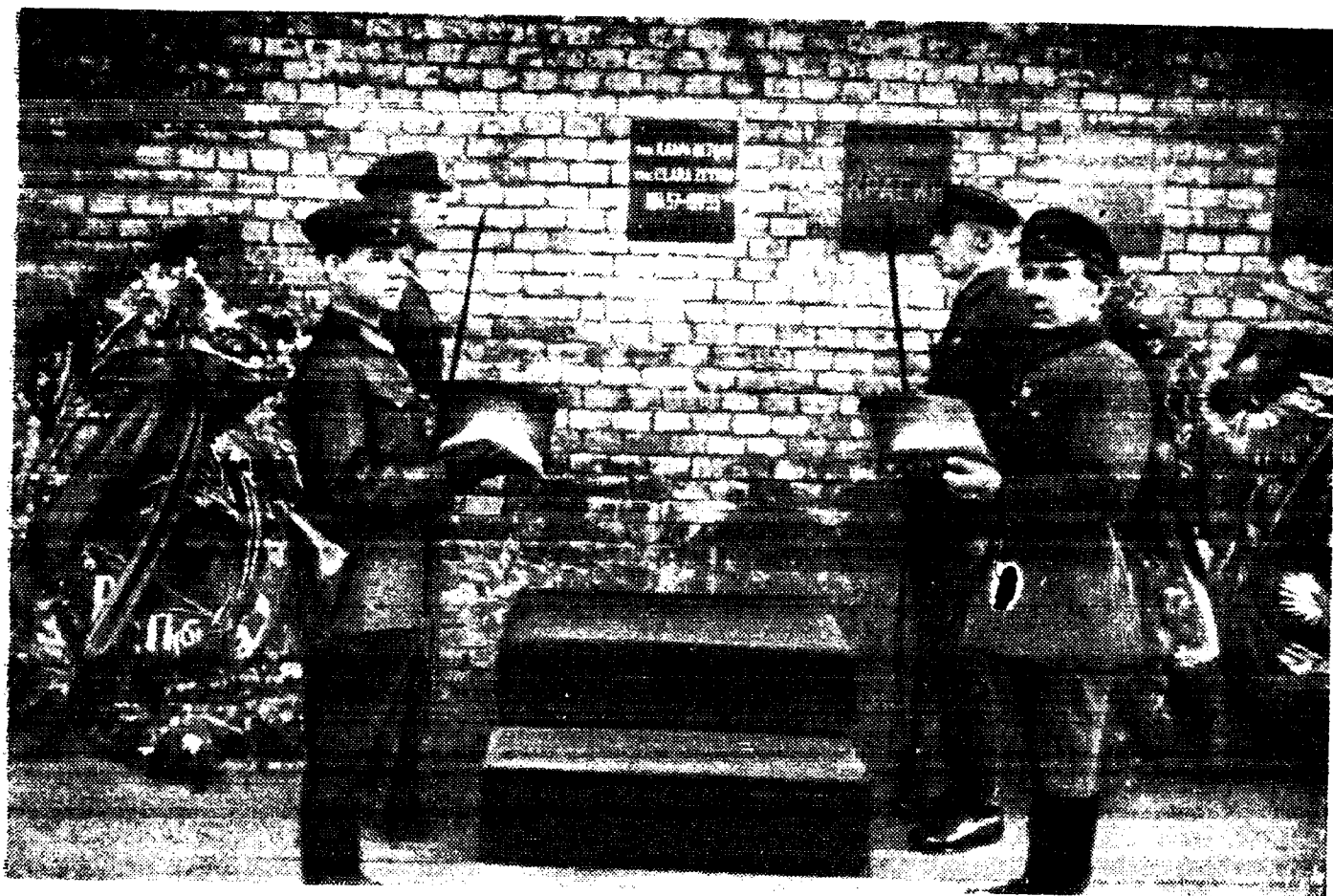
Клара Цеткин умерла 19 июня 1933 года. До последней минуты ее мысли были заняты арестом Эрнста Тельмана, вождя КПГ, с которым ее связывали крепкие узы борьбы за германскую компартию.

Ее старый друг и боевой товарищ Вильгельм Пик сказал в речи, посвященной ее памяти:

«То, за что всю свою жизнь боролась Клара Цеткин, будет осуществлено германским пролетариатом в единении с рабочими и крестьянами Советского союза и с мировым пролетариатом. Он создаст боевой союз всех угнетенных и эксплуатируемых, уничтожит гитлеровский фашизм и обеспечит победу большевизма, чтобы создать советскую Германию и построить в ней социализм».

У гроба Клары Цеткин стоял в почетном карауле вождь мирового пролетариата товарищ Сталин. Ее прах замурован в Кремлевской стене, где покоятся великие революционеры.

Траурные письма немецких и русских рабочих и работниц являются доказательством ее тесной связи с массой, для которой она жила и боролась. Разносторонняя одаренность, пламенный темперамент увлекали ее слушателей и учеников. То влияние, которое эта великая революционерка имела на своих современников, выте-

Почетный караул с орденами К. Цеткин у мемориальной доски. Красная площадь. 1933 год.

кало из достигнутой в ней гармонии между политиком и человеком, между борцом и женщиной.

Учение Маркса и Ленина, которым она руководствовалась в своей жизни, она восприняла не как отвлеченную теорию, а как мировоззрение, как метод, тактику и стратегию «классовой борьбы».

Клара знала лишь одну задачу, одну цель, одну обязанность — свое революционное дело борца-коммунистки. Все ее мысли и чувства были всегда сосредоточены на борьбе за освобождение трудящихся, на беспощадной борьбе против фашизма, на защите пролетарского отечества. «Мы не успокоимся, пока фашизм, несущий с

собой кровавый гнет, террор, голод и войну, не будет разбит в прах!» — вот последний призыв неутомимой революционерки.

Выступая в день смерти Ленина, она воскликнула: «Отдадим всю нашу силу до последней искры жизни для ускорения революции, для победы мировой революции». Ее слова звучат и теперь как призыв для нас: «Этим мы создадим единственный памятник, достойный Ленина, достойный всех тех великих, которые, указывая цель и путь, шли во главе пролетариата, достойный и тех безыменных и безвестных борцов, которые становились великими, борясь за свободу. Этот памятник — коммунистическое общество».

БИБЛИОГРАФИЯ

В. Лосев

„ПРОБУЖДЕНИЕ АЗИИ 1905 ГОДА И РЕВОЛЮЦИЯ НА ВОСТОКЕ“.

Сборник статей. Огиз. Соцэкгиз. 1935. 227 стр.

В настоящую книгу вошли три статьи: А. А. Алимova «Революция 1908 года в Турции», Г. М. Петрова «Иранская революция 1906—1911 годов» и М. Д. Коккина «Революция 1911 года в Китае».

Авторы статей добросовестно и внимательно использовали богатый газетный материал того времени, консульские донесения, дипломатическую переписку держав, имеющиеся по этим вопросам печатные труды и многочисленные высказывания Владимира Ильича, который в свое время внимательно следил за событиями на Востоке и придавал им большое значение.

В результате получилась интересная научная книга, которая, не претендуя на исчерпывающую широту и глубину исследования, тем не менее дает читателю верное и ясное представление о ходе и характере революционных событий в каждой из этих трех стран, о своеобразии их, определяющемся неодинаковыми социально-экономическими и политическими условиями, и об их общих свойствах, которые позволяют все эти события рассматривать как единый комплекс явлений, тесно связанный с революцией 1905 г. в России. В свое время Ленин охарактеризовал эти события как «пробуждение Азии», которое наряду с началом «борьбы за власть передовым пролетариатом Европы знаменует «открывшуюся, в начале XX века, новую полосу всемирной истории»¹. Каждая из статей сборника построена следующим образом: сперва авторы обрисовывают положение страны до революции и дают краткий анализ экономического и политического положения в стране, затем идут описание собственно революции и, наконец, — выводы.

Социально-экономическая и политическая обстановка в Турции, Персии и Китае имела к моменту революции много общих черт, присущих в неодинаковой, конечно, степени всем этим странам.

Общим было, прежде всего, наличие во всех этих странах феодальных пережитков, которые исключительно тяжело отражались на положении основной движущей силы революции — крестьянства. В Турции эти феодальные отношения носили вплоть до 1908 г. характер барщин-

ны (стр. 8,9), а взимание крайне тяжелых налогов с крестьянства шло по откупной системе. В Персии вся земля принадлежала помещикам, шаху и духовенству, крестьянство земли не имело и, работая на кабальных условиях, вынуждено было значительную часть урожая отдавать помещику и государству. Налоги так же, как и в Турции, брались по системе откупов.

В Китае феодальные отношения характеризовались наличием натуральной земельной ренты как основной и наличием у помещиков и кулаков — владельцев земли — права сажать в тюрьмы неаккуратных плательщиков-арендаторов и забирать у них не только скот и имущество в уплату долга, но и детей (стр. 148, 149). Положение китайского крестьянства, жившего в условиях хронического голода и полного бесправия, было столь же тяжело, как и его собратьев в Турции и Персии.

Вторым общим свойством этих стран перед революцией было то, что все они были, по существу, превращены в несамостоятельные, полукOLONиальные страны.

В Турции вся экономическая жизнь: торговля, промышленность, постройка железных дорог, финансы и пр. — была всецело в руках так называемого «Управления оттоманского долга», созданного империалистическими державами-кредиторами и тесно связанного с «Управлением Оттоманского банка» (стр. 4,5 и сл.)

В Персии воротилами в стране являлись царская Россия и Англия. К 1900 г. Персия превратилась в неоплатного должника России (стр. 104, 105 и сл.).

Китай к моменту революции оказался еще более закабаленным империалистическими хищниками (см. табл. на стр. 136, 137) как по линии иностранных займов, так и по линии торговли, промышленности и железнодорожного строительства. Япония, Россия, Англия, Франция, Америка и Германия распорядились в Китае, с его громадной территорией и громадным населением, как в завоеванной стране, отрывая от него под флагом так называемого разделения на «сферы влияния» целые провинции. Так, Россия захватывает Северную Манчжурию и Внешнюю Монголию, Япония — Южную Манчжурию и Внутреннюю Монголию, Германия — Шаньдун, Франция — Юнань и Гуанси, Англия — Сычуань и Тибет и т. д. и т. п. (стр. 135 и сл.).

Поделенный на «сферы влияния», Китай только потому еще не подвергался прямому разделу, что этому мешали несогласованность хищников друг с другом и их конкуренция между собой.

Много общих черт отмечают авторы статей и в ходе развития капиталистических отношений. Только в Китае капиталистическая перестройка промышленности достигла определенного уровня. В

¹ Ленин. Т. XVI, стр. 384.

Турции же и Персии к моменту революции имелись только первоначальные ростки капитализма, но во всех странах была в наличии так называемая компрадорская буржуазия, т. е. национальная торговая буржуазия, которая играла роль посредника между иностранным капиталом и населением страны. Во всех странах была налицо тенденция нарастания противоречий между развивающимся капитализмом и отживающими феодальными отношениями.

В такой социально-экономической и политической обстановке разыгрались революционные события в Турции, Персии и Китае.

Характеризуя эти революции в Турции, Персии и Китае, Ленин писал: «Азиатские революции показали нам ту же бесхарактерность и подлость либерализма, то же исключительное значение самостоятельности демократических масс, то же отчетливое размежевание пролетариата от всяческой буржуазии»¹.

Эту роль либеральной буржуазии, а также предательскую и насильническую роль международного империализма Сборник правильно подчеркивает, описывая революционные события в каждой из этих стран.

В Турции партия либеральной буржуазии «Единение и прогресс» ставила своей задачей борьбу за восстановление конституции 1876 г., причем она сама подчеркивала, что не хочет уступок, «исторгнутых силой» (стр. 13). Добившись своей цели в июле 1908 г. благодаря поддержке войск крестьянами и рабочими, впервые вступившими на политическую арену и верившими обещаниям либеральной буржуазии, эта партия на другой же день после революции повела решительную борьбу против нарастающего в стране революционного движения (стр. 45). Она отказалась от решения аграрного вопроса; ничего не сделала в рабочем вопросе и в национальном, который в условиях тогдашней Турции был чрезвычайно важен; не организовала борьбы против гнета иностранного капитала и ограничилась лишь тем, что изменила ориентацию с Англии на Германию, посадив на шею народа вместо одного хищника другого.

В Персии либеральная буржуазия и оппозиционное духовенство сводят все изменения в политике к замене одного шаха другим, даже после того как полковник Ляхов в июне 1908 г. разогнал меджлис.

В Китае Сун Ят-сен, ставший во главе революции, предает ее, добровольно передав пост президента Юань Ши-каю, врагу революции, пробиравшемуся на престол.

Ни в одной стране революция не добилась полной победы... «Бесхарактерность и подлость либерализма» сделали свое дело: революционная энергия масс была задавлена.

¹ Ленин. Т. XVI, стр. 333.

Причина неудач революций в Азии, как правильно говорит в предисловии к книге тов. Годес, была та, что «крестьянские массы еще в тот период не раскачались для мощной крестьянской войны против феодализма; что империализм прочно сидел еще в седле, что во главе этих революций стояла национал-реформистская буржуазия; что пролетариат этих стран не созрел еще для роли гегемона в демократической и национальной революции» (стр. X). К этому надо добавить наличие во всех этих странах ко времени революции значительного слоя компрадорской буржуазии. Тесно связанная с интересами иностранного капитала, который с ее помощью организовал ограбление населения данной страны, она была против революции и за упрочение власти империализма.

Но само собой разумеется, что азиатские революции не прошли бесследно: они подняли на борьбу сотни миллионов крестьян и рабочих Азии, они учили бороться людей, задавленных невероятным гнетом феодализма и империализма, превращавшего их страны в колонии иностранного капитала, — они разбудили Азию. «Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию»².

Это великое значение революции в Азии хорошо передано в сборнике там, где речь идет о самих революционных событиях в Турции, Персии и Китае. Во всех наиболее важных моментах революционной борьбы неизменно активно участвовали широкие массы крестьянской и городской бедноты. Поход Ниязи-бея, поход Сонданского на Стамбул, выступление македонской «Армии действия» и т. д. — все это происходило при прямом участии крестьянской и городской бедноты Турции. Многотысячные митинги по всей стране вовлекали в политическую жизнь широкие массы населения. В Персии движение, начавшееся с пассивных форм (духовенство и часть купечества в знак протеста садились в бест³), развернулось до прямых вооруженных восстаний. В отрядах фидаев⁴, в революционных энджуменах⁵ городов, в событиях Тавриза, Решта и других мест, где с революцией расправлялись уже войска русского царя, с наибольшей полнотой отразилась революционная энергия широких трудящихся масс Персии. В Китае широкое участие трудящихся масс, особенно кре-

² Ленин. Т. XVI, стр. 384.

³ Право убежища, используемое для выражения протеста против притеснений, насилий и незаконных, творимых представителями шахской администрации.

⁴ Вооруженные отряды революционеров, организовавшиеся по примеру наших дружинников и красногвардейцев.

⁵ Комитеты, избиравшиеся населением городов во время революции.

стьянства, в революции и неиссякаемая их энергия проходят красной чертой при изложении революционных событий (стр. 190, 191 и сл.). Это участие настолько широко и в выступлениях народных масс столько подлинного революционного мужества и самоотвержения, что либерально-народническое руководство начинает больше бояться революции чем реакции, против которой оно стремилось организовать силы революции.

Переходя к общей оценке книги, можно сказать, что издательство сделало нужное дело, выпустив в одной книге статьи о революциях в Азии. Потребность в такой книге, безусловно, имеется, и эту потребность книга удовлетворяет. Товарищи, интересующиеся историей революции в Азии, и учащиеся вузов прочтут ее с интересом и пользой.

Книжке предпослано краткое, толково и ясно написанное предисловие тов. Годеса, в котором он подчеркивает связь революций Востока с нашей революцией 1905 г., отмечает общие свойства революций Турции, Ирана и Китая и своеобразии каждой из них и устанавливает, что только наша партия из всех партий II интернационала правильно разъясняла исторический смысл революционной борьбы на Востоке и проявила себя истинным другом национально-революционного движения в колониальных и полуколониальных странах.

Однако эта ценная книга, в общем правильно освещающая революционные события в Турции, Иране и Китае и дающая богатый фактический материал и правильное политическое освещение и оценку событий, не лишена недостатков.

Ни одна статья, в том числе и статья тов. Кокина о революции в Китае, наиболее полно освещающая экономику страны, не дает сведений о составе населения по социальному и национальному признаку, о его количестве, о населенности городов и т. п. В особенности чувствуется этот недостаток в статье тов. Алимова, тем более, что в революции Турции национальный вопрос играл большую роль.

Тов. Алимов в начале своей статьи, характеризуя экономическое состояние Турции и положение различных классов в ней, ничего не говорит о пролетариате. Благодаря этому у читателя создается

впечатление, что рабочих в Турции к моменту революции вообще не было, а на стр. 48 он неожиданно узнает об экономических и даже политических забастовках рабочих и о том, что партия «Единение и прогресс» в своей программе имела также и раздел о рабочем вопросе.

Тов. Петров в своей статье о революции в Иране довольно много останавливается на роли энджуменов в революции.

Он говорит о том, что энджумены выбирались населением и по территориальному признаку, и по признаку профессии, и даже пола, что они в некоторых случаях были ярко революционными организациями, захватывавшими власть в свои руки и близкими нашим советам, а в других случаях они были и столь же ярко контрреволюционными. Правильно утверждая (стр. 129), что «в виде энджуменов создается замечательное движение, явившееся прямым результатом влияния русской революции с ее советами», автор так и не дал читателю полного представления об этом явлении. Как создавался в данном городе общий городской энджумен, как поддерживалась связь энджуменов городов друг с другом, в какие формы выливалась борьба революционных энджуменов с реакционными, — все эти вопросы остаются неосвещенными. Почему только в Персии и именно в этой форме шли, так сказать, политическое самоопределение и организация сил революции и реакции? Не надо ли смотреть на энджумены как на зачатки политических партий, которых в стране до революции не было и вокруг которых во время революции шла группировка классовых сил в стране? На все это читателю интересно было бы получить ответы.

И последнее замечание. Книжке определенно не хватает заключения. В этом заключении надо было бы прежде всего закрепить в сознании читателя, что несмотря «на полу- и даже менее чем на полупобеды» общий результат движения был на самом деле очень значителен. В этом заключении надо было, хотя бы в самых общих чертах, проследить за истекшие после описанных в книге событий 25—30 лет судьбу этих «проснувшихся к новой жизни и борьбе» сотен миллионов людей, вырвавшихся из средневекового застоя.

НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФРОНТЕ

ОБСУЖДЕНИЕ В ИКП ИСТОРИИ РЕШЕНИЙ ЦК ВКП(б) И СНК ОБ УЧЕБНИКАХ*

Доклад тов. Кудрявцева

ЦК признал представленные учебники неудовлетворительными, особенно учебники по истории народов СССР. Причины этого заключаются, во-первых, в том, что авторами не выполнено решение ЦК и СНК о преподавании конкретной истории в школах, не выполнено требование покончить в истории с голым социологизированием и абстрактными схемами. Во-вторых, авторы не учли тех указаний, которые были даны товарищами Сталиным, Кировым и Ждановым на конспекты учебников. В ряде основных исторических моментов авторы дали неправильные оценки, в силу господства над ними ненаучной, антимарксистской, антиленинской, по существу, ликвидирующей историю как науку исторической концепции Покровского.

Решение ЦК и СНК и замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова имеют исключительное политическое значение. Речь идет об истории как науке, о материалистической диалектике в истории, о построении действительной марксистско-ленинской гражданской истории СССР.

«Оценка учебников является оценкой состояния всего исторического фронта, ибо отмеченные ошибки касаются в той или иной мере большинства историков.

Исторический фронт заговорил о повороте в области истории с момента поя-

вления решения ЦК и СНК о преподавании истории в школах от 16 мая 1934 г. Но, как показало решение ЦК об учебниках, этот поворот был сделан неудовлетворительно.

Задачу поворота, задачу дать действительную гражданскую историю народов СССР мы поняли очень упрощенно: мы поняли ее сначала таким образом, что нужно идти на выучку к буржуазным историкам, овладевать фактами и поменьше заниматься социологией.

Гражданскую историю мы пытались строить, исходя из ненаучных, антиленинских, ликвидаторских по отношению к истории позиций, исходя из исторической концепции М. Н. Покровского. Мы канонизировали Покровского. Бесспорно, у М. Н. Покровского есть целый ряд заслуг, в частности по борьбе с буржуазной субъективной историографией. Но мы не поняли ненаучности его концепции, не заметили, что дальнейшее движение вперед исторического фронта возможно только на основе преодоления этой концепции Покровского.

Решающим условием в деле исправления допущенных ошибок и выполнения решения ЦК является для нас развертывание критики и самокритики. Положительная работа по созданию действительно ленинской концепции гражданской истории СССР предполагает такую критическую работу. Для большевиков самокритика означает не только критическое преодоление ошибок, но и всегда сопровождается положительной постановкой вопроса.

Наше движение вперед невозможно без преодоления методологии и исторической схемы Покровского. Существует неверный взгляд, что историческая схема Покровского уже себя изжила, ее не существует, а методология еще живет, и с ней мы должны бороться. Это разделение методологии и схемы неверно, ненаучно.

В чем сущность взглядов М. Н. Покровского на историю? Укажу здесь на три момента.

Во-первых, М. Н. Покровский отрицал объективный характер истории как науки, М. Н. Покровский отрицал «объективные закономерности» и «объективность истории». «Буржуазная демократия, — писал он, — в своей системе одурачивания масс выработала эту формулу «объективной истории», каковая формула, к сожалению, до сих пор еще затуманивает взоры наших товарищей» («Историческая наука и борьба классов». Т. II, стр. 394).

Борясь с буржуазной фальсификацией исторической науки, М. Н. Покровский неправильно решал вопрос о соотношении объективного и субъективного и о классовом характере истории. В силу этого он не признавал в истории и науку, изучающую объективную закономерность.

* Редакция помещает сокращенный отчет о проведенном 3 февраля 1936 г. в ИКП истории обсуждении решений ЦК и СНК, отобрав из выступлений товарищей конкретный материал, который поможет историкам и преподавателям в провинции лучше ориентироваться в необходимой перестройке исторического образования. Из выступавшего на партсобрании ИКП большого количества товарищей редакция, за недостатком места, помещает отчеты о выступлениях секретаря парткома тов. Кудрявцева и преподавателей ИКП гг. Ванага, Панкратовой, Козлова, Фридлянда, Дроздова, Пинотковского и директора ИКП тов. Дубыны.

Покровский не понял, что борьба за диктатуру пролетариата, за социализм совпадает с тенденцией исторического развития и что поэтому защита интересов пролетариата не только не противоречит, но и стимулирует подъем исторической науки на более полное и правдивое изображение исторического развития.

Неправильно решая проблему партийности истории, Покровский делал неверный вывод об ограничении исторических исследований тематикой наиболее близких к нам периодов, он требовал отказа от изучения целого ряда исторических этапов и вопросов, подменяя научное изучение истории историческими аналогиями.

Ярким примером в этом отношении является его книга «Очерк по истории революционного движения».

Особенно характерны в концепции М. Н. Покровского его антиисторизм и схематизм. Возьмите основные произведения Покровского: его четырехтомник, сжатый очерк, очерк истории культуры. В них он оперирует не конкретными фактами, а историческими формациями. Живая историческая действительность и переходы из одного исторического этапа в другой у него выпадают. Вся история приобретает вид голый схемы экономического развития. Социологизирование доведено до высшего предела.

Покровский не замечает, что переход от дофеодальных отношений к феодальным, от периода феодальной раздробленности к периоду самодержавия и т. п. есть шаг вперед в истории общества. Для него поэтому остается в стороне и вопрос о прогрессивности капитализма по сравнению с крепостничеством. В связи с этим он обходит или трактует неверно вопросы образования нации, национального государства, реформ Петра I, реформы 1861 г. и т. д.

И, наконец, третье — это антидиалектичность взглядов М. Н. Покровского, отпечаток экономического материализма, которого он не преодолел. Как ни старался М. Н. в последние годы своей жизни «проветрить непроветренные углы» и внести диалектику в свою историческую концепцию, полностью он не сумел этого сделать.

Основной движущей пружиной исторического процесса были для М. Н. Покровского торговый капитал и хлебные цены. Торговый капитал создал самодержавие, самодержавие является «торговым капиталом в шапке Мономаха». Торговый капитал создал крепостное хозяйство. Хлебный вывоз вызвал турецкие войны.

Понижение хлебных цен вызвало поражение декабристов и т. п., повышение хлебных цен вызвало реформы 1861 г. и т. п.

Вместо живой, многообразной, богатой исторической действительности преподнесен один ключ на все времена. Этот ключ — упрощенный экономизм.

Заслуга М. Н. Покровского заключается в том, что он первый из старых исто-

риков поставил вопрос об изучении общественно-экономических формаций и о классовой борьбе в истории, о чем постоянно говорили Маркс и Ленин. Но эти вопросы М. Н. Покровский решил не по-ленински. Возьмите постановку вопроса о генезисе феодализма. М. Н. Покровский пишет: «Но насильственный захват, в легальной или нелегальной его форме, едва ли был главным способом образования крупного землевладения и древней Руси». Указывая на север как на типичный, с его точки зрения, пример образования крупного феодального землевладения, он пишет: «Здесь, на севере России, мы видим воочию, как под давлением чисто экономических причин, без вмешательства государственной власти или открытой силы, в руках одних сосредоточивается все больше и больше земли, в то время, как владения менее счастливых вотчинников тают, как снежная глыба под весенним солнцем» («Русская история с древнейших времен», стр. 41, изд. 1933 г.).

М. Н. Покровский здесь неверно рисует процесс образования феодальных отношений вообще и на Руси в частности. Расслоение деревни, характерное для образования капиталистических отношений в деревне, он переносит на процесс образования феодализма. Всем известно, что внеэкономическое принуждение является характерной чертой феодального способа производства. У Покровского же в генезисе феодализма оно никакой роли не играет. Возьмите даже его постановку вопроса о реформах 1861 г., этого первого шага феодально крепостной монархии по пути превращения в буржуазную монархию. У Покровского получилось, что все дело сводилось к тому, что хлебные цены в 50—60-х годах повысились и что помещики после известного кризиса цен переводили свое хозяйство на капиталистические рельсы. Стоит только сравнить с тем, как ставил вопрос Ленин, как вы увидите принципиальное различие. Как отсутствие диалектики и упрощенный экономизм приводили Покровского к антиленинской трактовке исторических фактов, я мог бы проиллюстрировать на целом ряде примеров (история самодержавия, крестьянские войны, народничество и др.).

Методология Покровского — антиленинская. Он взял ее у Богданова. У него же заимствована и схема торгового капитала. Уход от марксизма-ленинизма в теории определял колебания Покровского в политических вопросах (впередовство, «левый коммунизм»).

Авторы написанных учебников (группы Ванага, Минца и Лозинского), как это отметил ЦК, целиком исходят из исторической концепции М. Н. Покровского. Его ошибки повторены в учебниках. Различия незначительно и не касаются основных вопросов схемы. Прочтите внимательно замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова на проспекты и критические замечания тов. Быстрянского на учебники, и вы увидите, что это так.

Антиисторизм, который был свойствен Покровскому, насквозь пропитывает и учебники. Отсутствие конкретно исторического подхода к фактам прошлого, непонимание прогрессивности капитализма по сравнению с феодализмом, сползание на позиции мелкобуржуазной анархической критики капитализма — вот характерные черты учебников. Поэтому в учебниках неправильно освещены вопросы о переходе от феодальной раздробленности к периоду самодержавия, Минин и Пожарский, реформы Петра I и др.

Абсолютно правильно у тов. Быстрянского этот антиисторизм сближен со знаменитыми «Друзьями народа», против которых воевал Ленин.

Что касается экономического материализма, то схему торгового капитала сейчас никто не проповедует, но упрощенный экономизм и механическая причинность в освещении фактов остались. Вместо гражданской истории СССР, представляющей многообразный и сложный процесс развития не только экономики, но и политики и культуры, вместо показа всей сложности и диалектичности исторических событий, вместо взаимодействия базиса и надстройки, связи внутренних и внешних событий и т. д. авторами даны лишь история экономического развития и отдельные события из истории классовой борьбы.

Исторический процесс дан схематично: действительная жизнь гораздо сложнее, и борьба классов значительно многограннее, чем она представлена в учебнике. Возьмем феодальное общество. Оно развивается: наряду с двумя основными классами появляются новые классы, создается иное соотношение сил, иная обстановка. Это соотношение сил на различных этапах различно.

Мы должны разработать марксистско-ленинскую концепцию гражданской истории СССР. Для этого необходимо использовать полностью все высказывания по истории Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Без овладения марксистско-ленинской диалектикой мы своей задачи в области истории не выполним.

Вы все знаете указания товарищей Сталина, Кирова, Жданова о том, что авторы смешивают феодализм с периодом дофеодализма, период феодальной раздробленности — с периодом самодержавия. А вот что Ленин писал об этом 40 лет тому назад в статье «Что такое друзья народа»: «История общественности, — гласит эта доктрина прописей, — состоит в том, что сначала была семья, эта ячейка всякого общества (это — чисто буржуазная идея: раздробленные, мелкие семьи сделались господствующими только при буржуазном режиме; они совершенно отсутствовали в доисторические времена. Нет ничего характернее для буржуа, как перенесение черт современных порядков на все времена и народы), затем — дескать — семья разрослась в племя, а племя разрослось в государство. Если г. Михайловский с важным видом

повторяет этот ребяческий вздор, так это показывает только — помимо всего другого, — что он не имеет ни малейшего представления о ходе хотя бы даже русской истории. Если можно было говорить о родовом быте в древней Руси, то несомненно, что уже в средние века, в эпоху московского царства, этих родовых связей уже не существовало, т. е. государство основывалось на союзах совсем не родовых, а местных: помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест, и общины, составлявшиеся таким образом, были чисто территориальными союзами. Однако о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно говорить в то время: государство распадалось на отдельные земли, частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д. Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями, почтеннейший г. Михайловский, и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было ничем иным как созданием связей буржуазных» (Ленин. Т. I, стр. 72—73).

Возьмите, далее, высказывание товарища Сталина на X съезде партии по вопросу о многонациональных государствах. Оно дополняет с этой стороны указание Ленина:

«1. Современные нации представляют собой продукт определенной эпохи — эпохи подымающегося капитализма. Процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является вместе с тем процессом складывания людей в нации. Англичане, французы, германцы, итальянцы сложились в нации при победоносном развитии торжествующего над феодальной раздробленностью капитализма.

2. Там, где образование наций в общем и целом совпало по времени с образованием централизованных государств, нации, естественно, облеклись в государственную оболочку, развились в самостоятельные буржуазные национальные государства. Так происходило дело в Англии (без Ирландии), Франции, Италии. На востоке Европы, наоборот, образование централизованных государств ускоренное потребностями самообороны (нашествие турок, монголов и пр.), произошло раньше ликвидации феодализма, стало быть, раньше образования наций. Ввиду этого нации не развились здесь и не могли развиваться в национальные государства, а об-

разовали несколько смешанных, многонациональных буржуазных государств, состоящих обычно из одной сильной, господствующей нации и нескольких слабых подчиненных. Таковы: Австрия, Венгрия, Россия» (Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос». Сборник избранных статей и речей, стр. 65. Партиздат. 1934).

Как далеко это от экономического упрощенства М. Н. Покровского и его школы!

Посмотрите, какую сложную картину рисует Ленин в противовес упрощенцам и по вопросу о социальной сути и истории самодержавия. Признавая царизм органом крепостников-помещиков, Ленин в то же время отмечает и эволюцию его, обусловленную экономическим развитием и новым соотношением классовых сил: «Развитие русского государственного строя за последние три века показывает нам, что он изменял свой классовый характер в одном определенном направлении. Монархия XVII века с боярской думой не похожа на чиновничье-дворянскую монархию XVIII века. Монархия первой половины XIX века — не то, что монархия 1861—1904 годов. В 1908—10 гг. явственно обрисовалась новая полоса, знаменующая еще один шаг в том же направлении, которое можно назвать направлением к буржуазной монархии» (Ленин. Т. XV, стр. 83).

Отмечая эволюцию самодержавия, различие монархии с боярской думой от чиновничье-дворянской, Ленин ставит вопрос о роли и происхождении этой бюрократии:

«Особенно внушительным реакционным учреждением, которое сравнительно мало обращало на себя внимание наших революционеров, является отечественная бюрократия, которая де-факто... и правит государством российским. Пополняемая, главным образом, из разночинцев, эта бюрократия является и по источнику своего происхождения, и по назначению и характеру деятельности глубоко буржуазной, но абсолютизм и громадные политические привилегии благородных помещиков придали ей особенно вредные качества. Это постоянный флюгер, полагающий высшую свою задачу в сочетании интересов помещика и буржуа» (Ленин. Т. I, стр. 186).

Ленин борется против полного отождествления монархии с господствующим классом крепостников. Он пишет: «Самодержавие представляет интересы исключительно господствующих классов». Это неточно или неверно. Самодержавие удовлетворяет известные интересы господствующих классов, держась отчасти и неподвижностью массы крестьянства и мелких производителей вообще, отчасти балансированием между противоположными интересами, представляя собой, до известной степени, и самостоятельную организованную политическую силу» (Ленин. Т. V, стр. 125).

«Монархия вообще не единообразное

и неизменное, а очень гибкое и способное приспособляться к различным классовым отношениям господства, учреждения» (Ленин. Т. XV, стр. 247).

Как далеки эти установки от упрощенства наших историков! Возьмите вы дальше оценки Лениным и Сталиным петровских реформ, оценку крестьянских войн, указания по национальному вопросу и многое другое. Все это должно стать отправными пунктами, дающими возможность по-иному построить изучение истории СССР. Особенно необходимо для этого изучение работ Маркса и Энгельса.

О недооценке их со стороны русских историков СССР свидетельствует один факт: до сих пор не использовали такого крупного произведения Маркса по истории России, как «Secret diplomatique politique».

Оно даже не переведено полностью на русский язык. Я обращаю ваше внимание на № 6 журнала «Пролетарской революции», где приводится очень интересный отрывок Энгельса о разложении феодализма и развитии буржуазии. Там Энгельс дает анализ истории западноевропейского общества при переходе от феодализма к капитализму. В этом отрывке содержится огромное количество мыслей, которые для наших историков должны стать важнейшими указаниями. Энгельс ставит вопрос о роли королевской власти в деле ликвидации феодальной раздробленности и образований. Он заявляет, что королевская власть была прогрессивным явлением по отношению к периоду феодальной раздробленности. Не случайно, то обстоятельство, что вокруг королевской власти сначала группировались все революционные элементы. Там, где королевская власть была слаба и не стала центром национального объединения, там национальное объединение задержалось, как в Италии и Германии. Переносить эти высказывания просто по аналогии на русский исторический процесс нельзя, но не знать этих вещей и не использовать их — недопустимо.

Перед нами стоит решающая задача — дать марксистскую историю народов СССР.

ЦК и товарищ Сталин поставили перед нами задачу — не только показать Россию как тюрьму народов, не только показать истоки национально-освободительного движения в колониях, но исторически мотивировать образование СССР. Мы показываем, что Россия есть тюрьма народов, показываем, как русский царизм хищнически эксплуатировал колониальные народы. Но одного этого недостаточно. Дело заключается не только в том, чтобы показать колониальную эксплуатацию. Нужно показать эту народность, как она живет, какие социально-экономические процессы в ней совершаются, как разворачивается в каждом районе национально-освободительная борьба, как последняя поддерживается революционным движением в метрополии, как в конечном итоге между революци-

онным пролетариатом России и трудящимися угнетенных национальностей устанавливается союз, приведший к образованию СССР.

Следующий вопрос о связи с западноевропейским историческим процессом. Что особенно поражает у русских историков,—это их провинциализм. Я думаю, что этот провинциализм, отказ историков СССР признать влияние Западной Европы на нашу историю, исходит от буржуазных историков. Русская буржуазная историография отстаивала самобытность, исключительность русского исторического процесса. Вся история России объяснялась исключительно внутренними причинами. Западноевропейская история, по мнению буржуазных историков, накладывает чрезвычайно малый отпечаток на русскую историю.

Между тем оторвать русский исторический процесс от западноевропейского—это значит многого не понять в русском историческом процессе. Поэтому совершенно своевременно напоминание товарищей Сталина, Кирова, Жданова о необходимости не отрывать историю СССР от истории Западной Европы, особенно показать роль и влияние буржуазно-демократических и социалистических идей на революционное движение в России.

Какие выводы нужно сделать нашему Институту? Те программы, которые у нас есть, те лекции, которые у нас читаются, должны быть пересмотрены, так как они отражают все недостатки учебников. У нас нет преподавания истории национальностей.

Наша беда заключается в том, что мы не знаем, что имеется по истории национальностей. Мы ориентируемся на литературу, которая выходит в Москве, и не знаем краевой, областной и республиканской литературы, написанной на национальных языках. Нужно собрать и использовать людей, которые могут дать нам знания по истории народов СССР.

Кафедры должны работать лучше, чем они работают до сих пор. Нужно поставить ряд старых вопросов по-новому.

Нужно историю и дальше разрабатывать.

Перед нами стоит попрежнему задача—дать учебник и как можно скорее. Эта работа не может пройти мимо нашего Института.

Усиление бдительности к тому, что нам преподносится,—вот наша основная задача. Решение ЦК, указания товарищей Сталина, Кирова и Жданова есть для нас директивы, за которые мы будем драться и отойти от которых мы не дадим.

Нельзя думать, что это работа одного или двух месяцев. Нельзя и опасно превращать ту работу, которая сейчас начата, в кратковременную кампанию. Эта работа—длительная, это программа на долгий ряд лет.

Урок, данный ЦК историческому фронту,—чрезвычайно серьезный и крепкий урок. И я думаю, что исторический фронт

учтет эти уроки и будет дальше шагать нога в ногу со всем фронтом социалистического строительства.

Из прений по докладу тов. Кудрявцева

Тов. Ваняг в своем выступлении проводит ту мысль, что наша историческая наука очень далеко отстала от гигантского размаха и от успехов нашего социалистического строительства. Доказательством этого являются и наши учебники, ошибки которых усугубляются тем, что в них проводятся и отстаиваются те неправильные исторические оценки и схемы, в основе которых лежат ликвидаторские, антинаучные, антимарксистские взгляды М. Н. Покровского на историческую науку. Историки, настаивая на этих взглядах, не использовали и не учли в полной мере высказываний Ленина и Сталина по вопросам истории. Всем известны высказывания товарища Сталина по вопросам, касающимся исторической науки: речь товарища Сталина на X съезде партии, где он остановился на вопросе об образовании многонационального государства. Всем известны неоднократные высказывания товарища Сталина о характере крестьянской борьбы, о стихийных бунтах, о крестьянских движениях под руководством Разина и Пугачева. Известны были указания товарища Сталина по вопросу о значении петровской эпохи, о роли преобразовательной деятельности Петра I, об их значении в укреплении национального государства помещиков и купцов. Были известны и высказывания товарища Сталина по вопросу об учебнике истории М. Н. Покровского, когда историкам были даны прямые директивы о том, как следует писать подлинно марксистскую историю. Такими директивами были решение от 16 мая 1934 г. и та программа работ для исторического фронта, которая содержалась в замечаниях товарищей Сталина, Кирова и Жданова на конспекты учебников.

В свете последних исторических решений ЦК необходимо сказать, что все эти указания были учтены лишь в самой незначительной степени, например по вопросу о феодализме. В указаниях товарища Сталина совершенно точно и четко сказано о том, что в проспекте не проведена разница между дофеодальным и феодальным периодами, между строем феодальным и самодержавным. Находясь во власти схемы М. Н. Покровского, авторы учебников упустили из виду, что между родовым строем и между эпохой феодализма лежит известный длительный исторический период становления феодальных отношений. В это время существовали свободные крестьяне—смерды, постепенно закрепощавшиеся. С этой точки зрения «Русская правда» не является выражением социально-экономической структуры Киевской Руси на всем историческом отрезке ее развития. «Русская правда» является только выражением начала

закрепощения крестьянства и относится не ко всему периоду, известному под названием Киевского государства, а к более позднему времени, к X—XI векам.

Неверные представления о Киевской Руси глубоко укоренились в исторической литературе. Совсем недавно появилась книга Грекова, которая сводит рассмотрение социальной структуры Киевской Руси к нежизненной схеме.

В конечном итоге, кроме феодалов и крепостных крестьян, для нас в Киевском государстве ничего не существовало.

Можно привести целый ряд других примеров упорства историков в своих ошибочных схемах. Возьмем Пугачева и Разина. Обсуждая замечания товарища Сталина, авторы пришли к заключению, что стоит только заменить затасканный термин «разинщина» словами «движение под руководством Разина» или «движение Пугачева»—и вопрос решен. Вопрос решался формально, и такое формальное отношение к принципиальным замечаниям можно проследить на учебнике шаг за шагом. В основном вопросе о народах СССР историки также оказались на старых позициях, выражавших буржуазное влияние на нашу историческую науку.

Не пересмотрели мы своих взглядов и на эпоху Петра I на основе указаний товарища Сталина, данных им в беседе с Людвигом. Один из параграфов учебника был закончен цитатой из этой беседы товарища Сталина, и этим была ограничена та задача, которая перед историками стояла.

В характеристике периода буржуазных реформ XIX в. та же характерная черта—схематизм. О нем говорит само построение изложения реформ: 1) разложение крепостного хозяйства, 2) крестьянское движение и реформа. К такой упрощенной форме сводится один из наиболее богатых событиями период, период с конца XVIII до середины XIX века. Крестьянство превратилось в какой-то фетиш. Если внимательно просмотреть все изложение исторического прошлого, по крайней мере, до XVIII в., то необходимо вооружиться лупой, чтобы увидеть какие-нибудь другие прогрессивные силы кроме крестьянства. В учебнике по истории СССР нашел свое полное отражение этот схематизм. Крестьянство выступает в качестве фетиша. Хмельницкого, например, авторы упростили, сведя его просто к роли предателя интересов крестьянства и украинского народа.

Если присмотреться к той методологии, с которой историки подходили к изучению исторических фактов, то нужно признать, что эта методология заимствована у Покровского.

Как М. Н. Покровский до последних дней оставался на позициях экономического материализма, так и многие ученики Покровского чувствовали влияние этого экономического материализма. Роль государства в литературе исторической школы Покровского также со-

вершенно не вскрыта как мощное орудие классовой борьбы.

Отсюда и оказались возможны те ошибки, одну из которых тов. Быстрицкий правильно квалифицирует как «левацкий интернационализм».

Вот один из примеров такой трактовки начала XVII века:

«Из Ярославля помещичье ополчение двинулось к Москве. Его отряд появился под Москвой в июле 1613 г. Здесь он стал укрепленным лагерем, отдельным от крестьянско-казацкого ополчения. Сам Пожарский с главными силами остановился по дороге в Москву в Троицко-Сергиевской лавре (Загорск), откуда Пожарскому удалось переманить на свою сторону значительную часть сторонников Заруцкого. Заруцкий с отрядом в 2½ тыс. человек был вынужден покинуть свои укрепленные позиции под Москвой. Отбиваясь от нападений помещичьих отрядов, он пошел через Воронеж и степь в Астрахань.

В октябре 1613 г. помещичье ополчение приступом взяло Китай-город. Через четыре дня истощенный голодом польский отряд сдал Кремль. Великорусские помещики одержали победу» (учебник, стр. 124).

В крестьянском движении историки искали только одну сторону—революционную борьбу с эксплуататорами. Помещики, наоборот, на всех этапах истории оценивались как класс реакционный и даже контрреволюционный. Свои нынешние оценки историки переносили во все эпохи, не различая конкретных особенностей места и времени. В крестьянско-казацком отряде, стоявшем в 1612 г. под Москвой, в учебнике не отмечена прогрессивная, революционная роль той части казацкого ополчения, которая вместе с Мининым и Пожарским осталась под Москвой и выгнала из Москвы польских интервентов. Наоборот, Заруцкого, ушедшего на юг, в учебнике выставили настоящим революционером. Под ту часть ополчения, которая осталась с Мининым и Пожарским и вместе с ним выгнала интервентов, в учебнике подвели социальную базу, указав, что сделали они это потому, что они были самостоятельными казаками.

В схематизме коренятся и другие ошибки учебника: неправильная оценка движения декабристов и крестьянской реформы. Буржуазно-революционная сторона декабристского движения оказалась обойдена.

Как сам М. Н. Покровский оценивал свой сжатый очерк?

«Конечно,—писал М. Н. Покровский,—это не учебник, который можно изучать лабораторным путем. Он может быть полезной книжкой для людей, знающих русскую историю, потому, что он дает сумму марксистских обобщений. Он дает марксистские обобщения, марксистский метод, так что в этом смысле он полезен, но, за исключением этого, там ничего нет».

Тов Ваняг указывает, что он целиком разделял это глубочайшее заблуждение М. Н. Покровского, убежденный в том, что книжка является образцом применения марксистской методологии в исторической науке.

Между тем в этой книжке сохранилась вся антинаучная методология М. Н. вплоть до «шапки Мономаха» и торгового капитала. «Государство Петра и его преемников, — читаем мы в ней, — верно отражало свою основную сущность как владычество торгового капитала».

В вопросе о взглядах на историческую науку историки точно так же следовали за М. Н. Покровским. В мае 1933 г. была помещена в «Борьбе классов» речь тов. Покровского о преподавании истории. В ней особенно ярко отразилось ликвидаторское отношение к исторической науке:

«Мне кажется,—писал М. Н. Покровский,—что когда мы историю возвращаем обратно, то надо поступать так, как мы поступаем с механически выбывшими из партии людьми. Их не прямо принимают обратно, а всегда ставят вопрос: что, зачем, какой человек и т. д. Здесь нам надо так же поступать: какая история, зачем история, почему история, какие цели ставит. Если мы это существо в старом костюме выгнали и заперли за ним дверь, то теперь, когда мы его возвращаем, надо некоторым образом подвергнуть его исследованию. И тут возникает огромное количество недоразумений. Прежде всего, некоторые старые педагоги, благополучно переживавшие этот промежуток времени, обрадовались, что опять будут цари, министры и реформы и т. д. Мы заявляем, что надо вбить в этих царей, министров и реформы не осиновый, а железный кол. Так история никогда не будет преподаваться» (выступление М. Н. Покровского о преподавании истории, май 1928 г., «Борьба классов» № 5 за 1933 год).

Таково наиболее яркое выражение антиленинских, ликвидаторских взглядов на историческую науку, которые пропагандировались еще в 1933 г. со страниц нашего популярного журнала «Борьба классов».

Основной вывод, который мы обязаны сделать из решений ЦК, заключается в следующем: либо историки перестанут упорствовать в своих заблуждениях как по вопросу об антимарксистских взглядах на историю, так и по отдельным ненаучным высказываниям и взглядам, либо они останутся безнадежными схематиками, непригодными для работы на историческом фронте.

Вопрос стоит с такой серьезностью потому, что историки-большевики призваны бороться против всякого вида фальсификации истории, среди которых самыми изощренными фальсификаторами являются фашистские историки.

Если наши историки не противопоставят фашистским историкам историческую правду, а только ненаучные схемы, то они окажутся совершенно бессильны в борь-

бе с ними. Это подтверждает между прочим практика сегодняшнего дня.

Фашистская историческая наука сейчас пропагандирует идею, что «не государственные дарования славянства дали силу и крепость русскому государству. Всем этим Россия обязана была германским элементам».

Недавно издана еще одна фашистская книжка. В ней Екатерина II изображена гением, который оказался арийского происхождения.

В борьбе против фашизма необходимо прежде всего восстановить подлинную историческую правду, объективную историческую науку, которая является орудием в руках рабочего класса в его борьбе за социализм.

Тов. Панкратова подчеркивает, что она несет полную ответственность за все те установки и за весь тот материал, который имеется в учебнике тов. Ваняга, независимо от того, что она писала другую часть, не подвергшуюся пока еще критике,—часть, посвященную истории советского периода. Никаких разногласий по тем вопросам, которые указаны в замечаниях ЦК, между членами бригады не было. Ошибки, которые свойственны учебнику бригады Ваняга, точь-в-точь повторяются и в других учебниках по истории СССР. Таким образом, здесь налицо не индивидуальные ошибки, а ошибки, свойственные значительной части историков СССР, которые формировались и вышли из исторической школы Покровского.

Совершенно правильно в решениях ЦК и Совнаркома подчеркнуто, что основной причиной неудовлетворительности представленных учебников является то обстоятельство, что авторы указанных учебников продолжали «настаивать на неоднократно вскрытых партией и явно несостоятельных исторических определениях и установках».

Тов. Панкратова посвящает свою речь характеристике того антимарксистского понимания истории как науки, которое определило и конкретные исторические ошибки в учебниках. Эти взгляды и ошибки не являются отдельными и случайными. Они показывают, что у историков СССР была неправильная методология. Ошибки в учебниках вскрывают пороки исторического мировоззрения. Историки СССР не стали на путь выработки и изучения марксистско-ленинского исторического мировоззрения, отстаивая и проводя те схемы и ту методологию, которая формировалась у них под влиянием общеисторической схемы М. Н. Покровского. Эта схема и методология вырабатывались у них в течение ряда лет под воздействием тех политических установок в области истории, которые они считали до сих пор правильными и вместе с М. Н. Покровским защищали все годы.

Основная исходная позиция у историков СССР была такая, что у Покровского

были исторические ошибки, была неправильная схема, но что он правильно и по-большевистски понимал политическую роль и боевые задачи истории как науки. Они считали его большевистским историком и потому, что он проделал ту громадную работу и развернул активную борьбу против буржуазной и дворянской историографии, с мелкобуржуазной и троцкистской схемой русского исторического процесса.

Самого Покровского также нужно было брать исторически. Между тем ученики Покровского защищали своего учителя, потому что считали правильным не только его исходный тезис, что история—самая политическая из наук, но утверждение М. Н., что сама по себе история—это «политика, опрокинутая в прошлое». Этот тезис давал угол зрения для оценки всех событий прошлого. В событиях настоящего, в зависимости от того, что сегодня определяло наши политические задачи, сам М. Н. и ученики его искали ключ для понимания прошлого. Характерен пример того, что М. Н., например, искал в народничестве корни правого кулацкого уклона.

М. Н. Покровский на одном заседании Института истории по поводу задач историков-марксистов говорил таким образом: «История есть самая политическая наука из всех существующих. История это есть политика прошлого, без которой нельзя понять политику настоящего. Попробуйте взять любое из явлений окружающей нас действительности, и вы не поймете его без его исторических корней» («Историк-марксист» № 14 за 1929 год, стр. 12).

Этот тезис определял взгляд М. Н. на историю как политику, опрокинутую в прошлое, т. е. его требование к истории, чтобы она обслуживала непосредственные задачи текущей политической борьбы. Верно, что мы должны знать глубже историю, чтобы понять нашу действительность. Но неверно оценивать прошлое с точки зрения нынешних задач и оценок. Чтобы понять роль Минина и Пожарского, нельзя исходить из посылок сегодняшнего дня, что помещичий класс обречен, что он контрреволюционен и т. п. Историческую роль каждого класса нельзя оценивать без конкретно исторического анализа действий и значения этого класса на том или другом этапе с точки зрения всего исторического развития.

Это и приводило к отрицанию объективной исторической науки. Исходя из того, что история есть самая политическая из всех наук, историки считали, что их задача заключается в том, чтобы они могли увязать теорию с текущей практикой. А эту увязку они понимали в том, что должны непосредственно разъяснить массам происходящую классовую борьбу сейчас, находя ей соответствующее объяснение в прошлом. Классовые отношения, которые определяли сегод-

няшний день, они переносили схематически на вчерашний день, а условия вчерашнего дня в значительной степени аналогизировали с сегодняшним днем.

Получилось то, против чего так решительно боролся Маркс, когда он писал в 1877 г. в письме в редакцию «Отечественных записок» против своих критиков.

«... события, — писал Маркс, — поразительно аналогичные между собою, но происходившие в исторически различной среде, приводят к совершенно различным между собою результатам. Изучая каждую из этих эволюций в отдельности и затем сравнивая их между собою, легко найти ключ к уразумению этих явлений, но никогда нельзя придти к их пониманию, пуская в ход повсюду и всегда одну и ту же отмычку (*passé-partout*) какой-либо историко-философской теории, самое высшее достоинство которой заключается в ее надисторичности» (К. Маркс и Ф. Энгельс «Письма», стр. 311. Соцэкгиз. 1932).

В методологии Покровского, в его «экономическом подходе» получалась таким образом «одна и та же отмычка», с которой он подходил к различным историческим этапам. В этом и заключался тот величайший антиисторизм, который противоречит духу Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, ибо марксизм — это историзм прежде всего.

Иметь одну и ту же «отмычку» и с ней подходить к оценке классов «во все времена и народы» — значило проводить немарксистскую, неленинскую методологию, которая неизбежно должна была привести историков к позиции ликвидаторов исторической науки.

Из указанных принципиальных установок М. Н. и его школы вытекало, что изучалась по преимуществу история последних десятилетий.

Другим ликвидаторским результатом был отказ в Институте истории Комкадемии, в Обществе историков-марксистов, а потом и во всех учебных программах и учебниках от изучения и преподавания древней, средней и новой истории и переход к изучению отдельных проблем. В «Историке-марксисте» № 14 за 1929 год, в статье М. Н. Покровского об Институте истории Комкадемии, была тогда выдвинута новая периодизация. Вот как писал М. Н. Покровский об этой перестройке, приведшей впоследствии к полной ликвидации изучения древней, средней, новой и т. п. конкретной истории: «Сначала, как будто, имелась в виду (при создании Института истории Комкадемии) только смена атмосферы и личного состава. Но как только мы подошли ближе к делу, мы сразу же увидели, что этим ограничиться никоим образом нельзя, и у нас получилась структура совершенно новая. Структура, по поводу которой... они (ученые из Академии наук) пришли бы в величайший ужас и волосы у них встали бы дыбом. Подумайте, что же это такое? Ни

западной истории, ни русской истории, ни древней истории, ни средней истории, ни новой истории, ни новейшей — ничего нет! Что это такое? Мы решили таким образом организовать нашу работу в Институте, чтобы она была сосредоточена около основных нескольких крупнейших исторических проблем. И у нас получились такие секции (я иду сверху вниз): секция истории империализма, секция истории промышленного капитализма, секция социологическая, секция методологическая и т. п.» («Историк-марксист» № 14 за 1929 год, стр. 8).

Из этой перестройки получилось то, что ни в ИКП, ни в Институте истории Комкадемии, ни в университетах, где вообще были ликвидированы исторические курсы, — нигде не готовились кадры историков-марксистов на самых трудных участках, где господствовали до этого только буржуазные историки. Эти участки (древняя, средняя история и древний период истории СССР) остаются и сейчас наиболее уязвимыми. После этих фактов ЦК должен был сказать, что мы по существу ликвидировали историю и что эта ликвидация действительно вытекала из антимарксистских, антиленинских взглядов М. Н. Покровского и его школы на роль и задачи истории как науки.

Было бы неправильно, если бы историки утверждали, что они отказались от схемы Покровского, но сохранили его методологию.

Общая схема торгового капитала, от которой Покровский якобы отказался, на самом деле определяла все оценки классов, все оценки революций и других событий, все характеристики живых исторических деятелей и т. п., которые давались в работах М. Н. Покровского и его школы.

В «Самом сжатом очерке» М. Н. Покровский пишет, что раньше исторические работы и учебники давали историческую схему по царствованиям. «Здесь, — писал Покровский о своем учебнике, — материал тоже распределен, если хотите, по «царствованиям», только вместо кукол в короне и порфире, автор взял настоящего царя, царя-капитала, самодержавно правившего Россией от Ивана Грозного до Николая последнего. Первый очерк посвящен первому царствованию — истории возникновения в России торгового капитала и захвата им власти. Северная война и образование Российской империи отмечают полную зрелость русского торгового капитализма. Но в пленках пицал уже младенец, который через 100 лет стал столь сильным и буйным, как его палаша. Царствованию этого наследника торгового капитала, капитализму промышленному, посвящен второй очерк. Пора полной зрелости промышленного капитализма падает в России на вторую половину XIX века. В начале XX в. на сцене уже русский империализм. Ему и его крушению будет по-

священ третий и последний очерк» (предисловие).

М. Н. Покровский весь «Очерк» посвящает истории возникновения российского торгового капитала и захвата им власти, а затем также подходит и к истории промышленного капитализма.

«Торговый капитал и захват им власти» — вот то, что составляет исключительное содержание первой половины истории до середины XIX века. Впоследствии М. Н. Покровский формально отказался от того, что называлось схемой торгового капитализма. Но на самом деле эта схема определяла у него весь русский исторический процесс, освещение всех событий. Исходя из того, что вся история развития России представляла развитие торгового капитала, а потом промышленного капитала, все цари и царствования изображались как непосредственные представители торгового капитала. Из этого вытекали и роль помещиков и роль крестьян и крестьянских войн в русской истории как основного стержня истории до XIX века. Борьбой торгового и промышленного капиталов объяснялись все революции и их результаты и все войны вплоть до империалистической войны 1914 года. Возьмем, например, как оценивалась война 1812 года. У М. Н. Покровского и почти во всех учебниках война 1812 г. с Наполеоном подается под углом зрения конкуренции между русскими помещиками и купцами и между иностранной буржуазией. У Покровского в «Сжатом очерке» все сводится к взаимоотношениям между русским торговым и английским промышленным капитализмом. Эта схема вытекает целиком из общей старой схемы М. Н. о роли торгового капитала как «демиурга истории».

Война с Наполеоном изображалась как война крестьян против помещиков. Народные массы изображены пораженцами. Факт занятия Москвы Наполеоном трактуется положительно.

Ни в малейшей степени в учебниках не учтено исключительно интересное указание Ленина относительно войн Наполеона: «Национальная война может превратиться в империалистическую и обратно. Пример: войны великой французской революции начались как национальные и были таковыми. Эти войны были революционны: защита великой революции против коалиции контр-революционных монархий. А когда Наполеон создал французскую империю с порабощением целого ряда давно сложившихся, крупных, жизнеспособных, национальных государств Европы, тогда из национальных французских войн получились империалистские, породившие в свою очередь национально-освободительные войны против империализма Наполеона» (Ленин. Т. XIX, стр. 181).

Разве не нужно было нам в известной мере учитывать вопрос о новом качестве войны и в отношении России? Разве не следовало задуматься, имела ли эта вой-

на элементы национального характера, поскольку все классы реально видели угрозу целостности России?

В вопросе о крестьянской войне XVII в., где Лжедмитрий изображен крестьянским вождем, где Минин и Пожарский изображены как контрреволюционеры, вопрос о прогрессивности известного рода войн и их общенациональном характере совершенно смазывался.

Нужно научить наше молодое поколение диалектически понимать и изучать объективную историю, а не изображать весь исторический процесс однотонным и бесцветным, когда все кошки серы.

Дальнейшие задачи историков можно сформулировать коротко: как можно скорее, и целиком и полностью, овладеть ленинским наследством в области истории СССР, а не в виде тех или иных цитат, как это мы делали в учебниках. И вторая задача — как можно скорее доказать на деле, что историки хотят помочь партии и действительно создать боевое оружие партии в виде настоящих марксистских исторических учебников, помогающих воспитанию широких народных масс в духе учения Маркса, Ленина, Сталина.

Тов. Дроздов. Положение, которое создалось на историческом фронте, по существу характеризуется как ликвидация истории. Со времени перестройки 1929—1930 г. вместо живой, конкретной истории со всем богатством ее содержания установилась голая социология.

Изучались только те периоды истории, которые самым непосредственным образом были связаны с современностью. Заниматься более ранними эпохами считалось нецелесообразным. Неправильная постановка проблемы партийности в истории привела к совершенно антидиалектической постановке всех вопросов истории. В 1929—1930 годах исторические вузы были ликвидированы.

Для того чтобы выправить это положение, потребовалось вмешательство ЦК и вождя нашей партии товарища Сталина.

Большая часть историков СССР является учениками Покровского, формировавшимися на его исторических работах. Историческое мировоззрение М. Н. Покровского довлеет над всем историческим фронтом. Совершенно своевременна постановка вопроса об исторических корнях этого мировоззрения.

Покровский как историк складывался в 90—900-х годах. Владимир Ильич писал об этой эпохе, что движение достигло огромных успехов, развилось вширь, но распространение его вширь сопровождалось снижением теории. У интеллигенции в эту эпоху была мода на марксизм. Покровский принадлежал к той группе интеллигенции, которая не могла воспринять марксизм в целом.

Что было воспринято от марксизма этой группой интеллигенции? Они не восприняли в марксизме главного, основного — диалектического материализма: они восприняли только одно неправильно истол-

кованное ими положение марксизма о том, что экономическое развитие определяет все остальные стороны жизни. Покровский сам признался, что экономический материализм он воспринял от Струве и легального марксизма. Не понято было учение Маркса об общественно-экономической формации и классовой борьбе. Зомбарт и Бюхер в 90-х годах и в 900-х годах оказали огромное влияние на то направление, к которому принадлежал Покровский. Его историческая периодизация является бюхеровской периодизацией. В «Очерках по истории русской культуры» несмотря на то что они начинаются с критики Бюхера это нашло свое полное отражение. Вопрос о генезисе капитализма Покровским поставлен так же, как и Зомбартом в работе «Современный капитализм». У Струве в сборнике статей «На разные темы» имеется периодизация, которая совпадает с периодизацией Покровского. Такую же периодизацию находим у Богданова, Лященко и у целого ряда других, принадлежащих к этому поколению. Формулировка, в частности о торговом капитале, взята у Богданова. Богданов прямо пишет, что абсолютизм есть политическая организация торгового капитала.

Какие принципы методологии Покровского, проведенные в его работах, продолжают влиять и на учеников Покровского?

Это абстрактный социологизм и схематизм. Определенный отрезок исторического процесса никогда не берется во всей его конкретной совокупности. Берется только одна сторона этого процесса, которая отвлечена от исторического процесса в целом и превращается в абстрактную категорию.

Возьмем хотя бы построение по темам всей русской истории с древних времен. Покровский каждую главу начинает с IX в., а кончает XVII веком. Для доказательства одного и того же положения приводятся нередко факты и из XVII в. и из IX—XI веков.

Исторический процесс совершается автоматически. Живые люди исчезают. Экономика полностью детерминирует все.

Самым важным по своим отрицательным последствиям является антиисторизм М. Н. Покровского.

Покровский поставил перед собой цель — сделать историю политической наукой. Но он не понимал, что быть большевиком в истории — это значит показать и объяснить исторический процесс таким, каким он был на самом деле, ибо историческая правда — оружие пролетариата. Покровский хотел политизировать историю IX в. и для этого ставил историю на путь исторических аналогий. То, что делается в современности, он полагал нужным объяснять далеким прошлым. Ткачев, который так беспощадно подвергался критике Марксом и Энгельсом, у Покровского является первым марксистом в России. В народничестве 70-х годов есть большевистское и меньшевистское

крыло, повторяющее правое и «левое» крыло 1929—1930 годов. Аналогия является извращением, вульгаризацией исторического процесса. Покровский требовал сосредоточить изучение только на таких вопросах, которые непосредственно связаны с современностью, т. е. изучать только несколько последних десятилетий. Не учитывая диалектику развития, он настоящее проектирует в прошлом. Поэтому прогресс из истории выбрасывается. Влияние Покровского на всех историков было чрезвычайно велико: ошибки Покровского не могли не отразиться и на их работах.

Товарищи, которые писали учебники, свою задачу большевистских историков поняли так, чтобы эксплуататорские классы обрисовать самыми мрачными чертами. Наоборот, всякое движение, которое исходит из угнетенных классов, они стремились развернуть до самых последних пределов и иногда найти в нем то, чего в действительности в этом движении не было.

Второй момент — это проблема национального государства и великорусского народа. Эта проблема или выброшена или поставлена совершенно неправильно.

В заключение тов. Дроздов останавливается на своих ошибках в учебнике под редакцией тов. Ванага, где он написал раздел о петровских реформах. В этой главе допущен такой же антиисторизм, как и в других. Начинается история петровской эпохи с характеристики того движения, которое представлял собой первый период царствования Петра I, в частности с движения стрельцов 1682 и 1698 годов.

При рассмотрении этих восстаний совершенно не поставлен вопрос о том, на чьей же стороне был исторический прогресс. Не показано, что движение стрельцов в 1698 г. было реакционным движением, подчеркивается только зверская жестокость Петра I. Зверская жестокость Петра I, конечно, — факт, но линия, которая проводилась Петром, по сравнению с линией стрельцов, все же была прогрессивной линией. Об этом ничего не сказано.

Борьба за берега Балтийского моря характеризуется только как захватническая политика русских помещиков и крепостников. Совершенно не учтено то, какое огромное значение имела эта борьба для укрепления национального государства. Завоевание берегов Балтийского моря было путем, через который в Россию могли проникнуть и европейский капитал и цивилизация, и техника. При анализе промышленной политики Петра I ударение было сделано на то, что манифесты Петра I вели к росту крепостного труда, что издание этих манифестов означало усиление эксплуатации. В то же время издание манифестов означало огромный шаг вперед России по пути буржуазного прогресса, хотя эксплуатация и усиливалась.

Показаны только отрицательные сто-

роны петровских реформ. Учебник не останавливается на том, каким огромным шагом вперед было создание бюрократического аппарата по сравнению с тем, что было в московском государстве до Петра.

Основная и первоочередная задача историков — это критика методологии М. Н. Покровского, сопровождаемая сугубой самокритикой. Перед историческим фронтом стоит задача создания целого ряда научных, действительно большевистских работ. Нужно ликвидировать отставание исторической науки от задач социалистического строительства. Нужно сделать историю большевистской наукой, нужно создать подлинную марксистскую историю путем самого тщательного и самого добросовестного изучения конкретно исторического материала, путем показа и объяснения того, как исторический процесс происходил на самом деле.

Тов. Пионтковский в своем выступлении подчеркивает отставание исторической науки. Те положения, которые сформулированы ЦК и товарищем Сталиным по поводу проспектов, и решение ЦК ВКП(б) и Совнаркома об учебниках очень точно и ясно указали основные недостатки работы историков.

Историки СССР застряли на тех неверных позициях, до которых дошла историческая мысль в лице Покровского приблизительно в 1910—1912 годах.

В 1910—1912 годах в буржуазной исторической мысли шла очень жестокая борьба между двумя течениями в историографии: одни считали, что история есть только наука об индивидуальном неповторяющемся, другие считали, наоборот, что история есть наука только об общих законах.

М. Н. Покровский и вслед за ним наши историки СССР пошли по линии общего, забывая, что общее проявляется и выявляется через индивидуальное.

Это общее при отрицании индивидуального превращалось в чрезвычайно однобокое, схематическое построение.

Отказавшись от учения о торговом капитале, ученики Покровского стали анализировать явления с точки зрения развития производства. Но, поставив вопрос о производстве, они совершенно не учли обратного влияния надстройки на базис, решив, что в производственном моменте можно иметь общий ключ ко всем явлениям. Так получилось, что во всех работах усилили сознательность и революционную роль крестьянства, не учитывая того, что указывал Ленин в статье о Толстом, где он говорит, что часть крестьянства молилась, плакала и т. д., а только определенные элементы восставали.

Выбор исторических фактов проводился субъективно, с точки зрения определенной схемы.

Например, как создалась неверная трактовка по вопросу о Минине и Пожарском, о которых писал в учебнике тов. Пионтковский? В буржуазной литературе о втором ополчении все историки кричат о патриотизме, совершенно не

упоминая о борьбе помещиков с крестьянами. Между тем были найдены документы, где кроме патриотических моментов описывалась борьба с крестьянством и т. д. Буржуазные историки этих документов не цитировали. Книги этих писателей выходили во время гражданской войны. Политически им нужно было открыть Деникину дорогу на Москву. Они мечтали, что крестьяне Севера будут той силой, которая приведет к реставрации. Вот они и изображали в начале XVII в. крестьян Севера той политической силой, которая произведет реставрацию. Тов. Пионтковский говорит, что, борясь с этой тенденцией буржуазных историков, изображая борьбу XVII в., он дал ее столь же однобоко, подчеркнув лишь то, что Минин и Пожарский подошли к Москве, борясь с крестьянством. Момент национальной борьбы за создание и сохранение великорусской нации и государства оказался снятым. Национальный момент в историческом процессе был снят в обоих разрезах, и для истории народов СССР и для истории Великороссии. В национальном вопросе историки скатились на великодержавническую позицию. Показывая только процесс захвата и эксплуатации народов, учебники совсем не останавливались на том, что у этих народов происходит, как идет процесс их внутреннего развития до и после превращения их в колонии царской России. Народ, пока он не вошел в орбиту всероссийских феодалов и помещиков, для нас не существует. Тот или иной народ включался в историю СССР лишь с момента его захвата русскими завоевателями.

Так писалась не история народов СССР, а история великоруссов, с учетом того, что Великороссия являлась эксплуататором колоний.

Следующий вопрос — это отрыв истории СССР от истории Запада.

Указаний ЦК и замечаний товарища Сталина в этом отношении историки СССР также не сумели осуществить. Мало сказать, что Россия — мировой жандарм, и изобразить два похода на Венгрию и Польшу. Все замечания, которые дает товарищ Сталин, и решения ЦК смыкаются с теми высказываниями, которые мы имеем у Маркса и Энгельса в их статьях о России, в переписке, где каждый раз ставится вопрос о революционной ситуации в Европе. Маркс и Энгельс ставят вопрос о роли царской России в борьбе с революционным движением в Европе, о роли борьбы самодержавия с крестьянством и рабочим движением.

Перед историками со всей остротой стоит вопрос о том, что нужно дать изложение истории СССР по-ленински. Необходимо произвести настоящий поворот в области истории СССР.

Поворот требует работы. Надо преодолеть свои собственные ошибки, по-новому понять материал, собрать и мобилизовать новый материал и в свете ука-

заний ЦК создать настоящую марксистско-ленинскую историю СССР.

Тов. Фридлянд останавливается преимущественно на положении западного участка исторического фронта. Не подлежит сомнению, что все то, что было сказано в замечательных документах 26 января 1936 г., касается не только учебника истории СССР, но и всей исторической науки вообще, всех историков — западников и русских. Решения эти выходят за пределы исторической науки: они имеют большое партийное и политическое значение. Не преувеличивая, можно сказать, что решения об истории 1934 и 1936 годов имеют международное значение, касаются основ нашего мировоззрения в борьбе с международным фашизмом. Борьба со взглядами школы М. Н. Покровского касается также и западных историков. Она является дальнейшим этапом в борьбе за выкорчевывание в нашей среде взглядов историков-марксистов эпохи II интернационала. Мы знаем теперь из писем, опубликованных Каутским, писем Энгельса о том, как Каутский и Бернштейн сознательно отстраняли Энгельса от работы над книгой «Предшественники научного социализма». Таким образом, историография эпохи II интернационала, исторические работы Каутского и Бернштейна возникли в борьбе с учителями научного социализма. Естественно, что линию нашей науки мы ведем от классиков научного социализма — Маркса, Энгельса. В работе Ленина «Развитие капитализма в России» развито учение об общественных формациях. Книга «Что такое друзья народа» является для нас классическим образцом марксистских взглядов на историческую науку.

Когда мы говорим о взглядах М. Н. Покровского, речь идет не только об ошибках в трактовке торгового капитала, речь идет о самом характере отношения к исторической науке, о том, что мы понимаем под термином «историзм». М. Н. Покровский в статье «Русская историческая литература в классовом освещении» писал: «Большинству кажется, что история — это все равно история, ну, конечно, факты немного иначе «освещены», но ведь эти факты, все равно, кто бы их ни обрабатывал, они останутся фактами». Но «факты, которые мы находим у того или другого историка, по крайней мере на 75% суть комбинации некоторого сырого материала, который был в руках у этого историка». Этим утверждением М. Н. Покровский лишает историческое исследование объективной исторической базы, делает факты произвольным орудием в руках историка.

Можно вспомнить тот завет, который Покровский оставил историческому фронту: «И мой завет вам — не идти «академическим» путем, которым шли мы, ибо «академизм» включает в себя, как непереносимое условие, признание этой объективной науки, каковой не существует». Речь идет не о том, что объектив-

ность науки не следует подменять объективизмом, не следует забывать, что историческая наука — партийная наука — острое политическое оружие в руках пролетариата. Таковой она может стать лишь будучи объективной наукой, результатом строго научного изучения прошлого. Отказ от объективной истории и грубый экономический материализм приводят М. Н. к таким рискованным положениям, как например в книге «Борьба классов и русская историческая наука» (вып. I, стр. 48), где говорится, что есть сходство между северными богатырями Ибсена и русскими людьми, сделавшими Октябрьскую революцию, что необычайная отсталость русского народного хозяйства, с одной стороны, и чрезвычайная быстрота роста капитализма, с другой — создали в характере русского народа резкие контрасты и эти резкие контрасты выковали под конец в народном характере ту склонность к резким переходам, к резким скачкам, которая (склонность) «выразилась» в области политики, например, в том, что мы «сразу прыгнули от самодержавия к социализму, минуя все промежуточные ступени. Этот исторический прыжок чрезвычайно характерен».

Конечно, это импрессионизм в науке, а не подлинная наука. История для Покровского не есть объективная наука, а только политика в ограниченном смысле слова. Историзм, столь своеобразно понятый, дает возможность проделывать над объективным историческим материалом любые комбинации и экстравагантные сопоставления, но для М. Н. Покровского его социологический схематизм был результатом большой работы над конкретным историческим материалом. Он был человеком огромной культуры и огромных знаний. Наша же научная молодежь, получив от Покровского его схематизм, не имеет тех знаний, которые имел он. И когда М. Н. Покровский в своем последнем выступлении, обращаясь к молодежи, к историкам, напомнил им Гильдебрандта, историка Июльской монархии, добавив в скобках: «Вы, вероятно, не знаете его имени, а это очень талантливый черносотенец», то даже он не почувствовал той иронии и того осуждения, которые таятся в этих словах для всей той системы исторического образования, которая складывалась под его непосредственным руководством на протяжении многих лет. Он отрицал Гильдебрандта, он игнорировал его, но он то знал его.

Неоспорима огромная политическая заслуга М. Н. Покровского, разоблачившего буржуазную и мелкобуржуазную историографию, очистившего дорогу для марксистского знания, но нет никакого сомнения, что в этой критической работе заложена была основа тех антиленинских, по сути дела ликвидаторских, взглядов на историческую науку, результаты которых проявились сейчас, когда нам по-

ручено было написать учебники для средней школы.

Основное, что сказано решениями ЦК, — это то, что огромный фактический материал должен быть нами пересмотрен под углом зрения высказывания классиков научного социализма: Маркса—Ленина—Сталина, — что историки недостаточно изучали эти высказывания, что внимательное изучение этих работ помогло бы им понять то, что мешало им понять ограниченность взглядов М. Н. Покровского.

Один из основных выводов, который нужно сделать из принятых решений, — это то, что история — такая же наука, как химия, физика, и математика, что ответственность на нас лежит огромная, что мы работаем не для своих приятелей, а для миллионов, что мы должны стать из кустарей-одиночек людьми, вместе со всей страной успешно работающими на фронтах строительства бесклассового общества.

Тов. Козлов останавливается на некоторых вопросах всеобщей истории. Постановление ЦК и Совнаркома говорит о том, что и учебники по всеобщей истории являются неудовлетворительными.

ЦК систематически предупреждал историков о том, что у них крайне неблагоприятно обстоит дело, что они историю похоронили, что ее заменили антиисторическими, антимарксистскими, антиленинскими, по существу ликвидаторскими, схемами.

Чего не поняли в указаниях ЦК товарищи, занимавшиеся всеобщей историей? Прежде всего они не поняли указания, сделанного товарищами Сталиным, Ждановым и Кировым, что осью учебника должна быть идея противоположности буржуазной революции и социалистической.

Если вдуматься в периодизацию, данную товарищем Сталиным, то первое, что обращает на себя внимание, — это заключающееся в ней требование брать факты и события в их диалектическом развитии. Из периодизации товарища Сталина явствует, что нужно помнить о развитии классов, общественных слоев и т. п., явствует, что буржуазия в первом периоде отличается от буржуазии, допустим, в третий период. В наших исторических работах буржуазия есть буржуазия одноцветная во всех периодах. Ленин прослеживал конкретно историю буржуазии на каждом этапе исторического процесса, он видел, когда буржуазия была революционной, прогрессивной, когда буржуазия стала национал-либеральной, потом империалистической, реакционной, паразитической. Требование марксистско-ленинского метода об изучении явлений во всей конкретности наши историки подменяли схемой. Молодое советское поколение, которое не видело буржуазии, при таком нашем изложении истории не поймет исторического процесса, не поймет, почему 150 лет сидит буржуазия на шее западноевропейского пролетариата, а он

ее до сих пор не сумел сбросить. Молодежь может сделать вывод, что там буржуазия очень сильна и пролетариат с ней не в состоянии справиться. Отсюда недалеко и до выводов, что власть буржуазии—несокрушимая гранитная скала. Из левацких установок получается прямое прикрашивание буржуазии. Необходимо серьезно поработать над указанием товарища Сталина, что осью новой истории должна быть противоположность между буржуазной и социалистической революцией.

Чтобы показать эту противоположность, нужно показать, что и буржуазия когда-то несла освобождение от гнета феодализма. По отношению к феодализму буржуазия сыграла роль освободителя, но это освобождение от ига феодализма она принесла вместе с игом капитализма и буржуазной демократии. При такой постановке вопроса, учитывающей, что создала буржуазия в лучшие годы своего существования, ярко выступает все величие пролетарской революции, освобождающей от вечного гнета и всякой эксплуатации. При такой постановке вопроса ярко выступает паразитизм современной буржуазии, диалектика в развитии буржуазного государства, которое из фактора прогресса превратилось в тормоз общественного развития.

Тов. Дубына подводит итоги обсуждения. Основным условием нашей дальнейшей работы является преодоление до конца схемы М. Н. Покровского. Предстоит много выступать с докладами, консультациями, лекциями. Ко всему этому надо крепко готовиться и выступать с подробным анализом, серьезными, убедительными доказательствами. В этой связи особенно вредно всякое упрощенчество. Таким упрощенчеством является утверждение, что Покровский принадлежал к теоретически оскудевшей интеллигенции начала XX в. и что этим объясняются многие его ошибки. Общая эрудиция, начитанность у Покровского были громадны. Суть в том, что его методология была в корне неправильна. Совершенно законно и правильно искать объяснения взглядов Покровского у представителей той или другой социологической или исторической школы, но явно недостаточно перечислить фамилии.

Мало назвать в качестве источников взглядов Покровского—Струве и Бюхера, Меринга и Зомбарта, Богданова и Рожкова,—надо разобрать, в чем именно и как они влияли на эту схему. Иначе получится упрощение критики.

Совершенно бесспорным является тот факт, что Покровский до конца жизни оставался на позициях экономического стихийного материализма. Он много раз за последние годы своей жизни выступал против экономического материализма, признавая, что он недооценивал раньше влияния надстройки на базис, но все это было лишь декларацией: у него экономический фактор был самодовлеющим, совершенно оторванным от политическо-

го. Его стихийный материализм теснейшим образом был связан с механическим подходом к анализу исторического процесса. В этом отношении совершенно очевидно его близкое родство с философией Богданова. Покровский, подобно Богданову, искал «всеобщий закон», который в виде своеобразной «отмычки» должен объяснять всегда и все. Богданов писал, что «всеобщая причинная связь явлений есть последнее дитя человеческого познания, она есть всеобщий закон, вышедший из тех законов, которые, выражаясь словами философа, человеческий разум предписывает природе». В другом месте он заявляет, что «закон причинности есть способ познавательного связывания явлений в непрерывный ряд», что «законы создаются мышлением как средством организовать опыт» и т. п. Известны взгляды Богданова на социальную причинность. Образцом механистического подхода к анализу истории общества является богдановская концепция, утверждающая, что решающие причины всякого развития общественных форм лежат в технике, что основа всякого способа производства есть техника, и т. д. и т. п. Ленин резко и обстоятельно критиковал философию Богданова. М. Н. Покровский не разделял целиком эту кантианскую теорию познания Богданова, но у него крепко укоренился богдановский, механистический прием в подходе к анализу исторических явлений. Главное заключается в том, как в свое время говорил Ленин о Михайловском, что у Покровского «нелеп был сам прием».

Бывали у М. Н. Покровского высказывания, которые звучали просто кантиански, как например заявление о том, что Октябрьская революция произошла наперекор и вопреки всяким законам. Типичной для него была механистическая методология. Противопоставляя свою схему русского исторического процесса Чичерину, Солбьеву, Ключевскому, Плеханову, он свел марксизм к вульгарному, стихийному материализму. Не даром он считал Щапова, введившего в объяснение истории некоторые географические и пассивно экономические мотивы, предшественником марксистской историографии. Объяснение всех явлений одним голым экономическим фактором приводило к упрощенчеству, к созданию «всемогущего» ключа. В качестве такой «отмычки» был введен торговый капитал, который определял и объяснял закрепощение, объединение русских земель, образование государства, создание абсолютной монархии, рост противоречий между дворянством и крестьянством, между помещиками и боярством. В основу объяснения причин декабристского движения, реформы 1861 г., русско-японской войны и т. п. была положена эволюция цен. Совершенно ясно, что такая схема извратила историю. Такой прием исключал возможность исследования каждого явления во всем его многообразии, не давал возможности правдивого раскрытия

всех его свойств, особых причин и следствий.

Механистическая причинность целиком сказала в объяснении истории классово-борьбы. Всякое движение, в котором руководит и участвует дворянство или буржуазия, автоматически относится к реакционным движениям. При этом безбожно путаются термины реакционный и контрреволюционный, в то время как различие этих понятий для анализа ряда конкретных явлений имеет глубоко принципиальное значение. Наоборот, крестьянское движение, независимо от анализа его лозунгов, программы, по Покровскому, всегда революционно. В силу этого антиленинского, формально-логического приема отрицалась какая бы то ни было прогрессивность «собирания земель русских», создания великорусского государства, борьба за сохранение самостоятельности великорусской нации, движение некоторых дворянских и буржуазных групп (Минин и Пожарский) против иностранного завоевания, мероприятий по укреплению национального государства и насаждению более высокой культуры (Петр I), производимых дворянским самодержавием реформ. Исходя из этого антиленинского приема, ложного «левацкого интернационализма», совершенно отрицалась прогрессивность декабристов, польских движений XIX в., извращалась история крестьянской войны на Украине XVII в., во главе с Хмельницким и т. д. и т. п. По Покровскому выходило так: раз декабристы были дворянами, раз в польском движении 30-х годов руководящую роль играла шляхта, раз Хмельницкий был старшиной, своеобразным зажиточным украинским вельможей — значит, дело ясно, все это должно быть отнесено в «ящик» реакционных движений. По формально-механистическому принципу Лжедмитрий изображен крестьянским вождем, а стрельческие восстания — революционным движением. По тем же левацко-интернационалистским мотивам у Покровского исчезает сама великорусская нация.

Естественно, что такой подход является антиисторическим: он ликвидирует историю как науку.

Буржуазия вынуждена фальсифицировать историю, ибо история против нее, и ее историки это делают вовсю. Мы, владеющие единственно научным приемом, методом Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, не нуждаемся в фальсификации. Вся история за нас: она совпадает с коренными интересами пролетариата. Нам нечего ее бояться, мы излагаем всю историческую правду, только мы и можем дать настоящую научную, объективную историю.

Покровский чувствовал противоречия своей схемы и пытался их перекрыть очень частыми выступлениями о партийности, политичности исторической науки, ее связи с практикой революционной борьбы. Но и в этом вопросе сказался формально-механистический прием. Отри-

цание буржуазного «объективизма» привело к отрицанию истории как науки. Его тезис о том, что «история есть политика, опрокинутая в прошлое», что основным назначением истории является «обслуживание современной политической борьбы», фактически привел к ликвидации истории как науки. «Конъюктуризм» в подходе к истории привел к тому, что мы занимались только историей последних десятилетий, и то лишь с точки зрения революционного движения.

Элементы «левацкого» интернационализма сказывались также и на новой истории. Здесь также было введено все-сильное действие торгового капитала и отрицание прогрессивности многих демократических и либеральных движений. И здесь история была подменена трактовкой «проблем» и борьбой формации, а совершенная «конъюктура» определяла сюжеты исторической тематики. Было бы глубокой политической ошибкой, если бы наши историки Запада поняли решение ЦК так, что у них все благополучно, что недоделаны только частности. Обсуждение письма товарища Сталина в журнале «Пролетарская революция» сыграло очень существенную роль, но недостатков и у историков Запада еще очень много. Влияние школы Покровского было достаточно большим и среди историков Запада и Востока. Могут найтись такие историки, которые, перестроившись за одну ночь, совсем выбросят экономический фактор и откажутся от тщательного изучения классово-борьбы, национальных противоречий и начнут изображать Ивана Калиту, Ивана III, Ивана Грозного, Петра I в качестве знаменитых носителей прогресса, а Минина и Пожарского, Пестеля и Муравьева — в качестве предшественников большевизма. Критика Центрального комитета предполагает всестороннее, конкретное, документальное изучение каждой стороны исторического явления, она требует объективного, правдивого изложения всего многообразного и сложного исторического процесса. Мы будем анализировать и экономику и роль торгового капитала, будем раскрывать всю глубину классовых противоречий, гнет и колониальное порабощение, будем вскрывать непоследовательность дворянских, либеральных и демократических движений, но в то же время будем раскрывать и положительные, объективно-прогрессивные стороны каждого явления, имея в виду, что на определенном этапе, в определенных условиях и защита национального государства, и собирание земель, и возникновение самодержавия, и национальное движение могут иметь и имели определенный прогрессивный характер. Мы должны быть материалистами-диалектиками, а не схоластами. Для этого мы должны быть вооружены глубоким знанием работ Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина: они помогут нам преодолеть схему Покровского и стать настоящими большевистскими историками.

**П Р И Н И М А Е Т С Я
П О Д П И С К А**

Н А 1936 Г О Д

**НА РУКОВОДЯЩИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОРГАН ИККИ**

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

18-й ГОД ИЗДАНИЯ

ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В МЕСЯЦ

Каждый партиец, комсомолец и беспартийный активист, желающий быть в курсе международной революционной борьбы и ориентироваться в актуальных проблемах Коминтерна, должен выписать журнал „КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ“

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

„Союзпечатью“, почтой, письмоносками, уполномоченными по партпечати в партгруппах и издательствами политотдельских газет на транспорте.

**ПОДПИСНАЯ ЦЕНА
НА 1936 ГОД:**

на 1 мес. — 1 р.
на 3 мес. — 3 р.
на 6 мес. — 6 р.
на 12 мес. — 12 р.

В РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖЕ журнал продается во всех киосках „Союзпечати“.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

СОДЕРЖАНИЕ

БЕСЕДА товарища СТАЛИНА с председателем американского газетного объединения „Скриппс-Говард Ньюспейперс“ г-ном Рой Говардом	3
Об организации конкурса на лучший учебник для начальной школы по элементарному курсу истории СССР (постановление СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б))	11
Передовая — За преодоление ошибок школы М. Н. Покровского	13
КАРЛ РАДЕК — Значение истории для революционного пролетариата	17
КАРЛ РАДЕК — Недостатки исторического фронта и ошибки школы Покровского	24
Письмо академика ПАВЛОВА советской молодежи	30

К 65-ЛЕТИЮ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

Н. СИДОРОВА — Массовое движение во французской провинции во время Парижской коммуны	41
--	-----------

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА

В. КИРПОТИН — Маркс, Энгельс, Ленин о Добролюбове	53
--	-----------

ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

М. ЛУРЬЕ — Ликвидация контрреволюционного кронштадтского мятежа	62
--	-----------

ИСТОРИЯ СССР

Н. ЦАЛОВ — Крымская война 1853—1856 гг.	76
К. СЕЛЕЗНЕВ — Царская армия в Крымской войне	91
Д. ЧЕВЫЧЕЛОВ — Африканская авантюра царизма (1888—1889 гг.)	105

БИОГРАФИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ

Ф. БЕРГМАН — Клара Цеткин	116
--	------------

БИБЛИОГРАФИЯ

В. ЛОСЕВ — „Пробуждение Азии 1905 г. и революция на Востоке“ (сборник статей)	126
--	------------

ХРОНИКА

НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФРОНТЕ (обсуждение в ИКП истории решений ЦК ВКП(б) и СНК об учебниках)	129
---	------------

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: **Б. М. ВОЛИН** (отв. редактор), **А. М. ПАНКРАТОВА** (зам. отв. редактора), **О. С. ВЕЙЛАНД** (отв. секретарь), **С. С. БАНТКЕ**, **Т. М. ДУБИНА**

ЗАВ. РЕДАКЦИЕЙ **В. П. ОЛЕНИЧ-ГНЕНЕНКО**

ЗАВ. ХУДОЖ. ОТД. **Ю. ЦИШЕВСКИЙ**

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды“, 24. Тел. Д 3-13-47. Прием в редакции от 10 до 3 дня
Уполномоченный Главлита № Б—19845 Издательский № 295 Заказ № 481 Тираж 29950
Материал сдан в набор 7/III 1936 г. Подписан к печати 23/III 1936 г. 4/1, бум. листа. 80 000 зн. в печатн. листе

Типография газеты „Правда“ им. Сталина. Москва, ул. „Правды“, 24.